

Российская Академия Наук
Институт философии

В. П. Веряскина

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ОБЩЕСТВЕ МОДЕРНА**

Москва
2015

УДК 140.8
ББК 15.56
В 37

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук, проф. *Н.Н. Зарубина*

доктор филос. наук, проф. *В.Г. Федотова*

В 37 **Веряскина, В.П.** Трансформация человека в обществе модерна [Текст] / В.П. Веряскина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 223 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0287-4.

В монографии рассматривается проблема трансформации человека в контексте современности и обосновывается необходимость персональной модернизации. Автор показывает связь современности с персональностью человека, выделяет исторические истоки персональной модернизации, ее этапы, связанные с появлением в посттрадиционном обществе свободного, автономного индивида. Последующая трансформация человека в обществе модерна соотносится с появлением типов модульного, экономического и массового индивидов. В работе раскрывается связь рефлексивности современности с персональной модернизацией, выделяются долгосрочные тренды возможного развития человека.

ISBN 978-5-9540-0287-4

© Веряскина В.П., 2015

© Институт философии РАН, 2015

Введение.

Человек как незавершенный проект модерна

Что есть человек, говорит его история.
В. Дильтей

Переход от традиционного общества к современному с наступлением Нового времени порождает интенсивную динамику социальных изменений. На смену легитимации социальных порядков, основанных на системе трансцендентных сакральных норм, теоцентрической картине мира, приходит самообоснование современности, базирующееся на «абсолютной самостоятельности индивида» (Г.В.Ф. Гегель «Феноменология духа»). Такая связь свободы индивида как субъекта и динамика социальных изменений с необходимостью ставит вопрос о трансформации человека в обществе модерна. Современным становится не только общество, но и человек. Особенно проблематично звучит вопрос о человеке в XX в., что связано не только с мировыми войнами, уничтожающими человеческие жизни, и проявленной в этом процессе бесчеловечностью (Холокост), но и возрастающими возможностями социальных технологий и биотехнологий.

Философская антропология, этика и социальная философия на основе своего методологического арсенала и предметных возможностей рассматривают вопросы об историческом изменении человека, размышляют о «конце истории» и «последнем человеке» (Ф. Фукуяма). Философская антропология XX в. в лице Э. Кассирера, М. Шелера, Н.А. Бердяева, М. Бубера и др. находилась в поиске универсальных констант человеческой природы, поиске антропологической идентичности человека как специфического вида. Она представила варианты исторического самопонимания человека. Этот анализ оказался важен потому, что он показывает, что к каждой выбранной доминанте в антропологической идентичности человека тяготеет и определенный принцип понимания истории человечества, так как каждое историческое учение и социологические интерпретации основываются на разных представлениях о сущности, организации и происхождении человека. Современные возможности научно-технического прогресса позволяют вмешиваться в природу человека. С помощью социальных технологий и

биотехнологий возникает жизненная политика как свобода выбора стилей жизни, а с ними и риски «инструментализации и овеществления человеческой природы» (Ю. Хабермас). Дискурс философской антропологии, а также и этики, предлагающей в своих историко-культурных традициях образ совершенного человека, может служить основанием для понимания следующего кардинального вопроса: до каких пределов возможна искусственная трансформация человека и при каких условиях человек остается человеком в своей антропологической идентичности. Клод Леви-Стросс считал Ж.-Ж. Руссо основоположником антропологии, он антропологическую идентичность человека связывал со способностью отождествлять себя с другим, способностью к состраданию, которая, на наш взгляд, не поддается технологизированию.

Вместе с тем, ограниченность подхода философской антропологии, а также этики, обоснованной с позиций «от должного – к сущему», заключается в их абстрактности, так как универсальные константы человеческой природы трактуются внеисторически.

Переход от традиционного общества к современному, возникновение капитализма акцентирует внимание к нравственно должному измерению реального эмпирического индивида. Именно он все более становится активным субъектом социальных преобразований в мире. Поэтому представления о нравственно достойном эволюционируют с необходимостью в трактовке от образа совершенного человека «от должного – к сущему» к образу «хорошего» человека – реального эмпирического индивида, причем обоснование этического осуществляется на пути «от сущего – к должному». Такую позицию обосновал П. Сорокин, считающий, что понятие «хорошего» создается не нормативным, а теоретическим путем. Это означает необходимость обращения к исторической реальности, фактам, изучению причинных связей сущего. Тогда модель «хорошего человека» может быть интерпретирована как самореализация в рамках ответственности перед Другим.

Вместе с этим отход от абстрактно-антропологического и абстрактно-нормативного в исследовании человека приводит к необходимости анализа человеческой жизни реального эмпирического индивида в определенном социальном и историческом контексте. Концепт «жизни» становится важным в социально-философском исследовании. Антропологический поворот в со-

циальной философии связан с осознанием роли человеческих качеств и человеческого капитала в социальных трансформациях, с возрастающей ролью наук о жизни, с пониманием ценности и неповторимости индивидуальной человеческой жизни. Выявление логики трансформации человека в обществе модерна, необходимость персональной модернизации человека, определяемой как проблематизация взаимодействия индивидов с изменяющимися в процессе исторического развития социальными институтами, являются теоретическим ядром замысла данной работы. Вместе с этим тренды – как долгосрочные тенденции возможного развития человека – предполагают идею о том, что человек выступает как незавершенный проект модерна.

В работе рассматриваются истоки персональной модернизации, становление *Homo capitalisticus* в концепциях М. Вебера, К. Поланьи, В. Зомбарта. Исследованию проблематичности связи социальных институтов и изменяющихся индивидуальных качеств людей посвящена первая попытка создать основу теории персональной модернизации американскими учеными А. Инкелесом и Д. Смитом. Ими предложена модель современного человека. Социальная значимость персональной модернизации заключается в том, что качество современного человека, особенности его современного характера начинают определять процессы социального развития и становятся сутью государственного развития. В процессе социальных трансформаций происходит также и трансформация самого человека. На исторической арене появляется свободный автономный индивид эпохи либеральной современности, возникают типы «модульного» человека, экономического человека, массового индивида, «негативного» (З. Бауман) индивида со своими содержательными специфическими характеристиками. Логика такой трансформации: от свободного, автономного, ответственного индивида классического капитализма к массовому индивиду периода развитого индустриализма и потребительского общества, а от него к «негативному», неукорененному индивиду периода рефлексивной модернизации.

В работе выделены тренды возможного развития человека. К ним относятся: трансформирующаяся индивидуализация (появление «негативного» индивидуализма и «лишних» людей); целенаправленная биополитика и развитие человеческого по-

тенциала; коррекция парадигмы «*Homo economicus*»; институциональное обеспечение возможностей человеческого развития; многообразии стилей жизни. Эти тенденции являются, по мнению автора, подтверждением того, что человек – незавершенный проект модерна. Как реализуется этот проект, во многом будет зависеть от управления развитием человеческого капитала и развития человеческого потенциала.

Человек в историческом измерении: плюрализм методологических подходов

Без обращения к принципу историзма трудно понять, в чем именно природа человека неизменна и в чем она подвергается изменению. Так же, как в онтогенезе, человек от рождения до смерти проходит ряд этапов своего возрастного, культурного и социального изменения, человеческий род проходит определенные стадии эволюции. Этот процесс изучается многими науками как естественнонаучного, так и социально-гуманитарного профиля, причем находящимися на разной стадии своего развития, и, конечно же, далек от относительного завершения и даже во многих случаях впечатляющих результатов. Вместе с тем, складывающееся сегодня лидирующее положение наук о жизни и открывающиеся возможности технологического применения их результатов, особенно генетики и молекулярной биологии, а также проблема социальной манипуляции сознанием ставят острофилософский вопрос о том, что такое человек, в чем заключается его природа, существует ли некий присущий всем людям инвариант человеческого и где именно проходят границы допустимого вмешательства, которые не вызовут необратимых последствий для человека как видового существа. Эти актуальные проблемы не оставляют времени, чтобы иметь всю полноту информации и знаний, которую может дать весь комплекс наук при ответе на вопрос «какова природа человека и как она эволюционирует в процессе исторических изменений». Мы вынуждены исходить из того, что современность – это тоже один из этапов исторического развития и инвариант человеческой

природы, если он есть, он существует в нас, современных людях. Решая современные задачи, человечество открывает одновременно грани собственной природы. Академик И.Т. Фролов об этом писал так: «Сегодня как никогда ранее человечество сосредоточенно вглядывается в самого себя и порой как бы вновь открывает *Человека*: не без радостного изумления и даже восхищения, а зачастую и горького разочарования... Человек – уникальнейшее и изумительнейшее творение природы и истории, будущее его бесконечно и прекрасно, утверждают одни мыслители. Человек – ошибка природы, ее злосчастное порождение, наделенное неисчислимыми пороками, у него поэтому нет будущего, он обречен на вырождение и гибель, – считают другие»¹. Комментируя это положение, можно сказать, что природа человека амбивалентна, она есть противоречие и открытый вопрос, решение которого лежит в плоскости морального выбора, и эта способность к моральному выбору – важнейшая из констант (инварианта) человеческой природы. Вместе с тем, надо подчеркнуть, что вместо мифов и утопий о человеке сегодня особенно важен научный подход, основанный на фактах и доказательствах, а сама проблема человеку представляет как *комплексная*, системная, развивающаяся. Как философское завещание в познании человека можно рассматривать сформулированную И.Т. Фроловым исследовательскую парадигму: «Философия способствует прежде всего *постановке новых проблем* на “стыке” разных наук и сфер человеческой культуры. В этом заключается ее *интегративная, синтетическая* функция в науке и обществе. Философия выполняет далее свою *критическую* (т. е. аналитическую, исследовательскую) функцию в широком значении этого слова. Эта функция может быть охарактеризована также как *методологическая*, связанная с критикой (анализом) путей познания и действия. Наконец, все большее значение в современных условиях приобретает *ценностно-регулятивная, аксиологическая* функция философии, состоящая в соотношении целей и путей познания и действия с гуманистическими идеалами, в их социально-этической оценке»².

В оценке перспектив исторического развития И.Т. Фролов подчеркивал, что именно *человек*, его всестороннее и свободное развитие является мерилom социального прогресса и *мерой всех наук*.

¹ Фролов И.Т. Избр. тр. Т. 3: О человеке и гуманизме. М., 2003. С. 764.

² Там же. С. 766.

В контексте анализа природы человека необходимо обратиться к этимологии понятия «природа». Оно обладает широким спектром значений, одно из которых означает сущность той или иной вещи, как, например, в выражении «природа вещей» оно прослеживается на всем протяжении истории, в отличие от понятия «природы» как противостоящей и объективно существующей, развивающейся по своим законам, независимой от человека. Так понятие «природа» становится доминирующим лишь в культуре Нового времени. Греческое существительное – фюсис – природа – происходит от глагола, означающего выращивать, рождать, производить на свет, возникать. Оно носит в себе значение бытия, но не как результативного пребывания, а как происхождения на свет. В произведениях античных авторов Пиндара, Эсхила, Софокла «узнать, каков человек, – значит узнать его род и происхождение. То и другое обнаруживается в момент славы героя, когда раскрывается и становится очевидной его природа – сила, красота, крепость, свидетельствующая о достоинстве его рода. У Эсхила и Софокла “природа” означает внешний вид, осанку, фигуру, находящегося в расцвете сил человека»³. Таким образом, природа человека есть то, что присуще человеческому роду по его происхождению и бытию, в отличие от позиции, связывающей «природу» человека с материальным, биологическим, а «сущность» человека – с культурным, социальным. Природа человека выступает как органическое единство материального и духовного, биологического и социального, уникальной корреляции этих оснований, сущность которых пытается познать современная наука и получает соответствующие подтверждения этому единству.

Исторический аспект в анализе человеческой природы можно показать на философско-антропологических концепциях Э. Кассирера, М. Шелера, М. Бубера, В. Брюнинга, каждая из которых строит свою версию трансформации исторического образа человека. Можно показать, как биотехнология проблематизирует тему антропологической идентичности и выводит концепт «человеческая жизнь» в качестве центрального в философско-антропологическом дискурсе на современном историческом этапе. Представляется важным показать, какие именно достижения наук о

³ См.: Новая философская энциклопедия Т. 3. М., 2001. С. 346–347.

жизни, поведенческих и социальных наук имеют технологические возможности трансформировать человеческую природу и каковы современные характеристики человеческой природы, представленные на основе мониторинга психического здоровья человека в современном мире. Социально-исторический аспект анализа человеческой жизни может быть также представлен в контексте общества потребления, где тело человека выступает как объект потребления и конкуренции (Ж. Бодрийяр).

Дискурс философской антропологии: поиск универсальных констант человеческой природы

Характерно, что именно в философской антропологии XX в. просматривается интенсивный поиск специфики человека, того универсального инварианта, присущего всем людям. Это обусловлено не только трагическими социально-историческими событиями (мировая война, революция с неизбежными карательными акциями, медицинские и социальные эксперименты на людях), но и предчувствием колоссальных возможностей науки.

Мы обращаем свое внимание к философии XX в. прежде всего потому, что многие ее представители пытались давать концептуальные версии ответа именно на вопрос о сущности человека, его природе, особом положении в мире. Это такие крупные мыслители XX в., как Э. Кассирер (1874–1945), М. Шелер (1874–1928), М. Бубер (1878–1965), Э. Фромм (1900–1980), М. Бердяев (1874–1948). Для них характерна антропологическая направленность философских поисков осмысления индивидуального и социального бытия человека.

Версия Э. Кассирера: эволюция философских представлений о сущности человека

Прежде чем сформулировать свое кредо о том, что человек есть *Animal symbolicum* (человек символический) и именно в этом заключается его своеобразие, Э. Кассирер выделяет качественные этапы в развитии философии человека и его рефлексии

о себе самом⁴. Э.Кассирер считает, что самопознание – высшая цель философского исследования и уже в первых мифологических объяснениях мироздания мы обнаруживаем примитивную антропологию бок о бок с примитивной космологией, так вопрос о происхождении мира переплетается с вопросом о происхождении человека. В истоках греческой философии возникает уже понимание того, что проникнуть в тайну природы, не раскрыв тайну человека, невозможно.

Эта тенденция в греческой философии обрела зримые очертания, особенно в философии Сократа, в центре внимания которого стоял главный вопрос: что есть человек. Э. Кассирер обращает внимание в философии Сократа на два принципиальных момента, которые будут идейными истоками многих версий развития антропологической мысли.

Во-первых, «мы не можем исследовать природу человека тем же путем, каким мы раскрываем природу физических вещей. Физические вещи можно описать в терминах объективных свойств, тогда как человека можно описать только в терминах его сознания»⁵.

Во-вторых, дается косвенный ответ на вопрос: что такое человек. По Сократу: «Существо, которое постоянно ищет самого себя, которое в каждый момент своего существования испытывает и перепроверяет условия своего существования» и «лишь благодаря этой основной способности – давать ответ самому себе и другим людям – человек становится и “ответственным” существом и моральным субъектом»⁶. Здесь выделяется ряд принципиальных теоретических положений, которые и сегодня питают усилия в поисках решений антропологической проблемы: это идея об особой методологии исследования человека, не столько как объекта среди объектов, вещи среди вещей, сколько исследование его субъективности, а для этого необходимы иные подходы, иной качественный срез методологических средств; это идея о том, что человек пребывает в постоянном становлении и развитии, что он есть рациональное существо, способное осмысливать свое существование, брать на себя ответственность за собственное жизнеустройство и

⁴ См.: *Кассирер Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в современной западной философии. М., 1988.

⁵ См.: Там же. С. 7–8.

⁶ Там же. С. 8.

руководствоваться при этом определенными этическими нормами. «Сила суждения – основная сила человека, общий источник истины и морали. Ибо только в этом человек целиком зависит от самого себя, здесь он свободен, автономен, самодостаточен...»⁷. И кроме того, идея о формировании человека и его человечности в общении, так как истина познания человека рождается в непосредственном общении, ее нужно понимать как продукт социального действия, возникающий в постоянном сотрудничестве субъектов.

По мнению Э. Кассирера, на смену этому этапу философского осмысления приходит средневековой с его новой парадигмой, которая находится в конфликте с античной и стоической философией, где главное достоинство человека – его разум и основанная на нем независимость. Утверждается новый подход к тайне человека – религиозный. Формируется во всей полноте теологическая антропология, где откровение, а не разум признается высшим основанием бытия и где человек занимает определенное, подчиненное положение в иерархии форм бытия.

Новое время и возникновение в этот период гелиоцентрической системы Н. Коперника приводит к созданию новой основы новой антропологии. Э. Кассирер подчеркивает те необратимые следствия, которые приносит гелиоцентрическая картина мира в антропологию. Как классическая метафизика, так и теология трактуют Вселенную как иерархический порядок, где человек занимает высокое место в иерархии форм бытия. Именно это положение новая космология ставит под вопрос. Человек оказывается в бесконечном пространстве, один на один с Универсумом, осознает свое одиночество и хрупкость своего бытия, лишается прочного и устойчивого места во Вселенной, осознает себя бесконечно малой величиной по сравнению с миром, его целостностью. Именно такое психологическое состояние понуждает и науку, и философию нового времени принять вызов и обосновать место и значимость человека как особого и уникального в своих возможностях творения. Итогом развития науки нового времени и философии, находящейся под ее влиянием, стало, по Э. Кассиреру, следующее состояние антропологической философии: «Ма-

⁷ См.: *Кассирер Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в современной западной философии. С. 20.

тематический разум есть связь между человеком и универсумом: он позволяет нам свободно переходить от одного состояния к другому. Математический разум – ключ к истинному пониманию космического и морального порядка»⁸.

На смену всевластию математического разума в связи с дальнейшим углубляющимся развитием естествознания на первый план выходит биология. Со времени написания Ч. Дарвином «Происхождение видов» антропологическая философия получила иные методологические импульсы для своего развития. Во-первых, поставила под сомнение бесплодные попытки философии человека, нацеленные сугубо на метафизические общие дефиниции природы и сущности человека; во-вторых, предложила строить теорию человека на сборе и анализе эмпирических фактов его бытия и жизнедеятельности; в-третьих, освободила науку от иллюзии конечных причин, причем и объяснила роль случайного в происхождении видов, и тем самым уничтожила произвольные границы между различными формами органической жизни.

Однако эти методологические импульсы, несмотря на их важность и стимулирование развития философии человека, оставили открытым вопрос: что организует эмпирические факты бытия человека в некую единую целостность? Как интерпретировать богатый материал эмпирических фактов?

На наш взгляд, эта проблема и поныне в философской антропологии остается центральной, и мы имеем исторические и современные варианты (версии) решения этой проблемы. Каждый значительный философ полагал, что он нашел это *a priori* данное основание, позволяющее упорядочить эмпирическое многообразие феноменов человеческого существования и тем самым ответить на вопрос: что есть человек? Ф. Ницше провозгласил такой основой волю к власти, З. Фрейд – сексуальный инстинкт, К. Маркс – экономические основы развития общества.

Сам Э. Кассирер оценивает такую ситуацию следующим образом. «Если раньше метафизика, теология, математика или биология принимали на себя руководство размышлениями о проблеме человека и определяли общую линию исследования, то теперь нет

⁸ См.: *Кассирер Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. С. 25.

такого признанного авторитета... И это не только серьезная теоретическая проблема, но и надвигающаяся угроза этической и культурной жизни»⁹.

Каково же решение самого Э. Кассирера этой сложной проблемы? Своеобразие человека следует искать, обращаясь к *способу его бытия* в мире. А способ бытия человека таков, что между внешней средой и человеком как живым организмом и субъектом жизнедеятельности, в отличие от животного существования, помещено опосредующее звено – символическая система. Человек живет как бы в новом измерении реальности, он живет не только в физическом, но и символическом универсуме.

Язык, миф, искусство, религия, наука – части этого универсума, из которого сплетается символическая сеть человеческого опыта. «Человек уже не противостоит непосредственно физической реальности и отделяется как бы от нее по мере его символической активности... Вместо того, чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя»¹⁰.

Таким образом, человек живет среди воображаемых эмоций, в надеждах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез.

Э. Кассирер сохраняет за человеком статус рационального животного, но подчеркивает, что язык не тождественен разуму, т. к. существует наряду с концептуальным языком язык эмоциональный, не менее значимый и в генезисе человека, и его современных формах жизни, и поэтому «разум» – не в полной мере адекватный и всеохватывающий для обозначения форм культурной жизни во всем ее богатстве и многообразии термин, так как эти формы жизни суть символические формы. «Вместо того чтобы определить человека как *animal rationale*, мы должны определить его как *animal symbolicum*. Именно так мы можем обозначить его специфическое отличие, а тем самым и понять новый путь, открытый человеку – путь цивилизации»¹¹.

Кассиреру важно исследовать все объективированные проявления символических, конструктивных способностей человеческого сознания (миф, язык, история, наука, искусство) для того,

⁹ См.: Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. С. 25–26.

¹⁰ См.: Там же. С. 29.

¹¹ Там же. С. 30.

чтобы ответить на вопрос об общей природе и модификациях этой способности, а значит, и о сущности человека как *Animal symbolicum*.

Какие же следствия относительно понимания специфики человека дает концепция *Animal symbolicum* Э. Кассирера? На наш взгляд, можно отметить как минимум два момента:

1) символическая способность человека – это ключ к индивидуализации, по крайней мере, сфер его духовного бытия, ибо смысл и значение объективированным проявлениям сознания приписывается с учетом личностной интерпретации реальности;

2) проясняет механизм влияния символических объективированных форм, например магии, языка, мифа, религии и т. п., на специфику индивидуального бытия.

Теоретическая позиция Э. Кассирера обладает существенным объяснительным потенциалом. Сам Э. Кассирер считал, что философия есть великое усилие мысли охватить все многообразные проявления человеческой деятельности, чтобы привести их к общему знаменателю. Культура, существование объективированных символических миров представляется тем общим знаменателем, который позволяет объяснить человека и специфику его социального и индивидуального бытия. Почему же мы не можем признать концепцию Э. Кассирера универсальной, объясняющей все формы бытия человека? Видимо, потому, что за пределами его концепции остаются, во-первых, природные основания человека и телесность, его бытие, обусловленные наличием бессознательного, иррационального; во-вторых, логические следствия из принципа тотальности влияния объективированных символических миров как основы бытия человека *неоднозначны*. На этот факт обращал внимание М. Хайдеггер на очной дискуссии с Э. Кассирером в 1929 г. в г. Давосе. Да, с одной стороны, верно, что вне культуры и ее объективированных символических форм невозможна рефлексия субъекта над данностями своего сознания и рушится само разумное человеческое бытие. Да, наличие символических объективных миров есть основание экзистенции (*Dasein*), только придавая символическое выражение своим идеям и чувствам, человек реализует свои творческие потенции. Вместе с тем у М. Хайдеггера главный аргумент в дискуссии заключается в том, что тоталитарность рационализированных символических миров несет угрозу *уникальному*

человеческому существованию. Культура является не только условием человеческой свободы, но и в какой-то мере может быть средством стереотипизации, обезличивания, оскудения личностного бытия. Поэтому Dasein (экзистенция) – объемный, целостный мир уникального индивидуального бытия человека, непосредственное существование которого «заброшено» в данный момент времени и в данном социальном, историческом и индивидуальном пространстве, представляет собой некую ценность, поступиться которой нельзя ни в теоретическом, ни практическом плане. Кассиреровская антропология не делает это предметом своего рассмотрения. Обращая внимание на противоречивое влияние культуры на индивидуальное бытие, Хайдеггер действительно замечает реальные возможности деиндивидуализации, связанные с такими измерениями культуры, как технические условия быта, транслируемые массовой культурой шаблоны поведения, бюрократический язык, влияние структур политических институтов.

«Идеи» человека как основополагающие идеальные типы систематики М. Шелера

Антропология М. Шелера – это одна из фундаментальных версий XX в., понимающая развитие философии человека как историю его самосознания, где рассматривается историческое возникновение «идей» человека как основополагающих идеальных типов.

Если существует философская проблема, решения которой с исключительной настоятельностью требует наше время, то это проблема философской антропологии, – считает М. Шелер. Имеется в виду фундаментальная наука о сущности и строении сущности человека. В эту науку входит исследование вопросов: об отношении человека к царствам природы (неорганическая природа, растения, животные и основа всех вещей); о его метафизическом сущностном истоке и его физическом, психическом и духовном начале в мире; об энергиях и силах, которые им движут и движимы им; об основных направлениях и законах его биологического, психического, духовно-исторического и социального развития, причем в равной степени как в их сущностных возможностях, так и в реальном воплощении; сюда же включены психофизическая про-

блема души и тела и поэтико-витальная проблема. Только такая антропология могла бы дать всем дисциплинам, предметом которых является человек, окончательную философскую основу и ясные цели для исследований¹².

Идея М. Шелера – дать пять основных типов самовосприятия человека – рассматривается им как введение в философскую антропологию.

Первая идея, все еще господствующая в теистических кругах, особенно связанных с церковью, не является плодом философии и науки – это идея религиозной веры. Она является продуктом религиозного иудейства и его письменных источников: Ветхого Завета, античной религиозной истории и Евангелий.

Эта идея человека лежит в основе религиозной антропологии, которая с точки зрения науки и независимой от религии философии лишена какого-либо значения. Вместе с тем, это миф, исполненный глубокого смысла, которому подыскиваются рациональные подтверждения, оправдания. Он обладает более сильным воздействием, чем мы подозреваем, и корни этого явления – в объективном запасе веры и страхе перед земным бытием. «И не явился еще великий психоаналитик истории, который сделал бы исторического человека свободным и независимым от этого страха... который и есть эмоционально-импульсивный корень этого специфического иудейско-христианского мифа»¹³. Таким образом, если признать, что страх является неустранимым экзистенциалом человеческого бытия, идея человека, в основу которой положена религиозная вера, всегда будет иметь своих адептов. *Nomo religiosis* – в основу идеального типа которого положена вера как антропологическая константа – является одним из возможных архетипов человека, выражающих его сущность.

Вторая идея человека, властвующая над нами, – идея *Nomo sapiens* (человека разумного). Это изобретение греков – предстателей греческого полиса, которая предполагает высокую самооценку человека. Эта идея в истории философии наиболее ясно выражена Анаксагором, Платоном, Аристотелем.

¹² См.: Шелер М. Человек и история // Шелер М. Избр. произведения. М., 1994. С. 70–97.

¹³ См.: Там же. С. 75.

М. Шелер дает нетрадиционную трактовку возникновения этой идеи – идеи «Homo sapiens». Эта идея отделяет человека от животного вообще. Однако речь идет не о принципиальном отличии, устанавливаемом в границах эмпирического опыта (морфологические, физиологические, психологические различия и т. д.). Этот опыт никогда не мог бы противопоставить человека животному, да и всей природе, стоящей ниже человека в эволюционном развитии. Идея Homo sapiens возникла совсем по иному закону: «Она есть следствие уже предполагаемой идеи Бога и учения о человеке как образе и подобии Божиим»¹⁴. Истоки этой идеи – в классической греческой философии, утверждающей положение о позитивной идее-форме и негативном страдательном факте бытия (материи), человеческое самосознание поднимает себя над остальной природой, человеческому роду, в соответствии с этой позицией, должно принадлежать специфическое действующее начало, присущее ему одному, – разум, логос, рацию.

Учение о Homo sapiens стало после средневековья господствовать безраздельно, достигнув наивысшего триумфа в эпоху Просвещения. Только одна из черт разума – неизменность – была преодолена у Г.В.Ф. Гегеля. Он делает огромный шаг вперед, отрицая неизменность человеческого разума. Ему известна история самого человеческого духа. Эта история есть история становления самопознания вечного божества и его вечного категориального мира идей в человеке. Влечения и страсти существуют лишь как слуги Логоса.

Таким образом, в историческом учении Гегеля перед нами предстает наиболее четко выраженное учение в рамках антропологии «homo sapiens».

Третья идея человека, которая, по мнению М. Шелера, объединяет натуралистическое, «позитивистское», а позднее и прагматическое учение, обозначаемое формулой «homo faber». Эта идея также охватывает все основные проблемы антропологии.

Каково содержание идеи человека как «homo faber»?

Она отрицает особую *специфическую* способность разума у человека. Для учения о «homo faber» нет существенного различия между человеком и животным, есть только различие по степени развития. Фактически человек – лишь особый вид животных, по-

¹⁴ См.: Шелер М. Человек и история // Шелер М. Избр. произведения. С. 76.

тому что: а) здесь действуют те же элементы, силы и законы, только с более сложными последствиями; это относится и к физической, и к психической сфере; б) из влечений, чувственных восприятий и их генетических производных здесь должно выводиться понимание всего душевного и духовного; в) мыслящий «дух», способность нормального желания и целеполагания, ценности, оценки, духовная любовь и т. п. суть дополнительные эпифеномены, которые лишь в иной форме действуют и во внечеловеческом живом мире. Отсюда вывод: человек в первую очередь не «*homo sapiens*», а «инстинктивное существо».

Человек – это всего лишь высокоразвитое живое существо. То, что именуется духом, разумом, не имеет самостоятельного происхождения, не обладает автономными законами, а представляют лишь дальнейшее развитие тех способностей, которые имеются у человекообразных обезьян. Дух здесь – только часть психики, внутренней стороны жизненных процессов.

В теории «*homo faber*» человек в первую очередь это: животное, пользующееся знаками (язык); животное, пользующееся орудиями; «мозговое существо», т. е. такое существо, у которого на работу головного мозга расходуется больше энергии, чем у животного; знаки, слова, понятия – это орудия – усовершенствованные психические орудия. Таким образом, эволюционная теория происхождения человека в любом случае должна быть принята.

Всем учениям и взглядам, основанным на идее «*homo faber*», присуще нечто общее.

1. Они осознают себя полностью или частично как натуралистические.

2. Общим для всех этих типов антропологий и исторических учений является натурализм.

3. То, что их роднит между собой – это вера в единство истории человечества, вера в рациональную эволюцию. Вера в то, что история движется к одной великой, благородной цели, вера в возрастание ценности человеческих творений, да и самого человека. В этом пункте присутствует единство и с историческими учениями из христианской и рационально-гуманистической антропологии.

Четвертая из пяти господствующих идей человека входит в диссонанс с предшествующими тремя, она еще не понята и не принята широкой публикой.

Суть этой идеи в том, что человек – неизбежно *деградирующее* существо, деградация есть сущность и основа самого человека (*Homo degeneratus*). «На простой вопрос: “Что такое человек?” эта антропология отвечает: человек – это способный по-настоящему лишь к развитию простых суррогатов (язык, орудия и т. п.), прожигающий в болезненном повышении порога собственной чувствительности свои жизненные свойства и жизнедеятельные проявления *дезертир жизни* – жизни вообще, ее основных ценностей, ее законов, ее священного космического смысла»¹⁵. Такая экстравагантная позиция имеет своих адептов и соответствующую аргументацию.

Само существование культуры есть не что иное, как результат биологической слабости и бессилия человека. Сам М. Шелер называет эту теорию странной, хотя аргументация этой теории обращает внимание на некоторые факты критического порядка. Так, например, дух, сознание интерпретируются как начало разрушительное, губительное для жизни. Дух понимается как та самая сила, которая разрушает жизнь и душу. Дух и жизнь выступают как две абсолютно противоположные силы.

Сама же история человечества понимается как необходимый процесс отмирания изначально смертельно раненного вида. Таким образом, ярко выраженный европеец – ошибка жизни. Условиями отмирания становится собственная цивилизация, выходящая из-под власти и контроля воли и духа и становящаяся все более неуправляемой.

Человеческое бытие в глобальном масштабе показывает эволюцию к последовательной деградации. Это последовательные фазы пути к смерти. Они таковы: «...от выражения души – к цели, от импульсивности – к осознанному волеию, от жизненного сообщества – к обществу (Ф. Теннис), от “органического” к механическому мировоззрению, от символа – к понятию, от родовой организации сообщества – к воинственному государству и разделению на классы, от материнских хтонических религий к духовным религиям, почитающим Создателя, от магии – к технике, от метафизики символов – к позитивной науке: ...на это обречено человечество в целом»¹⁶.

¹⁵ См.: Шелер М. Человек и история. С. 86.

¹⁶ Там же. С. 40.

М. Шелер считает, что эта теория – ложная, имея в виду прежде всего два момента: во-первых, *происхождение духа не является эмпирическим, естественно-историческим процессом, оно носит метафизический характер* и, во-вторых, сам М. Шелер, высоко оценивает роль духа как специфического качества, конституирующего человека, в то время как эта теория человека – человека как «*homo degeneratus*» – придает огромное значение эмоционально-автономной инстинктивной жизни и ее произвольным проявлениям.

Пятая из «идей» человека занимает в рассматриваемой концепции совершенно особое место, которому соответствует и особый взгляд на историю, эволюцию развития общества. Это – идея «сверхчеловека». Если четвертая из рассмотренных идей унижает человека, трактует его как дегенеративное существо, идея «*homo sapiens*» идентифицируется с человеком в западной духовной традиции, то идея «сверхчеловека» возносит самосознание человека на небывалую высоту. Содержание этой идеи: в основе ее лежит образ сверхчеловека (по сравнению с которым просто человек – «мерзость и прискорбный срам» Ф. Ницше «Заратустра»), достойного ответственности, господина и творца, составляющего оправдание того, что называют народом, историей, мировым процессом, наивысшей ценностью бытия. Наиболее видные представители этой формы антропологии – Д.Г. Керлер, Н. Гартман, Ф. Ницше. Основу этой новой идеи человека составляет так называемый постулаторный атеизм серьезности и ответственности¹⁷. Суть его в переосмыслении идеи Бога. Прежний атеизм материалистов, позитивистов рассматривает существование Бога как недоказуемое, либо недоступное пониманию, либо опровергаемое ходом развития вещей. Такой мыслитель, как И. Кант, ситуацию разрешает введением общезначимого постулата практического разума, соответствующего разумной идее Бога. Постулаторный атеизм ответственности идет еще дальше. Бог *не может и не должен* существовать во имя ответственности, свободы, во имя смысла существования человека. Только в этом случае возможно свободное, нравственное существо. Таким образом, вводится исходный постулат ответственности как основа свободы и нравственного выбора человека.

¹⁷ См.: Шелер М. Человек и история. С. 94.

Какова же связь данной идеи человека и толкования истории? Ответ однозначно предопределен: история, человечество, народы – лишь путь к такой самоценной и самодостаточной личности. Полнота любви и уважения, которую люди переносили на бога, должна принадлежать такой личности. В свете этой антропологии трактуется история в трудах К. Брайзинга, Т. Карлейля, С. Георге, Ф. Гундольфа. В данном ракурсе рассмотрения история предстает как демонстрация героев и гениев, «высших экземпляров» человеческого рода.

Концепция М. Шелера представляет одну из интереснейших попыток создать систематику антропологии.

Сущность человека в ходе исторического развития самосознания трактуется неоднозначно. Нет единой и единственно истинной концепции, сложившейся в ходе историко-философского развития. На примере пяти (а в принципе, можно выделить, на наш взгляд, и более) основных типов самовосприятия человека выявляются совершенно различные направления идей о сущности человека, которые до сих пор господствуют в культуре. Автор этой концепции показывает, как к каждой из определенных идей человека тяготеет и определенный принцип (или исторический метод) понимания истории человечества.

Кроме того, если устанавливается факт отсутствия единства во взглядах на сущность человека, то это ведет к пониманию глубинной причины противоборства между различными социологическими и историческими воззрениями. Дело в том, что в основе всех этих различных социологических интерпретаций лежат принципиально разные представления о сущности, организации и происхождении человека. Каждое историческое учение основывается на определенном типе антропологии, независимо от того, знаком ли с ним историк или социолог.

Заслуга М. Шелера заключается в том, что *он настаивает на выделении философской антропологии как специальной сферы философского знания, где главным предметом становится человек, как особый род сущего*. М. Шелер проблематизирует вопрос о сущности человека, представляя различные линии в его историко-философском осмыслении.

Что же именно есть уникальное в человеке, специфически человеческое, составляющее его природу, в терминах классического, философского понятийного аппарата: разум, социальность, совершенство или недостаточность его биологической природы, дар общения, представленный в языке?

На наш взгляд, по отношению к такому сложному предмету исследования, как человек, трудно выделить лишь только *одно* какое-то определенное качество, которое определяло бы всю меру специфически человеческого в человеке. Возможно, более продуктивной может оказаться позиция, в которой нетривиальность, уникальность – не только в самой человеческой природе как таковой (некоторые течения отрицают вообще наличие такой изначально данной природы или сущности человека, например экзистенциализм), но и в нестандартных формах *бытия* человека. *Такие неконкретные качества человека, как его открытость, принципиальная незавершенность, изначально противоречивость и двойственность (природное и свободное существо, ставшее и становящееся, открытое добру и злу одновременно), – основа его специфически человеческого бытия, делающая его и уникальным, и особого рода суццим. Ответы на эти вопросы требуют специального исследования, базирующегося не только на философских умозрительных принципах, но и на материале различных естественных социальных и гуманитарных наук, показывающих многогранность феноменов человеческого бытия. Антропологические константы человека, характеризующие его природу, могут принимать в зависимости от социального, исторического, культурного и индивидуального контекста бытия различные образы.*

Относительно идеальных типов М. Шелера следует сказать, что образ человека в рамках религиозной веры, *homo sapiens*, *homo faber*, *homo degeneratus*, образ сверхчеловека не исчерпывают собою всю полноту человеческих образов, построенных по принципу какой-либо одной доминанты, определяющего базисного антропологического качества (константы). Можно говорить также и о *Homo Ludens* (человек играющий И. Хейзенги), *homo symbolicum* (человек символический Э. Кассирера), *homo sociologicus* (человек социальный К. Маркса) и других версиях, в основе которых лежит какая-то одна определяющая антропологическая константа. Можно предположить, что поскольку человек – существо историческое и развивающееся, то и самосознание, саморефлексия, отражающая это развитие, будет пополняться все большим набором черт, на основе которых можно построить тот или иной вариант трактовки природы человека.

Кроме того, нельзя создать исчерпывающую систематику антропологии, в основе которой лежат антропологические константы, характеризующие человека, будь то – вера, разум, деятельность, воображение (*homo symbolicum* Э. Кассирера), игра (*homo ludeus* И. Хейзенга) и т. п. признаки. Человек есть микрокосм, универсум, и в ходе своего самопознания, самовосприятия, саморефлексии способен открывать в себе различные грани, на основе которых при доминирующей одной из них возможно формирование того или иного образа. Все они – скорее – не взаимоисключающие, а взаимодополняющие, представляющие полноту «родового человека». Мера реализации родовых качеств у отдельных индивидов различна и представлена разной степенью выражения того или иного качества.

Проблематично создать систематику антропологии только по одному, единому основанию. Само наличие различных систематизаций в истории антропологической проблематики и концептуализации ее идей осуществляется по разным основаниям. В концепции М. Бубера это основание – самопознание человека и его экзистенциальное самочувствие; в концепции М. Шелера – типы самовосприятия и истолкование сущности человека, у Э. Кассирера – смена мировоззренческих парадигм, обуславливающих руководящую роль того или иного вида знания в учениях о человеке.

Может быть иной, более стойкий показатель собственно антропологической темы? В известной мере – да. Все многообразие философских подходов к окружающему миру может быть, как нам кажется, типологизировано. В истории философии можно проследить различные мировоззренческие установки, в зависимости от того, какому феномену отдается безусловный приоритет – Богу, природе, социуму, Логосу, человеку. Назовем в этой связи такие мировоззренческие установки, как теоцентризм, природоцентризм (космоцентризм), социоцентризм (культуроцентризм), логоцентризм и антропоцентризм. ...Они дополняют друг друга, вызывают потребности в выработке общей синтезирующей позиции. Однако вместе с тем они дают первичный ключ к систематике философского постижения человека¹⁸.

Отношение к сложившимся типам антропологических учений обосновывает Н.А. Бердяев, одновременно развивая идеи христианской православной антропологии.

¹⁸ Гуревич П.С. Философская антропология: опыт систематики // *Вопр. философии*. 1995. № 8. С. 95.

Антропология православная, отмечает Н.А. Бердяев, мало разработана, но в центре ее стоит учение об образе и подобии Божьем в человеке. Какие следуют отсюда антропологические выводы? Как образ и подобие Творца человек сам есть творец и призван к творчеству. «Человек есть не только существо греховное и искупающее свой грех, не только существо разумное, не только существо эволюционирующее, не только существо социальное, не только существо больное от конфликта сознания с бессознательным, но человек есть прежде всего существо творческое (курсив – Н. Бердяева)»¹⁹. Творчество, таким образом, есть антропологическая константа. С позиции русского мыслителя, в нераскрытом одностороннем виде это заключено в понимании человека как существа, изготавливающего орудия. Однако человек – существо творящее, если он свободен. Поэтому два принципа создают человека: принцип свободы и то, что он образ и подобие Божье. Свобода человека (изначально никем и ничем не детерминированная), может осуществить или загубить Божий замысел. Человек – существо парадоксальное, противоречивое. «С одинаковым правом можно сказать о человеке, что он существо высокое и низкое, слабое и сильное, свободное и рабье. Загадочность и противоречивость человека определяются не только тем, что он есть существо, упавшее с высоты, существо земное, сохранившее в себе воспоминание о небе и отблеск небесного света, но еще глубже тем, что он изначально есть дитя Божье и дитя ничто, меонической свободы»²⁰.

Общая оценка этих учений такова: в антропологии идеализма, натуралистического эволюционизма, социализма и психопатологии схвачены отдельные существенные черты – человек есть существо, носящее в себе разум и ценности, есть существо развивающееся, есть существо социальное и существо больное от конфликта бессознательного. Но ни одно из этих направлений, по мнению Н.А. Бердяева, не схватывает существо человеческой природы, ее целостности. Только библейско-христианская антропология есть учение о целостном человеке, о его происхождении и его назначении. По каждому из сложившихся антропологических учений Н.А. Бердяевым дается дополнительная критическая аргументация.

¹⁹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 61.

²⁰ Там же. С. 55.

Антично-греческий тип антропологического учения, для которого специфика человека – в разуме, несостоятелен потому, что греческая философия, пытаясь открыть в человеке высшее, устойчивое, возвышающееся над изменчивым миром разумное начало, не учитывала другую, полярную характеристику – иррациональность человека. С не меньшим основанием можно сказать, что человек – существо иррациональное, парадоксальное, трагическое, в котором сталкиваются два мира – природы и свободы. Это хорошо показали великие художники, мистики, мыслители, например Ф. Достоевский, У. Шекспир, Л. Толстой, Стендаль (псевдоним Анри Бейли), М. Пруст, а также Бл. Августин, Я. Бёме, Б. Паскаль. В науке – З. Фрейд, М. Адлер, К.Г. Юнг. Идеализм определяет человека как носителя разума и ценностей, но в такого рода учении о человеке остается непонятным, каким образом соединяется природный человек с разумом и идеальными ценностями, как нисходит сверхчеловеческое в человека. Остается непонятным, что есть специфически человеческое. Пусть человек есть разумное животное. Но ни разум в нем, ни животное не есть специфически человеческое. Таковы критические аргументы русского мыслителя относительно этой антропологической версии.

Еще более несостоятельным кажется натурализм, для которого человек есть продукт эволюции животного мира. Если человек – продукт космической эволюции, то человека как существа отличного, ни из чего нечеловеческого не выводимого и ни на что нечеловеческое не сводимого, не существует. Он есть лишь переходное явление природы, усовершенствованное животное. Эволюционное учение о человеке разделяет все противоречия, поверхностность и слабость эволюционного учения вообще. Верно, что человеческая природа динамична и изменчива. Но этот динамизм – совсем не эволюция. Этот динамизм связан со свободой, а не с необходимостью.

Не является достаточно состоятельным и социологическое учение о человеке, хотя человек есть животное социальное. Социология утверждает, что человек есть животное, подвергшееся муштровке, дисциплине; все ценное в человеке не присуще ему, а получено им от общества, которое должно почитаться как божество.

Психопатология и психоанализ выступают с новым антропологическим учением, согласно которому человек – большое существо, находящееся в конфликте сознания и бессознательного, существо с ослабленными инстинктами его природы, подавленными и вытесненными цивилизацией (инстинкт половой, инстинкт власти).

Все эти аргументы воспринимаются действительно как критические, если они проводятся с позиции религиозной антропологии. С позиции философской антропологии они лишь указывают на неполноту частичных и достаточно узких ракурсов видения человека как сложной, иерархической и самоорганизующейся системы. Вместе с тем наличие различных точек зрения, различное видение историко-философского процесса свидетельствует о неисчерпаемости и открытости человека, осмысленного в разных мировоззренческих парадигмах.

Только на примере рассмотренных концепций Э. Кассирера и М. Шелера (не обращая к не менее концептуализированным подходам М. Бубера и В. Брунинга) можно отметить, что они показывают ритмику эволюции человеческого самопознания, отражают уровень и характерные черты саморефлексии человека в историческом развитии. *Вместе с тем следует отметить их крайнюю абстрактность и при этом взаимную дополнительность при характеристике природы человека.* Поэтому выход на передний план современного философско-антропологического исследования ***индивидуальной человеческой жизни*** преодолевает этот исторический абстрактный подход к человеческой природе и по-новому в современном социально-историческом контексте ставит вопрос об антропологической идентичности.

Нормативный подход: от должного к сущему или от сущего к должному? «Образцовый» и «хороший» человек в различных культурах

Многообразие признаков социальной ситуации современного общества свидетельствует о возрастании значимости морального измерения человека как субъекта и объекта социальных изменений. К таким признакам можно отнести обеспокоенность нравственным состоянием человечества в целом. Видный теоретик

цивилизационного развития А. Тойнби выражал ее следующим образом: «Наиболее тревожащей чертой современного общества является то, что власть, придаваемая технологией, с недавних пор возросла до беспрецедентного масштаба, с беспрецедентной быстротой, в то самое время, как средний уровень морального поведения людей... фактически упал... Трудно понять в атомный век, как человечество сможет избежать массового самоубийства, если ему не удастся поднять средний уровень своего поведения до предела, действительно достигнутого Буддой и Св. Франциском Ассизским»²¹. Данная констатация фактического положения с неизбежностью ставит вопрос о причинах падения среднего уровня морального поведения людей, способах изменения этой ситуации, а также о самих содержательных характеристиках среднего уровня, его нормативной определенности.

В диалоге Востока и Запада, персонифицированно представленном Арнольдом Тойнби и Дайсаку Икеда, вопрос о моральном измерении человека связывается с его достоинством, которое не дается изначально, но культивируется, является в конечном счете результатом свободного выбора с вытекающими отсюда последствиями. Авторы диалога солидарны в том, что высшая ценность ассоциируется с достоинством жизни как универсального стандарта, но не сводима к жизни только человека. «Вся вселенная и все в ней живо в смысле обладания достоинством. Достоинство присутствует в земле, в воздухе, воде, камнях, источниках, реках, морях. Если человек подвергает насилию их достоинство, мы также насилуем наше достоинство»²². Моральное достоинство человека или его отсутствие определяется также выбором целей деятельности и способами их достижения. «Человеческое существо наделяется достоинством в той мере, в какой оно не заинтересовано, альтруистично, способно к состраданию, любви и привержено иным живым существам и вселенной в целом. Оно лишено достоинства в той мере, в какой оно алчно и агрессивно. Готовность, с какой мы позволяем себе быть алчными и агрессивными, унижительна, и нищета нашего этического поведения делается еще более унижительной по контрасту с блеском нашей технологиче-

²¹ Диалог Тойнби – Икеда. Человек должен выбрать сам. М., 1991. С. 393–394.

²² Там же. С. 436–437.

ской деятельности»²³. Надежды на изменение данной ситуации и преодоление деградации этического поведения, по сути дела, связываются этими мыслителями, представляющими современные буддистскую и католическую религиозные традиции, с усилением духовного начала в человеке, с ориентацией на образец для подражания в рамках конфессиональной идеологии.

Другим важным моментом, актуализирующим проблему значимости морального измерения человека, является потребность в формировании культурного образца как необходимого основания реформирования (модернизации) российского общества. На социально-философском уровне это – поиск наиболее оптимальной модели должного, в данном случае – определенного образа человека, способного адаптироваться и развиваться в условиях рынка и демократии. Такого рода знание – модель должного, применительно к человеку, является важной составной частью коллективных представлений как ведущей институциональной основы общества, способствующей «социальному конструированию реальности»²⁴. Сравнительный исторический анализ возможных моделей «совершенного человека» и способов их легитимации в пространстве социальных и культурных контекстов дает основания для анализа модели «хорошего человека» как специфического концепта²⁵, выполняющего роль культурной модели – образца не только должного, но и *возможного*, а также ставит проблему обоснования нормативности в этике, возможностей различного вида дискурсов в обосновании этической нормативности.

²³ Диалог Тойнби – Икеда. Человек должен выбрать сам. С. 437.

²⁴ Бергер П., Лукман Г. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

²⁵ Следует обратить внимание, что термин «концепт» (от лат. *conceptus* – со-брание, восприятие, зачатие) – акт «схватывания» смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания. Концепт не тождествен понятию. Если понятие есть объективное единство различных моментов предмета понятия, созданное на основании систематичности знаний, то концепт формируется речью, осуществленной в пространстве души с ее ритмами, энергией, бесконечными уточнениями. Концепт предельно субъектен. Концепт синтезирует в себе три способности души: как акт памяти – ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее. См. обоснование термина «концепт»: *Неретина С.С.* Концепт // Новая филос. энцикл. Т. 2. М., 2001. С. 306–307; *Неретина С.С.* Тропы и концепты. М., 1999. С. 28–36. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? СПб., 1998.

Кроме того, актуализация проблемы должного (нормы) и сущего (реальности) в России применительно к человеку обуславливается возрастающими в нашем обществе тенденциями аномии и девиантности (преступность, алкоголизм, наркомания, самоубийство, проституция)²⁶.

Помимо этих оснований внимание к нормативно-этическим аспектам проблемы человека инициируется ростом антропологизации всего знания (М. Хайдеггер) и бурным развитием философской антропологии с ее центральной проблемой о сущности и природе человека. Отвечая на вопрос о содержании концепта «хорошего человека», не избежать обсуждения вопроса о природе человека как такового вообще.

Переход от традиционного общества к современному, осмысленный как процесс модернизации, предполагает определенную трансформацию не только технологических, политических и институциональных оснований, но и морально-этических. Идеал человека, концептуальные модели нравственно желаемых качеств существовали всегда. Они часто представлялись в качестве недостижимого образца. Различные культуры предлагали свой проект идеального человека, но ни один из них в своей абсолютизации не может быть исчерпывающим и претендующим на универсальность. Вместе с тем исключить его из социально-философского дискурса из-за многообразия трактовок также не представляется верным, так как он присутствует в практической жизни в качестве регулятивной идеи и показывает вектор совершенствования человека в направлении достойного, нравственно желаемого поведения. Так же как тема «хорошего общества» возникает как эмпирическая и нормативная попытка «сконструировать» социум на основе конвергенции лучших черт, присущих разным обществам²⁷, тема «хорошего человека» обращается к культурно-историческим моделям, аккумулирующим опыт различных обществ и культур, чтобы почерпнуть в нем то «хорошее», что способствовало бы становлению не утопичного идеального общества и утопичного идеального человека, но общества, как минимум, сохраняющего жизнь, дающего безопасность и возможности раз-

²⁶ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.). Тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.

²⁷ Модернизация и глобализация: образы России в XXI в. М., 2002. С. 53.

вития, и человека, способного взаимодействовать с другими без насилия, посредством диалога и признаваемых универсальными нормативов общения.

Исторические модели «хорошего человека» и его антиподы

Термин «хороший» в словаре В. Даля (представлен от слова краса, краше) имеет значение «прекрасный, красивый, видный по наружности, а также добрый, ладный, способный, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству»²⁸. Этот термин может быть звеном, представляющим нарастание позитивного содержания: хороший – лучший – превосходный – совершенный. В различных культурных традициях обозначение позитивного развития человека может использовать все эти термины, описывая движение к идеалу или сам идеал – Совершенного человека. Он присутствует во всех культурах как важная регулятивная идея. Модели «совершенного человека» представляют собой концентрированное выражение идеала. «Человек так устроен, что он может жить или верой в Бога, или верой в идеалы и кумиры»²⁹.

Обычное значение слова «совершенный» применительно к эмпирическим предметам есть значение превосходного предельной степени. Вещи, явления могут быть хороши, отличны, превосходны и, наконец, совершенны. Это означает, что по природе они допускают различия, градацию по ступеням и степеням, допускают изменения, переход. Понятие «совершенный» имеет ярко выраженный ценностный аспект. Ступени, стоящие ближе к пределу, – предпочтительнее, они больше и полнее наделены некими желанными и ценными качествами. Совершенство есть полнота абсолютного воплощения этих качеств.

Есть точка зрения, что идея Совершенного человека не является универсальной антропологической идеей. Иным эпохам и обществам она несвойственна. «Именно таким оказалось и наше время, эпоха эгалитарных демократий. Демократия – сообщество принципиально несовершенных граждан и не притязающих на совершенство правителей. Ведь если Совершенные есть – следует

²⁸ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1994. С. 562.

²⁹ *Бердяев Н.А.* Духовное состояние современного мира // Новый мир. 1990. № 1. С. 217.

их найти и полностью верить им все бразды – и уже это будет отнюдь не демократия, не так ли?»³⁰. Есть боязнь в соотношении идеи совершенства с тоталитарной утопией; возникает также вопрос: совместима ли с совершенством и устремлением к нему идея толерантности, столь дорогая либеральному гуманизму? «Для господствующих сегодня воззрений идея Совершенного человека не только далека, но и даже подозрительна»³¹. И все же, несмотря на сомнения, эта идея существует в долгой истории человечества, меняет свои формы, оставаясь постоянно востребованной.

Модель человека в китайской культурной традиции: «благородный муж»

В китайской культурной традиции, поддерживаемой системой коллективных представлений и социальными институтами, в качестве идеала человека был представлен образ «благородного мужа» (*цзюнь-цзы*). Этико-нормативная программа достойной жизни, предложенная Конфуцием, – этика ритуала включала в себя четко разработанную систему правил хорошего, достойного поведения, выделяла перечень качеств «благородного мужа» и давала характеристику его антиподу (антиидеалу) – «низкому человеку». Следует обратить внимание на то, что эпоха, в которую появилось это учение, была переломной: это – социально-экономическая ломка, связанная с формированием частной собственности на землю, развитием частных ремесел, торговли, ростом городов. Все это вызывает к жизни новые грани человеческого характера и поведения, возникает новая система ценностей. Происходит отказ от рамок и нужд родственного коллектива, возникает экономическое неравенство среди родственников и отсутствие взаимопомощи воспринимается как моральная деградация человека. Конфуций так определяет суть человеческой природы: «Учитель сказал: “Богатство и знатность – вот к чему стремятся все люди... Бедность и презрение – вот что ненавидят все люди”»³². Эти каче-

³⁰ Хоружий С. Концепция Совершенного Человека в перспективе исихастской антропологии // Совершенный Человек. Теология и философия образа. М., 1997. С. 41.

³¹ Там же.

³² Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. М., 1998. С. 143. («Лунь юй», IV, 5).

ства человеческой природы восхищения не вызывали, но именно с этим «человеческим материалом» приходится иметь дело при построении модели и общества, и государства. Важно результативно воздействовать на природу человека в нужном направлении, определяя ее реализацию «правильными принципами», в соответствии с Дао. Дао в «Лунь юй» означает весь комплекс идей, принципов и методов Конфуция, всю суть его учения, с помощью которого он собирался направить человека на путь истинный, управлять им, воздействовать на него.

Конфуций рассматривает человека в трех измерениях и разделяет их соответственно на три категории: *цзюнь-цзы*, *жэнь* и *сяо-жэнь*. Они определили на долгие столетия характер духовной и политической культуры китайского этноса, а также корейцев, японцев и вьетнамцев. *Цзюнь-цзы* – «благородный муж» – выполняет роль идеального человека, наглядный пример для подражания двум другим категориям людей. *Жэнь* – человек «обычный», средний человек. *Сяо-жэнь* – «маленький человек», несущий как этическую, так и социальную нагрузку, он несет в себе отрицательные по сравнению с «благородным мужем» качества.

Перечень нравственных качеств *цзюнь-цзы*, которыми наделяет его Учитель, таков: справедливость, скромность, правдивость, приветливость, почтительность, искренность, осторожность, умение сдерживать свои желания, отвращение к клеветникам, к бездумным³³. «Благородный муж» никогда не успокаивается на достигнутом, он постоянно занимается самосовершенствованием. Перечень моральных достоинств был бы неполным без *четырёх* важнейших понятий учения Конфуция – *жэнь*, *вэнь*, *хэ* и *дэ*. *Жэнь* – человеколюбие, человечность, человеческое начало в человеке. *Жэнь* – это значит любить людей. «Янь Юань спросил о человеколюбии. Учитель ответил: “Преодолеть себя и вернуться (в словах и поступках) к Правилам – в этом заключается человеколюбие. Если однажды преодолеешь себя и возвратишься (в словах и поступках) к Правилам, то в Поднебесной назовут тебя обладающим человеколюбием...”»³⁴. Под Правилами, ритуалом (*ли*) понимаются конкретные *нормы и образцы* общественно

³³ Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. С. 146.

³⁴ Там же. С 381.

достойного поведения. В содержательном плане конфуцианский ритуал держится на двух основаниях: сыновней почтительности (*сяо*) и исправлении имен (*чжэнь мин*).

Сыновняя почтительность – это основа человеколюбия. Она не есть вторичное по отношению к самой морали, ее конкретизация. «Она и есть сама мораль, рассмотренная в аспекте взаимоотношения поколений»³⁵. Почтение сына к отцу, как и забота отца о сыне – первичное, далее не разлагаемое нравственное отношение. Не существует никаких принципов и обстоятельств, которые могли бы оправдать доносительство на отца. Впоследствии эта этическая установка была закреплена в юридической практике: в I в. до н. э. были изданы законы, предписывающие детям укрывать родителей, а в средневековом своде китайских законов доносительство на мать, отца, деда, бабушку каралось смертной казнью. Трактовка нравственного обращения к прошлому у Конфуция не является консерватизмом, так как решаемая им проблема «не социологическая проблема исторической динамики, а этическая проблема взаимопонимания и согласия»³⁶, это стремление обосновать возможность изменений в обществе без хаоса и смут, без разрыва связи времен. Жажда перемен не должна посягать на культ предков.

Вторая нормативная основа поведения – исправление имен (*чжэнь мин*) – предполагает взаимность в отношениях между неравными людьми. «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном»³⁷. Различные по социальному статусу и месту в системе общественного разделения труда люди для установления достойных отношений друг с другом должны быть на уровне общественного предназначения и честно выполнять свой долг.

Именно поэтому человеколюбие «благородного мужа» связано с соблюдением Правил. «Благородный муж» как лицо, воплощающее идеального человека, должен отвечать всем требованиям носителя жэнь.

Он должен быть человеколюбивым, искренним, честным, преданным делам государственным (правителю), осмотрительным, осторожным, неуклонно соблюдающим Правила, однако и это-

³⁵ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 2000. С. 49.

³⁶ Там же. С. 16.

³⁷ Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. С. 188. («Лунь юй», XVII, 11).

го недостаточно. Он должен обладать *вэнь*. *Вэнь* – это духовная культура, то, что человек приобретает в процессе обучения, и когда естественные свойства человеческой природы и приобретенная культурность в человеке сочетаются, получается *цзюнь-цзы* – человек высоких достоинств. Таким образом, «благородный муж» является носителем *вэнь* и *жэнь*. Существенным отличием «благородного мужа» от «маленького человека» является приверженность принципу *хэ*. «Учитель сказал: Благородный муж стремится к единству через разномыслие (*хэ*), но не стремится к единству через послушание (*тун*). Маленький человек стремится к единству через послушание (*тун*), но не стремится к единству через разномыслие (*хэ*)»³⁸. Для политической культуры и создаваемой Конфуцием модели общества и государства принцип *хэ* как действующий фактор мог служить гарантом не только стабильного функционирования, но и последовательного развития. «Поскольку основным элементом, определяющим характер взаимоотношений в обществе и государстве, являлась концепция *цзюнь-цзы*, Конфуций решил сделать принцип *хэ* ценностным критерием формирования “благородного мужа”. Став носителем принципа *хэ*, “благородный муж” обретал черты, которые не способны были ему дать ни *жэнь*, ни *вэнь*: самостоятельность мышления; умение решать проблемы, исходя из признания за противной стороной права на собственное мнение и т. п., то есть все то, что делало образ *цзюнь-цзы* более полнокровным и превращало его в важную часть общей теории управления государством»³⁹. Идея и долг «благородного мужа» – заботиться о совершенстве морали, возвращать в себе добродетель (*дэ*), постоянно самосовершенствоваться. Лишь являясь носителем всей совокупности качеств, определяемых *жэнь*, *вэнь*, *хэ* и *дэ*, образ «благородного мужа» приобретает полноту и завершенность. Образ «благородного мужа» является основополагающим для характеристики «настоящего ученого» и его поведения и «благородного чиновника». Свое видение «настоящего», идеального ученого Конфуций дает в 17-ти пунктах⁴⁰, считая, что высшим эталоном *цзюнь-цзы* может быть именно настоящий ученый, который не должен руководствоваться соображениями сиюминутной поли-

³⁸ Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. С. 150. («Лунь юй», XIII, 23).

³⁹ Там же. С. 151.

⁴⁰ См.: Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1994. С. 136–140.

тики, наука должна идти впереди политики, только тогда их союз будет плодотворен. Настоящий ученый является высоконравственным независимым советником и профессионалом, передающим личным примером самое ценное из своего учения. «Благородный чиновник» «обладает четырьмя Дао благородного мужа: в своих поступках он исходит из самоуважения, на службе у вышестоящих исходит из ответственности, в наставлениях к народу исходит из доброты, в управлении народом исходит из справедливости»⁴¹. Личный пример, ответственность, справедливость должны характеризовать «благородного чиновника», который в непосредственной практике осуществляет Правила.

В отличие от этих «благородных» моделей человека, наделенных всеми лучшими качествами, в образе *сяо-жэня* – «низкого человека» сочетается все отрицательное, что встречается в людях. Помыслы «маленького человека» сосредоточены лишь на самом себе, на удовлетворении, причем любыми способами, тех стремлений, которые присущи человеку от природы (стремление к знатности и богатству). Поэтому одной из характерных черт *сяо-жэня*, можно сказать, главной, является *ли* («выгода»): «Учитель сказал: “Благородный муж думает только о справедливости, маленький человек думает только о выгоде...”»⁴². В отличие от *цзюнь-цзы*, который неустанно совершенствует свои нравственные качества, *сяо-жэнь* поглощен лишь материальным процветанием: «Благородный муж стремится вверх, маленький человек стремится вниз»⁴³. Причем «низкий человек» может быть представителем любого социального слоя, а не только простолюдин. Эта категория скорее этическая, чем социальная. Образ «маленького человека», вобравший в себя все отрицательное, в отличие от образа «благородного мужа», репрезентирующего все хорошее в человеке, был необходим для того, чтобы показать и современникам, и потомкам, во что может превратиться человек, если он плывет по течению стремлений своей «природы», превыше всего ставя личную «выгоду» и забывая о морали. Для него ритуал, представления о человеческом достоинстве не стали определяющими мотивами поведения. Кроме того, он характеризуется нежеланием самостоятельно

⁴¹ Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. С. 178–179. («Лунь юй», V, 16).

⁴² Там же. С. 155. («Лунь юй», VI, 16).

⁴³ Там же. («Лунь юй», XIV, 23).

мыслить, бездумным соглашательством (*тун*), постоянной готовностью одобрять любое начинание, исходящее от правителя. Когда принцип *тун* становится для человека нормой поведения, исчезает и сама личность.

И последнее, третье измерение человека – это *жэнь*, «обычный», средний человек. Это масса людей. Которая в нравственном и культурном отношении стоит между *цзюнь-цзы* и *сяо-жэнь*, питая и верхи, и низы общества. Это промежуточное положение описывается так: «С тем, кто [в своем развитии] превзошел среднего человека, можно рассуждать о возвышенном; с тем же, кто [в своем развитии] не достиг среднего человека, нельзя рассуждать о возвышенном»⁴⁴.

Конфуцианская модель «благородного мужа» как модель идеальной личности оказала огромное воздействие на формирование национального характера и духовной жизни народов Китая и народов конфуцианского культурного региона. Образ «низкого человека» – *сяо-жэня*, воплощавший все негативное в человеке, играл не меньшую воспитательную роль, постоянно напоминая людям, во что превращается человек, добровольно отказавшийся от принципов *жэнь*, *вэнь* и *хэ*. Это была первая попытка создать учение о нравственности, укрепленной независимо от религии и способствующей созданию гармоничного общества. Легитимность конфуцианского морального порядка нравственных норм, представленных *ли* – «Правилами», гарантировалась аффективно (эмоциональная преданность) и ценностно-рационально посредством реализации коллективных представлений о должном. ***Это обоснование этики с позиций движения от должного – к существу.***

«Что называется долгом человека? – спрашивал Конфуций. – Отец должен проявлять родительские чувства, а сын – почтительность, старший брат – доброту, а младший – дружелюбие, муж – справедливость, а младшие – покорность, государь – человеколюбие, а подданные – преданность. Эти десять качеств и именуется человеческим долгом. Проповедь верности и миролюбия именуется человеческой пользой. Борьба и взаимные убийства именуется людскими бедствиями. Чем же еще, кроме ритуала (*ли*) могли совершенномудрые управлять семью человеческими чувствами, со-

⁴⁴ Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. С. 157. («Лунь юй», XV, 29).

вершенствовать десять проявлений долга, наставлять в верности и миролюбии, поощрять скромность и уступчивость и искоренять борьбу?»⁴⁵. Благодаря *ли* в этом учении удалось органично соединить общество с государством. Общество не могло противостоять государству, так как их связывали *общие ценности*, направленные на поддержание нравственного здоровья общества. Материальное процветание членов общества было немыслимо, согласно воззрениям Конфуция, без воспитательной, проповеднической деятельности, которую должны были вести последователи его учения, постоянно и прежде всего личным примером оберегая и распространяя нравственные ценности. Именно в этом он видел залог здоровья общества.

Современные исследователи дают такую оценку вклада Конфуция в учение о человеке: «Конфуцианский гуманизм составил эпоху в духовном развитии всего человечества. Конфуцию принадлежит несомненная заслуга привнесения в общественное сознание главной идеи “абстрактного гуманизма”: к “другому”, вне зависимости от того, какое место он занимает в обществе, надо подходить, как к самому себе, с позиций равенства, и помнить, что этот другой достоин любви»⁴⁶.

Даосская традиция: Совершенный Человек – зеркало

Зеркало – ключевая даосская метафора просветленного сознания и, соответственно, Совершенного Человека. «Сердце высшего человека – что зеркало: он не влечется за вещами, не стремится к ним навстречу, все в себя вмещает – и ничего не удерживает». Автор «Дао – дэ-цзина» Лао цзы советует «неустанно чистить темное зеркало в себе». Пустота зеркала и есть среда взаимопроникновения внутреннего и внешнего, подлинное тело вселенского человека Дао.

В даосской традиции мы встречаем более подробную классификацию уровней и качеств человеческого совершенства. Идеальный человек конфуцианства с его приматом нравственности и

⁴⁵ *Ли цзи* / Пер. И.С.Лисевича // Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1994. С. 105–106.

⁴⁶ *Мартынов А.С.* Гуманизм Конфуция // Вестн. Восточ. Ин-та. 1996. № 2(4). Т. 2. С. 37–40.

социального начала занимает в даосской схеме человеческого совершенства низшее положение. В трактате «Вэнь-цзы» мы встречаем иерархию совершенных людей, где высшая ступень отведена даосскому «*настоящему человеку*», средняя конфуцианскому «*совершенному мудрому*», способному «приводить в движение Поднебесный мир», а низшая – «*достойному мужу*», который «исправляет мирские нравы»⁴⁷. Положительный критерий человеческого совершенства в даосизме – мера душевного покоя, равнозначная «самоопустошению сердца», «отсутствию себя в себе».

Даосский учитель Сунь Сымяо (VII в.) выделяет пять ступеней успокоения и сосредоточенности духа, которые создают условия для восхождения по семи ступеням духовного совершенства человека. «На этом пути подвижник Дао проходит состояния “небожителя”, который умеет летать по воздуху и ступать по туманной дымке», «настоящего человека», который владеет секретами жизни и смерти и излучает свет», «духовного человека», которому «подвластны все превращения мира», и, наконец, «Совершенного Человека», который «духом слился с божественной силой и не имеет устойчивого облика»⁴⁸.

В даосском компендиуме XII в. «Дао шу» («Ось дао») выделены семь идеальных типов человека: «Те, кто следуют обстоятельствам времени и всем своим видом излучают согласие; те, кто искоренили в себе корыстные и ограниченные помыслы; те, кто избегают бед и до конца претворяют свою судьбу; те, кто продлевают свою жизнь на десять тысяч лет и зовутся бессмертными; те, кто пестуют в своем теле жизненную энергию (ци) и зовутся настоящими людьми; те, кто преображают свою энергию и зовутся духовными людьми; те, кто пестуют свой дух ради единения с праведным Путем и зовутся совершенными людьми»⁴⁹. Кроме этих есть и другие классификации.

При таком многообразии градаций образов совершенного человека в даосизме, не говоря уже о всей китайской традиции, дать единую схему весьма затруднительно, но общий принцип их по-

⁴⁷ *Вэнь-цзы яоцюань* («Вэнь-цзы» с важнейшими дополнениями). Шанхай, 1988. С. 32–33.

⁴⁸ *Малявин В.* Совершенный Человек в даосской традиции // Совершенный Человек. Теология и философия образа. М., 1997. С. 150.

⁴⁹ Там же.

строения иерархии прозрачен. Это стремление измерить достоинство человека его способностью вместить в себя, интериоризовать мир. «Истинно мудрый сокровенно помогает всем существовать, помогает без насилия над вещами и даже усилия над собой, ибо мир повинется ему непосредственно интимно, как повинется нам наше собственное тело. Собственно весь секрет совершенствования здесь и состоит в том, чтобы сделать мир своим телом – и так обрести подлинное бессмертие»⁵⁰.

Еврейская традиция: совершенство – цель человека

В еврейской традиционной мысли Совершенство статично, к нему ничего нельзя прибавить и ничего нельзя отнять. Оно суть качество Универсума, тождественного Богу до сотворения мира, недоступного для человеческого разума и не подлежащего обсуждению. Человек в еврейском миропонимании любой эпохи всегда рассматривается в динамике: нет человека статичного, взятого в конкретный момент времени.

Лишь прачеловек, Адам Кадмон, являющийся высшим уровнем Божественной эманации и одновременно прообразом мироздания, сам по себе совершенен и не подвержен изменениям. Поэтому понятие совершенства как абсолютно статичного состояния приложимо лишь к праведнику, да и то, после того, как он выполнил свою задачу на земле. «Применительно к живому человеку о совершенстве можно говорить лишь как о цели, о направлении движения, т. е. как о чем-то внешнем по отношению к нему»⁵¹. И далее «совершенный человек в еврейском традиционном понимании есть не то, что он есть, и даже не то, чем он может стать, а то, чем он стать никогда не сможет»⁵².

В рамках еврейского традиционного мышления понятие «совершенство» в принципе неприменимо к человеку, но оно может быть осмыслено лишь в качестве цели человеческого существования. Совершенство недостижимо, и попытки приблизиться к нему

⁵⁰ *Малявин В.* Совершенный Человек в даосской традиции // Совершенный Человек. Теология и философия образа. С. 151.

⁵¹ *Яглом М.* Что есть человек, что Ты помнишь о нем...? // Совершенный человек. Теология и философия образа. М., 1997. С. 14.

⁵² Там же. С. 38.

приводят к новым ушибам и новым падениям, но стремление к совершенству определяет суть человека и поэтому не может быть оставлено.

Человек к перспективе исихастской антропологии⁵³: совершенство-устремление

Главная посылка христианской антропологии заключается в том, что человек есть образ и подобие Бога. Достижение совершенства поэтому может рассматриваться как реализация заложенного в человеке подобия божественному – уподобление Богу в развитии разума, познания, а также нравственных действиях.

Аналогом совершенного человека в «Ветхом Завете» является праведник. Ветхозаветная «праведность» отсылает к правосудию и закону: она означает правоту, оправданность перед справедливым судом по данному от Бога Закону. Праведники – Ной, Иов – являются безупречными исполнителями закона и тем самым совершенными людьми.

В «Новом Завете» речь идет о «новом человеке», звучит призыв «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48), а богатому юноше Христос говорит: «Хочешь быть совершенным, продай имение свое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною» (Мф. 19:21). Любовь определяется в Новом Завете как совокупность совершенства, и оно – одно из имен Бога.

Следует обратить внимание на возможности достижения совершенства и этапы, ведущие к этому состоянию. Есть «совершенство-устремление» и «совершенство-соединение». «Совершенство-устремление» доступно и приложимо к человеку в его земном существовании, а «совершенство-соединение» – реальность мета-антропологического плана, относящаяся к «жительству на небесах»⁵⁴.

Тысячелетний опыт исихастской традиции исходит из паламистского догмата о Божественных энергиях, согласно которому, человеку в его тварной природе доступно соединение с Богом в его энергиях, но не в Его сущности (усии).

⁵³ См.: Хоружий С. Концепция Совершенного Человека в перспективе исихастской антропологии. С. 41–72.

⁵⁴ Там же. С. 56–57.

Это возможно лишь путем духовного восхождения, проходя ряд последовательных этапов:

Исихия, когда после бурных битв со страстями человек вступает в покой священнобезмолвия (в таком состоянии предполагается контроль и управление своим внутренним состоянием).

Сведение ума в сердце посредством особой аскетической техники «делания».

Бесстрастие – духовная ступень, при которой внутреннее устройство недоступно самому зарождению страстей.

Вступление в сферу *совершенства-устремления*. Это вхождение означает укрепление человеческой индивидуальности и личностного начала. Это со-работничество человека и благодати и носит название *синергии*. Оно представляет центральную парадигму Богочеловеческого отношения.

Наряду с «совершенством-устремлением», понятие «совершенство-соединение» относится к метаантропологии, это то, что недоступно в эмпирической жизни. С ним наиболее близки из категорий православного учения о человеке понятия «обожение», «святость», «преображение». Совершенное общение, любовь, жертва – это фундаментальные реальности новой жизни во Христе, в них раскрывается христианское «совершенство-соединение».

Совершенный Человек в исламской духовной традиции: Путник Тайны и наместник

Ответить на вопрос однозначно не представляется возможным потому, что образ Совершенного Человека в различных ситуациях его манифестации представляет различные аспекты взаимоотношений между Богом и Человеком. Образ Человека является своеобразным перешейком (медиатором) между Богом и мирозданием.

Любое суждение о месте и судьбе Человека на пути к Богу и в Боге проецируется на закономерность мироустройства и правила *общезития* Бога и Человека в Творении. Человек – венец Творения и наместник Бога на земле. И в этом своем богоподобии является тем самым и совершенным.

Совершенный Человек – это Путник Тайны. Совокупный образ Совершенного Человека обнимает всю множественность его ситуативных характеристик. «Образ Совершенного Человека,

рожденный в божественной потаенности доонтологической структуры Творения, является наиболее общим, родовым обозначением Человека, но в то же самое время персонификация сути образа Совершенного Человека в имени Мухаммада энергетически откликается в конкретных именах пророков, святых, имамов, включая и историческую личность пророка Мухаммада»⁵⁵.

В «Мекканских откровениях» Ибн-Араби поясняет относительно совершенства и человечности: под человеком мы отнюдь не подразумеваем человека-животного, мы имеем в виду человека как такового и как (божьего) наместника, ибо лишь благодаря его «человечности» и его наместничеству, он получил совершенный образ. Не каждый человек является наместником, мы не признаем человека-животного божьим наместником.

Каждая конкретная личность и ее душа способна преобразиться. Существует суфийский Путь познания и устремления к совершенствованию своего «внутреннего мира» (сердца). В «Геммах» Ибн Араби подчеркивал: «Свидетельствование человеком самого себя есть свидетельствование его Богом». Это можно истолковать таким образом, что притязания человека на обладание какой-либо вещью ничем не заканчиваются, пока человек не достигнет определенного макама (этапа). Всему свое время. Поэтому все, что бы ни делал человек, он делает не ради обретения вещи, а с тем, чтобы изменить состояние своего внутреннего мира, буквально *преобразить* свое *сердце* и продвинуться по макамам (этапам) своего Пути.

Другое дело – Совершенный Человек. В своем двунаправленном движении от Бога к Творению и обратно он – единственный, кто в полном объеме осуществляет две функции: он и только он служит непосредственным оправданием Бога и Его совершенного создания Человека. Если теодицея преимущественно сопряжена с путем нисхождения Совершенного Человека, то антроподицея – с путем восхождения.

Следует обратить внимание на различие антроподицеи в Исламе и в христианстве. В Исламе человек теоморфичен и его оправдание – это оправдание в смысле возвеличивания его сущностного статуса. В христианстве антроподицея понимается иначе, как ис-

⁵⁵ Шукуров Ш. Совершенный Человек и богочеловеческая идея в Исламе // Совершенный Человек. Теология и философия образа. М., 1997. С. 76.

целяющий возврат к неповрежденной грехом реальности. В христианстве антроподияца христологична и христоцентрична. В Исламе человек твердо знает о своем собственном происхождении и назначении, его задачей является лишь совершенствование внутреннего мира во имя спасения.

Все предложенные модели человека, конечно же, не исчерпывают существующего многообразия культурных традиций, но несмотря на различное толкование и содержательные характеристики имеют в качестве общего инварианта идеал – достойного человека, все они выделяют и подвергают анализу позитивные черты человека, его достойные нравственные характеристики, которые без спецификации можно обозначить общим понятием «хорошие качества человека».

Все модели человека в различных культурных и религиозных традициях обращают внимание на решающую значимость духовного развития человека, которое имеет свои этапы восхождения и требует внутренних индивидуальных стремлений.

Все модели человека акцентируют внимание на необходимость самовоспитания и нравственный контроль, укрепление человеческого достоинства.

Следует учитывать, что современное развитие в мире носит крайне неравномерный характер и модернизация в эпоху глобализации будет неизбежно сталкиваться с инерцией культурных традиций и социально-психологическими качествами людей, интегрированных в соответствующую духовную культуру, исторически им присущую. Справедливо обращают исследователи особое внимание на мировоззренческие универсалии как основания культуры, так как различие в понимании места человека в мире ведет и к различным стратегиям жизнедеятельности. «Укоренившееся в европейском мышлении и заложенное в основных чертах еще античной культурой понимание человека как активного, деятельного начала, противоположного пассивности вещи и проявляющего себя в своих действиях, весьма сильно отличается от понимания человека в культурах Древнего Востока. Здесь идеалом человеческого бытия выступает не столько реализация себя в предметной действительности, в изменении человеком внешних обстоятельств, сколько нацеленность на вживание в сложившуюся среду и обращенность человеческой активности на свой внутренний мир»⁵⁶.

⁵⁶ Стёпин В.С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур. М., 2001. С. 21.

Проблемы, порожденные установками на активно-преобразующую деятельность в условиях техногенной цивилизации, все более нарастают. В этой связи возникает потребность в более тесном диалоге восточных и западных культурных традиций. «Особое значение приобретают развитые в философских учениях Востока идеи корреляции преобразующей деятельности человека с уровнем его самовоспитания и нравственным контролем»⁵⁷.

Следует также обратить внимание, что культурно-религиозные традиции, тяготеющие к мистическому и символическому описанию образов Совершенного человека, обсуждают их в соотнесении с Абсолютным, в первую очередь применительно к родовому субъекту и лишь во вторую очередь как следствие этого, применительно к индивидуальному эмпирическому человеку. Это связано с теоцентрической картиной мира традиционных обществ. Исследования, на которые мы опирались при анализе культурно-исторических моделей человека, сразу предупреждают читателя: «Образ Совершенного Человека не есть совершенный человек, обретший совершенство в результате трансформации своего внутреннего мира...». Таким образом, Совершенный Человек и «хороший человек» как нравственно должное этическое измерение реального эмпирического человека располагаются на разных этапах иерархического мира.

С переходом от традиционного общества к ранней современности (Новое время и возникновение капитализма), с формированием антропоцентрической картины мира внимание к нравственно должному этическому измерению реального эмпирического индивида усиливается, так как он все более становится активным субъектом социальных преобразований в мире. Возникает необходимость в научном методологическом аппарате, способном описать реальное поведение эмпирических индивидов.

М. Вебер об основных социологических понятиях

Формируя понятия понимающей социологии, М.Вебер обращает внимание на роль коллективных представлений, ориентирующих поведение людей, вводит понятие мотивов социального действия, определяет понятие легитимного порядка и его типы.

⁵⁷ Стёпин В.С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры. С. 41.

Все эти понятия могут быть применимы для описания содержательных характеристик поведения людей. «При толковании поведения необходимо принимать во внимание тот основополагающий факт, что коллективные образования, заимствуемые социологией из повседневного, юридического (или любого другого специального по своему характеру мышления), являют собой определенные *представления* в умах конкретных людей (не только судей и чиновников, но и “публики”) о том, что отчасти реально существует, отчасти должно было бы обладать значимостью; на эти представления люди *ориентируют* свое поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее каузальное значение для поведения людей. В первую очередь, как представления о том, что должно (или *не должно*) иметь значимость»⁵⁸. Совершенно небезразлично, на какие представления о достойном человеке ориентируются институты социализации и повседневное поведение человека. Также небезразлична и мотивация социального действия, важная для понимания характера социальных изменений и понимания конкретного образа того или иного субъекта социального действия. По Веберу, социальное действие может быть: 1) *целерациональным* (достижение рационально поставленной и продуманной цели), 2) *ценностно-рациональным*, основанным на вере в безусловную *самодовлеющую* ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет, 3) *аффективным*, прежде всего *эмоциональным*, 4) *традиционным*, основанным на длительной привычке. Чисто традиционное и чисто аффективное действие находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознанно ориентировано. «Чисто ценностно-рационально действует тот, кто невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии... Ценностно-рациональное действие всегда подчинено “заповедям”, или требованиям, в повиновении которым видит свой долг данный индивид... С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда *иррациональна*, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она тем в меньшей степени принимает во

⁵⁸ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 615.

внимание последствия совершаемых действий, тем безусловнее для нее *самодовлеющая ценность* поведения как такового (чистота убеждения, красота, абсолютное добро, абсолютное выполнение своего долга)⁵⁹. Что касается легитимного порядка (в том числе и морального), то он связывается с ориентацией на отчетливо определяемые максимы, которые оказываются значимыми для поведения индивида, обязательными для него или служат *образцом, достойным подражания*.

Легитимность порядка может быть гарантирована только внутренне; во-первых, аффективно: эмоциональной преданностью; во-вторых, ценностно-рационально: верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей (нравственных, эстетических или иных); в-третьих, религиозно: верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка. Легитимность порядка может быть также гарантирована ожиданием специфических внешних последствий (например, право). Относительно использования термина «хороший» понимающая социология Вебера поясняет: «Взаимоотношения между правом, условностью и этикой не составляют проблемы для социологии. “Этическим” социология считает тот критерий, для которого специфическая ценностно-рациональная вера людей служит нормой человеческого поведения, пользующегося предикатом “хорошего” в нравственном отношении, так же как поведение, принимающее предикат “красивый”, прилагает к своему определению эстетический критерий. В этом смысле этические нормативные представления могут очень сильно влиять на поведение людей без какой бы то ни было внешней гарантии»⁶⁰.

Методологический аппарат социологии может быть использован как инструмент для описания содержательных характеристик концепта “хороший человек”, учитывая, что в различных культурах предикат “хороший” в нравственном отношении чрезвычайно вариабелен.

В контексте перехода от традиционного общества к современному обращает на себя внимание идея исторической трансформации человека. «Если образ Совершенного Человека твердо связывался с образом Храма, то теперь уделом тела-машины (то есть

⁵⁹ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 642.

⁶⁰ Там же.

человека индустриального мира. – В.В.) становится Город, а храмовое сознание прошлого твердо заменяет урбанистическое. «Город и есть тот конечный путь плоскости, на котором должно быть вычерчено все ваше совершенство», – пишет Малевич. – Город как понятие получает свое полное оправдание в контексте концепции совершенства человека. Мегалополис, населенный телами-машинами, – один из наиболее ярких образов современной культуры»⁶¹. Великий архитектор Ле Корбюзье предлагает перейти от понятия «город» к словосочетанию «агломерация людей» как своеобразной антроподицей, оправдания совокупного Человека. Как бы к этому ни относиться – сожалеть о прошлом, воспевать будущее или еще каким-то образом, приходится осознать факт, что это так есть – Храм и Город, и исходить из реальности в социологическом и социально-философском видении мира, а в нравственно-этическом измерении трансформировать от идеи Совершенного Человека к возможному и становящемуся реальным «хорошему человеку».

«Хороший человек» – это тот, кто, действуя в контексте реалий современного мира, стремится к самореализации в рамках ответственности за ее последствия, тем самым культивируя свою человечность. Хотя историческая трансформация человека и несет в себе амбивалентные тенденции как индивидуализации, так и обезличивания, последнее слово остается за свободой выбора человека и сопряженной с ним ответственностью. Поиски содержательных характеристик концепта «хороший человек» могут идти скорее по пути специфического синтеза ценностей и норм традиционного и нового человека, чем по пути абсолютизации их противопоставления. «Между совершенствованием и прогрессом пролегает неодолимая пропасть, разделяющая прежние представления об антропокосме и новые о сверхчеловеке. Ведь сверхчеловек – это уже не человек, он – универсалия будущего состояния человечества, коллективный человек или избранная персона, что угодно, но не прежний человек. Если традиционный человек в своем совершенствовании был устремлен назад (но не вспять) к обретению утраченных ценностей, или же, преодолевая свое Я, решительно сменял свою жизненную установку (телеологичность устремлений), то новый человек неустанно всматривается только вперед, в неодолимое будущее, основанное на прогрессе мысли,

⁶¹ Совершенный Человек. Теология и философия образа. М., 1997. С. 10.

науки, техники и технологии. Прошлое для такого человека лежит далеко позади, и он лишь оглядывается на него. Человек, согласно Ницше, становится “великим обещанием”, а осмысленная им конечность его бытия заставляет искать все новые пути для утверждения прогрессивности и, соответственно, бесконечности, своих устремлений и безмерности претензий»⁶². Относительно так понимаемой исторической трансформации можно сказать следующее.

Ф. Ницше, определяя человека, говорил: «Это животное, способное обещать». Данное положение можно трактовать и в плане – брать на себя моральное обязательство, быть тем, за кого ты ручаешься (перформативный тип суждения, о котором говорил Хабермас при обосновании понятия «индивидуальность»). Идея М. Хайдеггера о том, что, начиная с Нового времени, мир становится картиной, а человек – субъектом, «предписывающим всему меру и норму», обоснованная им в работе «Время картины мира», становится важным условием и для переосмысления проблемы обоснования морали. Если в традиционном обществе легитимность должного, в том числе и того, каким следует быть человеку в нравственном плане, обосновывалась ссылкой на сакральность норм, традицию, связывалась с религиозным мировоззрением, то в современном мире возрастает значимость обоснования морали на секулярных основаниях. Возникновение современного общества и доминирование науки как ведущей формы общественного сознания отражается с неизбежностью и на обосновании морали, отвечающей ценностям изменившегося мира.

От сущего – к должному: условие обоснования концепта «хорошего человека»

Как понятие философии культуры и политической теории современность (поздняя)⁶³ означает проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимировали их порядки, обеспечивали осмысленность общей картины мира. Такая ситуация возникла в западноевропейском обществе Нового вре-

⁶² Совершенный Человек. Теология и философия образа. С. 11.

⁶³ Капустин Б.Г. Современность // Новая филос. энцикл.: в 4 т. Т. 3. М., 2001. С. 587–588.

мени, и ее специфика в том, что подрыв и распад строя высших ценностей не преодолевается открытием новой универсальной и безусловной основы человеческой деятельности. Последним основанием выступает человеческая свобода. Современность заявляет себя как двуединая проблема субъективной свободы и общественного порядка, где последним основанием выступает «абсолютная самостоятельность» индивида. Именно она является порождающей основой угроз и опасностей негативного, «дурного и плохого» – того, что многие ученые и политические деятели называют грехами современной цивилизации. В разных культурно-исторических контекстах проблема порядка решается институциональными, духовными и моральными средствами. «Проблема современности состоит именно в том, как возможно общежитие в условиях конфликтного плюрализма моральных, религиозных, политических воззрений, разных до противоположности стилей жизни, не сводимых к общему знаменателю и непримиримых посредством обращения к “объективной” и самоочевидной истине того, каким *надлежит быть человеку* (курсив мой. – В.В.) и обществу»⁶⁴. Не предлагая ничего окончательного, она, учитывая многочисленные опасности современного развития, ищет основания стабилизации только на собственной основе, на основе принципа человеческой свободы.

Стабилизация на собственной основе предполагает⁶⁵:

во-первых, *самообоснование*. Современность не может стабилизировать себя путем апелляции к каким-либо авторитетам прошлого или какой-либо трансценденции, лежащей за рамками актуальной практики. Она не может в свое основание положить ничего другого, кроме практически найденного и прагматически сохраняемого способа быть вместе, оставаясь разными. Именно поэтому современность, в первую очередь, является преимущественно политическим процессом, из которого могут вытекать моральные нормы, формы социальной организации и т. п.

Во-вторых, это означает, что политика, являясь главной формой бытия современности, оказывается *производительной*, а не отражательной по отношению к тому, что «предпослано» ей, будь то заветы предков, идеал благой жизни и др.

⁶⁴ Капустин Б.Г. Современность // Новая филос. энцикл.: в 4 т. Т. 3. С. 588.

⁶⁵ Там же.

В-третьих, стабилизация современности предполагает *готовность и способность к саморефлексии и самокритике*. Речь идет не о том, что современность не допускает «рутинизации» форм общения людей, «автоматизма» их реакций, принудительности норм и институтов по отношению к воле индивидов. Без этого невозможно никакое общежитие. Но современность предполагает, что никакие «рутинизированные» формы не могут быть оправданы только потому, что «они есть» и «так было всегда». Она предполагает, что любые такие формы могут и должны быть «ревизованы», если они угрожают способности разных людей быть вместе.

Таким образом, осознание, что картина современности именно такова, предполагает ее реальный анализ, которому предшествует констатация реальных фактов и поиски субъекта ответственного морального действия, а также поиски путей нового обоснования моральных норм.

Путь от сущего к должному тернист. Начало этого пути – осознание фактов существующего положения с помощью разума и различных типов рациональности. Такое осознание начинается в современном мире с понимания смертных грехов цивилизованного человечества и поиска возможных путей их преодоления. В этом процессе свое слово говорит и религия, и идеологи социально-политических движений, и наука.

Смертные грехи цивилизованного человечества как моральные факты

Позиция религии. Священное Писание, например Библия, относит к числу смертных грехов: гордость, тщеславие, блуд, уныние, гнев, печаль, чревоугодие, сребролюбие. Их можно рассматривать и как личные психологические качества, и как свойственные человеческому роду в целом. И называются они смертными, потому что разрушают жизнь, делают носителя этих качеств «нехорошим» человеком, связывают грех с понятием проступка, недолжного поведения, с виной. Характерно, что Папа Римский в своей работе «Евангелие жизни от Иоанна Павла II» говорит, что не может быть по-настоящему счастливой жизни без устойчивых морально-религиозных оснований. На роковой вопрос, на каких же основаниях следует построить новую историческую эпоху, вытекающую из

преобразований XX в.⁶⁶, Папа дает такой ответ: «Текущая технологическая революция не может быть достаточной, поскольку она основывается *исключительно* на критериях производительности и эффективности без учета религиозно-этического измерения человека и без универсально признанного этического руководства». Папа осуждает капитализм как систему, которая строит будущее на страдании слабых, осуждает пороки капитализма – нищету, социальное неравенство, безработицу. По его мнению, универсальное этическое руководство имеет двухтысячелетнюю давность, но актуально и сегодня: «Только Христос – тот краеугольный камень, на котором можно построить прочное здание собственного существования. Нельзя отказаться от Бога или свести его до уровня незначительной величины без риска унижить человека в его целостности»⁶⁷. Таким образом, современная религия, так же как и в прошлом, при обосновании моральных норм и решении современных проблем совершенствования человеческого развития, во-первых, опирается на откровение в обосновании должного (Св. Писание и современное Евангелие жизни); во-вторых, ориентирует на образец поведения, символизирующий деятельную любовь, – Христа; призывает к духовно-религиозным практикам нравственного самосовершенствования, позволяющим бороться со смертными грехами⁶⁸.

Позиция идеологов социально-политических движений. Махатма Ганди, например, перечислял семь социальных грехов человечества:

- политика, лишенная принципов;
- коммерция, лишенная морали;
- богатство, лишенное труда;
- образование, лишенное качества;
- наука, лишенная человечности;
- удовольствие, лишенное совести;
- поклонение, лишенное жертвенности.

Здесь обозначена не только проблема человеческих свойств, лишаящая индивида качеств «хорошего человека». Подразумевается, что политический деятель, проводящий политику, лишенную

⁶⁶ Независ. газ. Приложение НГ – Религии. 21.08.2002.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См., напр.: Практическое руководство по борьбе с греховными страстями по учению преподобного Иоанна Лествичника. М., 1977.

принципов, – беспринципный, конъюнктурный, «нехороший» политик и, тем самым, – «нехороший человек». Коммерсант, лишенный морали, например наркоторговец, знающий о последствиях своей деятельности и, несмотря на это, ради наживы ее продолжающий, – антипод «хорошему человеку». Ученый, работающий в сфере исследований, нацеленных на уничтожение живого, но щедро оплачиваемый, также не обладает качествами «хорошего человека».

Особенности этих грехов в том, что они связаны не столько с личными характеристиками, сколько с социально значимой деятельностью, ее последствиями для больших групп людей и ответственностью за ее результаты. Глобальные вызовы человечеству и ответы на них тесно связаны с «человеческими качествами» в их профессиональном и социальном измерении, особенно велика *ответственность политических лидеров*. Поэтому образ «хорошего государя», мудрого правителя и политического деятеля приобретает особую значимость в современном мире. Вспомним в этой связи «Государя» Н. Макиавелли и современную версию его интерпретации⁶⁹.

От политических лидеров современного общества зависит во многом Ответ как минимум на три глобальных Вызова:

- 1) сохранить мир и не дать расползаться оружию массового поражения, противостоять терроризму и локальным конфликтам;
- 2) борьба с бедностью – четыре млрд людей из более шести, составляющих население Земли, – нищие и бедные;
- 3) проблемы окружающей среды.

Эти вызовы тесно связаны между собой. Если мы не будем едины в борьбе против войны, если мы не сможем объединиться для спасения планеты, если мы не будем бороться с бедностью, то не сможем сопротивляться фанатизму, преступности, распространению наркотиков, тогда окажутся бесполезными и меры по спасению экологии. «Почти миллиард человек в мире голодает, в то время как в США каждый четвертый страдает от ожирения. Отдаем мы себе отчет в том, насколько ненормально то, что из 36 млн человек, больных СПИДом, 23 млн проживают в Африке. Или в одном Токио столько же телефонных линий, сколько во всей Африке. Или 130 млн детей не посещают даже начальную школу. В Ботсване сегодня продолжительность жизни 41 год. Как можно запре-

⁶⁹ Риклин А. Макиавелли: искусство властвовать. СПб., 2002.

тить беднякам в бассейне Амазонки вырубать деревья, чтобы засеять поле? Но не думая о природе и совершая над ней насилие, сама жизнь ставится под вопрос, и расплата грозит нашим потомкам»⁷⁰.

Если продолжать социально-политический ракурс анализа социальных грехов человеческой цивилизации, можно обратиться к положениям из «Доклада о развитии человека. Общий обзор. Глобализация с человеческим лицом». Такую глобализацию должны отличать:

Этика – меньше, а не больше нарушений прав человека;

Справедливость – меньше, а не больше различий в уровне жизни;

Интеграция – уменьшение, а не увеличение масштабов маргинализации народов и стран;

Безопасность человека – меньше, а не больше нестабильности в обществе и уязвимости человека;

Устойчивость – меньше, а не больше ущерба для окружающей среды;

Развитие – меньше, а не больше нищеты и лишений⁷¹.

В Докладе особо подчеркивается, что *главная задача* – найти те *нормы и институты*, которые бы обеспечивали эффективное управление (то есть общественный порядок) на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях.

Из констатации фактов реального состояния в современном мире можно сделать вывод, что возможный путь преодоления социальных грехов связывается в идеологии социально-политического действия с *ответственными политическими решениями* и с образом «хорошего политика», с соответствующей политической волей.

Теперь зададимся вопросом: кто и на каких основаниях *даст парадигму ответственных политических решений и обоснует нормы* эффективного управления? Как зафиксировать, например, «меньше, а не больше нищеты и лишений» и тому подобных клише? Все ли здесь поддается операционализации?

Прежде чем дать ответ хотя бы в общей теоретической форме, обратимся к констатации смертных грехов в рамках *научного дискурса*, посредством *науки – этологии*, основоположником которой является К. Лоренц.

Анализ патологии часто проясняет параметры нормы. «Этология рассматривает поведение животных и человека как функцию *системы*, обязанной своим существованием и своей особой

⁷⁰ Горбачев М.С. Семь грехов человечества // Рос. газ. 27.08.02.

⁷¹ Доклад о развитии человека. Общий обзор. Глобализация с человеческим лицом. М., 1999. С. 13.

формой историческому ходу ее становления, отразившемуся в истории вида, в развитии индивида, и у человека в истории культуры»⁷². Как с позиций системности можно объяснить регулярно наблюдаемые способы поведения цивилизованных людей? Зачем нужны человечеству безмерный рост его численности, все убыстряющаяся до безумия конкуренция, возрастающее и все более страшное вооружение, прогрессирующая изнеженность урбанизированного человека и т. п.? К. Лоренц считает, что едва ли не все эти явления представляют собой расстройства вполне определенных механизмов поведения, ценных для сохранения вида. Иначе говоря, их следует рассматривать как *патологические*. Такие слова, как независимость, любовь, дружба, гнев, верность, преданность, недоверие, доверие и т. д. – все они означают состояния, соответствующие готовности ко вполне определенным способам поведения, так же как и агрессивность, ранговый порядок, территориальность. Каждый из этих стимулов является *звеном* упорядоченной, гармонически работающей системы и в этом качестве *необходим*. «Вопрос, “хороши” или “плохи” ненависть, любовь, верность, недоверие и т. п., задается без всякого понимания системного функционирования этого целого и так же нелеп, как если бы кто-нибудь спросил, хороша или плоха щитовидная железа. Ходячие представления, что явления этого рода можно разделить на хорошие и плохие, что любовь, верность и доверие сами по себе хороши, а ненависть, неверность, недоверие сами по себе плохи, происходят лишь от того, что в нашем обществе первых недостает, а вторые имеются в избытке»⁷³. Чрезмерная любовь портит подающих надежды детей, верность, превращенная в абсолютную самодовлеющую ценность, приводит к адским последствиям; аргументы, приведенные Э. Эриксоном⁷⁴, показывают, насколько необходимо недоверие.

Одним из структурных свойств высокоинтегрированных органических систем является управление с помощью циклов регулирования или гомеостазов. Опасное расстройство всей системы может произойти лишь в случае, когда величина отдельной функции

⁷² Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 5.

⁷³ Там же. С. 8.

⁷⁴ Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996; *Его же*. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

возрастает или уменьшается настолько, что гомеостаз не в состоянии ее выровнять, или когда что-нибудь не в порядке с механизмом регулирования.

Восемь смертных грехов цивилизованного человечества, по Конраду Лоренцу, как раз и являются фактами подобного рода. К ним относятся восемь различных, но тесно связанных причинными отношениями процессов, угрожающих гибелью не только нашей культуре, но и всему человечеству как виду. Это следующие процессы⁷⁵.

1. Перенаселение Земли, вынуждающее каждого из нас защищаться от избыточных социальных контактов, отгораживаться от них «нечеловеческим» способом, при этом возбуждая агрессивность вследствие скученности множества людей в тесном пространстве.

2. Опустошение естественной природной среды, убивающее в самом человеке всякое благоговение перед красотой и величием открытого ему творения.

3. Бег человечества наперегонки с собой, подстегивающий гибельное и все ускоряющееся развитие техники, делающий людей слепыми ко всем подлинным ценностям, не оставляя времени для подлинно человеческой деятельности – размышления.

4. Исчезновение всех сильных чувств и аффектов вследствие изнеженности. Техника и фармакология порождают возрастающую нетерпимость к неудовольствиям. Исчезает радость, которая дается ценой усилий при преодолении препятствий.

5. Генетическое вырождение. В современной цивилизации нет никаких факторов, кроме «естественного правового чувства» и некоторых унаследованных правовых традиций, которые могли бы производить селекционное давление в пользу развития и сохранения норм общественного поведения, хотя с ростом общества такие нормы все более нужны. Нельзя исключить, что многие проявления инфантильности молодежи могут быть обусловлены генетически.

6. Разрыв с традицией. Он наступает, когда достигается критическая точка, за которой младшему поколению больше не удастся достичь взаимопонимания со старшим, не говоря уже о культурном отождествлении с ним. Поэтому молодежь обращается со старшими, как с *чуждой этнической группой*, выражая им свою ненависть.

⁷⁵ Лоренц К. Указ. соч. С. 58–59.

Это нарушение отождествления происходит прежде всего от недостаточного контакта между родителями и детьми, вызывающего патологические последствия уже у грудных младенцев.

7. Возрастающая индоктринируемость человечества. Совершенствование технических средств воздействия приводит к такой унификации взглядов, какой до сих пор не знала история (рост СМИ, моды, рекламы). Эффекты, уничтожающие индивидуальность, приветствуются всеми, кто хочет манипулировать большими массами людей.

8. Наличие ядерного оружия.

Можно по-разному относиться к позиции К. Лоренца, стоять сугубо на социоцентристских позициях в понимании поведения человека, но, учитывая тот кризис, который признается уже всеми во взаимоотношениях общества и природы, не обращать внимания на данные естественнонаучного знания о поведении и способах жизни высокоинтегрированных органических систем невозможно. Сам Лоренц особо подчеркивает: «Явлениям обесчеловечения... содействует псевдodemократическая доктрина, согласно которой общественное и моральное поведение человека вообще не определяется устройством его нервной системы и органов чувств, выработанным историей вида, но складывается исключительно под действием “кондиционирования” человека в течение его онтогенеза той или иной культурной средой»⁷⁶.

На наш взгляд, в современной ситуации представляется важным при обосновании морали, в том числе должного человеческого поведения, исходить из фактов и их изучения системой наук, на путях взаимодополнительности естественнонаучных решений и подходов социальных и гуманитарных наук. Попытка осмыслить представления о должном с позиций истории этики была предпринята А. Макинтайром⁷⁷.

Наиболее продуктивным в методологическом плане представляется концепция обоснования моральных норм, предпринятая П. Сорокиным, *парадигму* которой можно обозначить как *движение «от сущего – к должному»*. Прежде всего подвергается сомнению положение о том, что этика – нормативная наука. Такое понимание репрезентировано Марбургской и Фрейбург-

⁷⁶ Лоренц К. Указ. соч. С. 59.

⁷⁷ Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали. М., 2000.

ской школой неокантианства, именами П. Наторпа, Г. Риккорта и В. Виндельбанда, а также именами В. Вундта, Р. Штаммлера, Г. Геффдинга, Е. Трубецкого. В главных трудах по этике большинство теоретиков нравственности определяет ее как нормативную дисциплину, предписывающую *должное* поведение и запрещающую *недолжное*: «Под нравственностью мы понимаем ту закономерность волевых поступков, с точки зрения которой мы судим, что то, чего мы хотим, является *безусловно хорошим*, то есть *безусловно должно быть* или же наоборот – безусловно не должно быть»⁷⁸. П. Сорокин обосновывает, в противовес известным именам и почти всем предшествующим системам нравственности, что если этика как наука возможна, то она может быть только теоретической, опирающейся на теоретические суждения, к которым могут быть применены критерии истинности или ложности. Так как всякая наука представляет совокупность суждений, то что собой представляет суждение, которое считают нормативным? П. Сорокин обращается к разбору примера суждения, которое анализирует Э. Гуссерль⁷⁹. Это разбор суждения «Воин должен быть храбрым».

«Когда высказывается это суждение, то вовсе не значит, что мы или кто-то другой хотим, повелеваем, требуем, чтобы это было так. “Воин должен быть храбрым” означает только то, что храбрый воин есть “хороший воин”, и предикаты “хороший” и “дурной” распределяют между собой объем понятия “воин” – подразумевается, что не храбрый воин есть “дурной воин”. Так же обстоит дело и в других нормативных суждениях, какую бы форму они ни имели (“должен”, “имеет право”, “обязан”).

Таким образом, каждое нормативное суждение предполагает известного рода оценку, из которой вытекает понятие “хорошего” (ценного) в известном смысле или же “дурного” (лишенного ценности) в отношении известного класса объектов. Сообразно с этим объекты распадаются на “хорошие” и “дурные”. Таким образом, *в основе всякого долженствования лежит оценка*. На вопрос: Как мы получаем и создаем самое понятие “хорошего” и “дурного”, нормативным или теоретическим путем? – ответ Гуссерля таков. *“Каждая нормативная, а тем более, практическая дисциплина предполагает в качестве основ одну или несколько теорети-*

⁷⁸ Наторп П. *Философская пропедевтика*. М., 1911. С. 13, 54–55.

⁷⁹ Гуссерль Э. *Логические исследования*. Т. I // *Философия как строгая наука*. Новочеркасск, 1994. С. 205.

ческих дисциплин. Каждая нормативная дисциплина требует познания известных ненормативных истин, которые она заимствует у известных теоретических наук”»⁸⁰.

П. Сорокин признает и опирается в обосновании этики как ненормативной науки на эти положения. Он считает, что всякое нормативное суждение, всякое «должен» (а отсюда и долг) имеет в основе своей оценку, которая как таковая уже не есть достояние или содержание нормативного суждения, а есть содержание теоретического (то есть изучающего сущее как оно есть) суждения. Таким образом, всякая нормативная наука есть функция теоретических дисциплин и только как таковая может быть. Поэтому и этика должного, если она возможна, то возможна только на основе этики сущего, в противном случае она будет лишь собранием произвольно установленных «норм», ни для кого не обязательных. «Обосновать этику, исходя из должного и спускаясь к сущему, как делают Наторп, Риккерт и др. – нельзя. Можно только идти наоборот: исходя из функциональных связей, данных нам в сущем, восходить постепенно в мир должного»⁸¹. П. Сорокин также обращает внимание на выражения «ты должен», «помогай ближним», «если ударят тебя в правую щеку, подставь левую» – это «суждения» долженствования не суть суждения, так как они не имеют отношения к истине, то есть ни истинны, ни ложны, а представляют просто волеизъявления. Выражения «помни день субботний», «чти отца твоего и мать твою», «поступай так, чтобы максима твоего поведения могла служить примером для всех» – все это или простые переживания, или волеизъявления, приказания, запрещения, о которых нельзя сказать, что они истинны или ложны, а потому они не суждения и отношения к науке не имеют.

Этика не может быть нормативной наукой. Она может быть наукой о нормах, запретах, приказаниях, но нормативной наукой она быть не может. Как наука она не запрещает и не приказывает, не говорит «ты должен», «обязан», а только показывает функциональную связь явлений и подобно гигиене говорит: при неправильном образе жизни наступает расстройство и истощение организма, а дело каждого уже решать – хочет ли он расстраивать организм или нет.

⁸⁰ Сорокин П. Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть? // Сорокин П. Общедоступный учебник социологии: Ст. разных лет. М., 1994. С. 232.

⁸¹ Там же. С. 232.

П. Сорокин также подвергает критике все исторические попытки построить этику как монистическую систему дедуктивным путем, исходя из общей нормы. Например, «удовольствие есть высшее благо». «Подставьте... вместо принципа удовольствие другие принципы: принцип золотой середины (Аристотель), принцип императива (Кант), принцип счастья (гедонизм, эвдемонизм), принцип пользы (утилитаризм), принцип жизни (Гюйо и Ницше), принцип любви (христианство), принцип общности (Вундт), принцип единства (Наторп), принцип общего благополучия (Геффдинг) и др. – вы получите все монистические дедуктивные “системы” нравственности. Все они построены по указанному типу, считающему нормативным...»⁸². Этот путь неприемлем в силу произвольности постулирования общей нормы. Прикладные науки (медицина, технологии), прежде чем сформулировать общую норму, прошли сложный путь индуктивных исследований, не спускаясь от общей нормы к конкретным фактам, а долго поднимаясь от частных обобщений к общей норме. «Обосновать норму можно только одним путем. Путь этот каузального изучения моральных явлений, путь сравнительно-исторического исследования. То есть это путь – не исхождения от “нормы” и должного, а путь изучения сущего, того, что есть, путь восхождения от сущего к должному»⁸³. Изучение причинных связей сущего дает возможность указать и средства, способные вызвать желаемый результат.

Обобщая, можно сделать следующие выводы.

1. Прикладные «нормативные» науки, ничего не предписывая и не запрещая, могут быть построены путем восхождения из низин сущего к вершинам должного, а не наоборот.

2. Чтобы получить желаемый эффект или осуществить поставленный идеал, необходимо знать причинные связи сущего; без их знания реализация целей невозможна. Прежде чем строить прикладную науку, необходимо изучить причинные связи, а не руководствоваться абстрактной дедукцией и постулатами бесчисленных систем морали.

3. Вместо того, чтобы довольствоваться дилетантским и самодовольным «ты должен» и «не должен», следует проникать вглубь морально-социальных фактов и расшифровывать сложные узоры мировой и – более узко – историко-социальной необходимости. Раз известны связи, дано и средство для их решения.

⁸² Сорокин П. Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть? С. 241.

⁸³ Там же. С. 243.

Модель «хорошего человека»: самореализация в рамках ответственности

Современность, укорененная на принципе свободы и самостоятельности индивида, ставит проблему самореализации и ответственности. Ее конкретный контекст как раз представляет многообразие форм сущего, осмысливая и анализируя которое возможно восхождение по пути к должному. Глобальные Вызовы, грехи современной человеческой цивилизации ставят вопрос об ответственности, ее субъекте, границах. Это проблема, требующая в духе парадигмы П. Сорокина многопланового систематического научного анализа. Ее философско-методологические аспекты активно обсуждаются в мировой литературе⁸⁴, а отправной точкой в дискуссии являются взгляды М. Вебера. С нескрываемой симпатией М. Вебер рисует образ «хорошего человека»: «...безмерным потрясением является, когда *зрелый* человек – все равно, стар он или юн годами, – который реально и всей душой ощущает свою ответственность за последствия и действует сообразно этике ответственности, в какой-то момент говорит: “Я не могу иначе, на том стою”. Это нечто человечески подлинное и трогательное. Ибо такое именно состояние, для *каждого* из нас, кто, конечно, внутренне не умер, должно когда-нибудь *иметь возможность* наступить. И постольку этика убеждения и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, но взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь “призвание к политике”»⁸⁵. Веберовская этика ответственности является основанием для возможных трактовок проблемы ответственности и ее критики в частности. Размышляя о необходимых качествах политика по призванию, М. Вебер выделяет три решающих качества: страсть, чувство ответственности, глазомер. “Страсть – в смысле *ориентации на существо дела* (Sachlichkeit): страстной самоотдачи “делу”, тому богу или демону, который этим делом повелевает... Одной страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще, конечно, недостаточно. Она не сделает вас политиком,

⁸⁴ См.: Уорнер Д. В поисках ответственного сообщества в международных отношениях / Пер. В.Г. Федотовой; Н.Н. Федотовой // Филос. науки. 2001. № 4.

⁸⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 704–705.

если, являясь служением “делу”, не сделает *ответственность* именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности. А для этого – в том-то и состоит решающее психологическое качество политика – требуется *глазомер*, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется *дистанция* по отношению к вещам и людям»⁸⁶, а также по отношению к себе – преодоление *тщеславия*. М. Вебер разделяет этику убеждения и этику ответственности, считая, что «всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на “этику убеждения”, либо на “этику ответственности”... Но глубиннейшая противоположность существует между тем, действуют ли по максиме этики убеждения – на языке религии: “Христианин поступает, как должно, а в отношении результата уповает на Бога”, или же этики ответственности: надо расплачиваться за (предвидимые) последствия своих действий»⁸⁷.

Критика этой концепции ответственности определяется аргументами о том, что веберовская этика ответственности отрицает *значимость применения объективных норм и самих возможностей их существования*, поскольку она построена на основании индивидуальной ответственности только перед самим собой и на собственном восприятии своей ответственности⁸⁸. Для Вебера архетипом харизматического лидера является Мартин Лютер. В данном случае важно подчеркнуть, что Лютер нигде не видел себя ответственным перед другими людьми или за других. Он был ответственным только за себя или за восприятие воли Бога. *Здесь отсутствует основание для человеческой коммуникации, отношение к «другому»*. Представив общество лютеров, мы поймем, почему в нем не будет объективных норм; каждый индивид будет отвечать за собственное самопонимание или внутреннее сознание.

Другая сторона критической аргументации заключается в невозможности определить новую этику ответственности, связывающую ее с ответственным сообществом, будь то национальное

⁸⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 690–691.

⁸⁷ Там же. С. 696–697.

⁸⁸ Уорнер Д. В поисках ответственного сообщества в международных отношениях.

государство или образ глобальной деревни. Разбирая различные концепции ответственности, например Х. Файна о целе-теоретической, нормативной политике, концепцию национального государства Уольцера, позицию Конноли, связывающего поиски ответственности и ответственного сообщества с представлениями о современности (*modernity*) и политике идентичности, сам Д. Уорнер привлекает внимание к необходимости анализа отношений между *индивидом и Другими, к проблеме антропологической идентичности* и этимологии понятия «ответственность». «Корень ответственности – торжественно обещать, связывать, включать, иметь собственные обязательства, обещать другим, обеспечивать их безопасность; обещать священно, давать поддержку. Именно *вырабатывая измерения ответа другому, ответственность становится значимой* (курсив мой. – В.В.), что делает пространство морали открытым»⁸⁹. Лютеровское Я закрыто, как и уольцеровские национальные государства и международные отношения, основанные на политическом реализме и либеральном современном понимании субъективности. Только когда закрытость оспаривается со стороны, может быть создано подлинно творческое пространство. Отсюда становится также ясной и многомерность концепта «хорошего человека» и его социально-историческая востребованность.

Если допустимо выразиться схематично, то, возможно, «хороший человек» – «точка пересечения» на оси координат, имеющих вертикальную и горизонтальную составляющую. Это состояние, где восхождение из низин сущего к вершинам должного и нисхождение от вершин должного к сущему пересекаются и характеризуют место и уровень нравственного достоинства каждого человека и тем самым и его индивидуальность, и его человечность.

⁸⁹ Уорнер Д. В поисках ответственного сообщества в международных отношениях. С. 24.

Концепт жизни: индивидуальная человеческая жизнь и человеческое развитие. В поисках новой парадигмы социально-философского дискурса

Антропологический поворот в социальной философии

Феномен человеческой жизни и развитие человека в современном социокультурном и историческом контексте проблематизируются таким образом, что можно вести речь об антропологическом повороте в социально-философском дискурсе. Наиболее важные направления, в которых отчетливо просматривается антропологический поворот, связаны с пониманием значимости человеческих качеств в процессах социальных трансформаций, рассмотренных с позиций накопления и эффективного применения человеческого и социального капитала, возрастанием роли капитала интеллектуального и символического (ценностей и норм социального и индивидуального развития). Взаимные корреляции качества человеческого капитала и качества социальной и индивидуальной жизни становятся определяющими при переходе от индустриального типа социального развития к постиндустриальному, к наступающему «обществу знаний».

Другим направлением антропологического поворота является совокупность проблем, связанных с влиянием экологии и наук о жизни, прежде всего генетики и молекулярной биологии, на ценности социального бытия. Биотехнологии, базирующиеся на расшифровке генома человека, способны повлиять на социальные процессы воспроизводства человека, его индивидуальную и даже, возможно, видовую идентичность, что прежде традиционно считалось прерогативой социализации на основе социальных, культурных и исторических влияний, но отнюдь не биологических. Для социальной философии эта ситуация вызывает необходимость рассмотрения новых, ранее не стоящих столь остро проблем, связанных с социальным воспроизводством человека как субъекта собственного жизненного процесса, способного осуществлять свободный и автономный выбор хода собственного развития и несутшего поэтому за него ответственность.

Общественный резонанс, требующий социально-философского и антропологического анализа, приобретают социально значимые вопросы о статусе человеческой жизни, в том числе и на эм-

бриональной стадии развития, и соответствующие ему моральные, нормативные, ценностные и правовые аспекты регулирования. Анализ оправданных и недопустимых пределов манипулирования человеческой жизнью, социальные способы регуляции и понимание рисков подобных манипуляций (эвтаназия, медицинский эксперимент с позиций «информированного согласия», либеральная евгеника и т. п.) требуют формирования новых социальных институтов, способных решать эти проблемы с позиции социально-гуманитарного знания и антропологической экспертизы. Все более значимой и тесно связанной с проблемой социального воспроизводства человека становится проблематика трансформации интимности в современных обществах и отход от доминирования модели традиционной формы брака.

Антропологический поворот в социально-философском дискурсе актуализирует проблему ценности жизни⁹⁰, в том числе и человеческой, в различных социокультурных контекстах и на различных этапах развития общества, ставит вопрос о трансформации образа человека: от детерминированного процессами персональной модернизации, вызванной необходимостью индустриального развития к новому образу человека, в котором человеческое развитие выступает как цель и самоценность, получает признание значимость жизни индивидуального эмпирического субъекта, разнообразие способов его повседневного существования.

Эти и ряд других направлений, в которых выражается антропологический поворот в философии, требуют поисков новых методологических подходов и средств исследования реальных проблем микроистории и повседневности, введение и обоснование таких категорий социально-философского анализа и исследовательских программ, которые адекватны изменившейся социальной реальности.

В рамках философии науки в качестве основных, системообразующих исследовательских программ социально-гуманитарных наук выделяются натуралистическая программа и культурцентристская, особенность которых заключена в том, что натуралистическая программа формирует идеалы и нормы научности по образу естественных наук, нацелена на метод объяснения, превращает исследуемый объект в вещь, а культурцентристская имеет

⁹⁰ См.: Жизнь как ценность. М., 2000.

иные основания. «Главная идея новой программы есть отличная от природы самостоятельная реальность – культура, не позволяющая уподобить многие явления социального мира вещам. Теории культуры могут обеспечить солидную основу для научного анализа общества. Они включают в науки об обществе правила и структуры сознания повседневности, что требует специальных методов – индивидуализации, понимания, интерпретации. С позиции этой программы явления не самождественны, они всегда другие... *В отличие от уподобления социального мира вещам, теперь он уподобляется человеку, субъекту*»⁹¹.

Именно по этой причине, если иметь в виду методологическую и теоретико-познавательную интенции антропологического поворота, знание о человеке, субъекте деятельности, в том числе и познавательной, становятся важнейшей регулятивной идеей социально-философского дискурса. Поэтому важна и интеграция знания о человеке, и философский анализ образа человека в меняющемся мире, в определенном социокультурном и природном контексте. Для современных подходов к вопросу о методологии социально-гуманитарного знания характерно стремление преодолеть противоположности натурализма и культурцентризма, построить интегративные модели исследуемых объектов. Это преодоление достигается «при совместной работе двух программ, при обсуждении практических проблем. Одна программа анализирует цели и ценности субъекта, другая – выделяет закономерности, которые могли бы привести к достижению этих целей»⁹².

Такой важнейшей практической проблемой является человеческая жизнь в контексте исторических и социокультурных трансформаций. Именно она, а не только вопрос о сущности человека или его природе, традиционно анализируемый в философской антропологии, является онтологическим фундаментом социального познания человека. Являясь многообразным, сложным, многоуровневым феноменом, связанным с другими формами жизни, человеческая жизнь как предмет социально-философского исследования и как практическая проблема дает

⁹¹ Федотова В.Г. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / Под ред. В.В. Миронова. М., 2006. С. 548.

⁹² Там же. С. 557.

возможность органичного сочетания натуралистической и культурцентристской исследовательских программ, интеграции естественно-научного и социально-гуманитарного знания. Жизнь как категория наук об обществе и культуре становится все более востребованной для социально-гуманитарного познания. Феномен жизни имеет глубокое культурно-историческое и гуманитарное содержание, и поэтому он является широкой информационной основой для познавательного процесса (как и понятие развития) и базовым понятием для самых различных социальных и гуманитарных исследований. Именно понятие жизни «при всей многозначности и неопределенности, дает возможность ввести в философию представление об историческом человеке, существующем среди людей в единстве с окружающим миром, позволяет преодолеть субъектно-объектный подход, существенно дополнить его “жизненным историческим разумом”, выйти к новым формам рациональности»⁹³.

Поскольку речь идет об антропологическом повороте в социальной философии, она должна опираться на знания, сложившиеся в антропологической традиции анализа человека, в частности в философской антропологии, обращаться особенно к тем концепциям, где понятие «жизни» является основой теоретических моделей, – концепциям И. Канта, В. Дильтея, М. Шелера, Х. Плеснера, Ю. Хабермаса, интегрировать в социально-философский дискурс ее наработки. Но и с другой стороны, теоретический потенциал социальной философии мог бы способствовать преодолению «абстрактного антропологизма», описанию индивида как некоего абстрактного, внеисторического субъекта, сущность и природа которого представляется неким специфическим для человека вневременным инвариантом. Поэтому, как нам представляется, феномен жизни и понимание, интерпретация человеческого развития могли бы служить тем своеобразным мостом, соединяющим различные виды знаний, и быть онтологическим фундаментом социально-философского дискурса. С развитием методологии наук о духе и культуре представляется перспективной позиция о том, что «потребность в понятии жизни как социокультурной жизнедеятель-

⁹³ Микешина Л.А. Жизнь как категория наук об обществе и культуре // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / Под ред. В.В. Миронова. М., 2006. С. 506.

ности будет возрастать, поскольку, являясь базовым, оно успешно сочетает как единичное, индивидуальное, так и всеобщее, представленное в науках об обществе и культуре»⁹⁴.

Не претендуя на раскрытие всех обозначенных аспектов антропологического поворота, мы хотим обосновать роль и значение феномена жизни и человеческого развития для современного социально-философского дискурса и решения практических проблем, связанных с жизнью рядового эмпирического субъекта.

Роль социальной философии в междисциплинарном синтезе наук о человеке

Предметом социальной философии является исследование общества, истории и человека как субъекта деятельности и социокультурных взаимодействий. «Общество (лат. *societas* – **социум, социальность, социальное**) – в широком смысле: совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга; в узком смысле: генетически и/или структурно определенный тип – род, вид, подвид и т. п. *общения*, предстающий как исторически определенная целостность либо как относительно самостоятельный элемент подобной целостности»⁹⁵. Взаимодействие (связи между индивидами) и общение являются ключевыми словами определения социальности. Историческая трансформация многообразия способов взаимодействия людей, их форм объединения нашла отражение в смене и конкуренции теорий, объясняющих общество и в изменении парадигм самой социальной философии. Она акцентирует свое предметное поле, учитывая контекст развития человека и его историческое изменение. Развитие представлений об обществе и тем самым о понимании способов взаимодействия и общения людей варьировало между полюсами парадигмы социологического реализма с его идеей безусловного приоритета конкретно-всеобщего перед единичным (единственным, уникальным) и парадигмы социологического номинализма, который впервые уже отчетливо проявляется в эллинистических теориях общества. Вклад социальной философии в междисциплинарный синтез наук

⁹⁴ Микешина Л.А. Жизнь как категория наук об обществе и культуре. С. 506–507.

⁹⁵ Давыдов Ю.Н. Общество // Новая филос. энцикл. Т. 3. М., 2001. С. 132.

о человеке проявляется прежде всего в том, что она описывает конкретику социальности, т. е. связи и взаимодействия человека в постоянно изменяющемся историческом контексте. Трактовка человека как социального существа постоянно подвергается той или иной интерпретации, и истолкование чаще всего определялось двумя доминирующими сюжетами – положением человека по отношению к обществу и государству и сменой исходных определяющих взаимодействие доминант – индивид или надындивидуальная целостность.

Не вдаваясь в исторический экскурс развития этих доминирующих сюжетов, по-разному обосновывающих взаимоотношения человека с обществом и государством, представленных именами Платона и Аристотеля, Цицерона и Августина, Гоббса и Юма, а также Смита, Гегеля, Маркса и Канта и классиками социологии XIX–XX вв., важно акцентировать итог длительного пути, важный для понимания социальности в современном мире и рефлексии о дальнейшем пути развития социальной философии: «В целом “одиссея” понимания общества в 20 в. отмечена не только противоборством двух его толкований в рамках социологического реализма марксистского с одной стороны, и позитивистского (органицистски-функционалистского, структурно-функционалистского, системного – структурного и т. д.) – с другой, но и все более усугубляющейся и заостряющейся борьбой между социологическим реализмом и социологическим номинализмом, которая была лишь временно приостановлена в период наступления структурного функционализма *Т. Парсонса*, пытавшегося соединить дюркгеймовский социологизм с веберовским подходом, основанным на утверждении приоритета “*социального действия*”, предпринимаемого каждым индивидом на свой страх и риск»⁹⁶. Редукционизм этих теоретических крайностей и неудачные попытки их примирения свидетельствуют, на наш взгляд, как и в ситуации поиска синтеза философского антропологического знания, об ограниченной базе построения социально-философской и философско-антропологической теории.

Изменившийся характер взаимодействия и общения людей на рубеже XX и XXI вв., **связанный с модернизацией и глобализацией**, новой ролью СМИ, позволяющей осуществлять высоко-

⁹⁶ Давыдов Ю.Н. Общество. С. 134.

скоростные контакты, с новой ролью наук о жизни, открывающих не доступные ранее возможности вмешательства в генофонд человечества с помощью биотехнологий, возникновение «общества знаний», более усиливающееся расслоение и неравенство людей в мире, эскалация насилия вопреки декларациям о диалоге и толерантности, изменение статуса суверенности государств и многие другие проблемы, все они – новые вызовы, на которые социально-философская мысль и гуманитарная наука должны дать адекватный изменившемуся социальному контексту ответ. *Все эти изменения характеризуют жизнь в ее многообразных формах и проявлениях, жизнь экономическую, духовную, сознательную, политическую и, конечно же, человеческую жизнь. Концепт «жизни» является более широким информационным базисом, на основе которого уже формируются, как нам представляется, новые концептуализации, объясняющие сложность, системный и самоорганизующийся характер развития как человека, так и общества.*

Поэтому, учитывая изменившийся социокультурный контекст, социальной философии необходимо интегрировать наработки философской антропологии и других социально-гуманитарных наук уже с мировоззренческих позиций витациентризма⁹⁷ (от лат. *vita* – жизнь). Кроме того, необходимо проанализировать смысл и проблематику человеческой жизни в социально-этическом ключе, учитывая проблему изменения человеческой идентичности под влиянием биотехнологий. Важно также обратиться к традициям философии жизни (В. Дильтей) и оценить ее потенциал для возможностей дальнейшего развития современной философии жизни.

Антропология как мироведение

Значение человеческих качеств для социальной жизни и необходимость практического характера знаний подчеркивал уже И. Кант в «Антропологии с прагматической точки зрения».

В ней выдающийся мыслитель сформулировал многие из теоретических установок относительно познания человека, которые оказали влияние на всю новоевропейскую культуру и эпоху Просвещения.

⁹⁷ Гирусов Э.В. Экологические императивы современной культуры; Веряскина В.П. Императивы экологической этики и новый образ человека // Наука. Общество. Человек / Отв. ред. В.С. Стёпин. М., 2004. С. 310.

щения. Он указал на то, что знания и достижения культуры *должны применяться в жизни*, что главный предмет в мире, к которому эти знания могут *быть применены*, – это человек, «ибо он для себя своя последняя цель», что «знание родовых признаков людей, одаренных разумом, особенно заслуживает название *мироведения*, несмотря на то, что человек только часть земных созданий»⁹⁸.

Истолкование человека как цели самой в себе, а антропологии как мироведения, предполагающего знание и о вещах (природе), и о человеке как *гражданине мира*, указывает на то, что человек трактуется как самодостаточный субъект. Отсюда следует принципиальное положение, поясняющее, почему у И. Канта антропология возможна и необходима именно с прагматической точки зрения. «Учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или *физиологической*, или *прагматической*. Физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека *природа*, а прагматическое – исследование того, что *он*, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам»⁹⁹. Таким образом, прагматическая антропология добывает знание о человеке для того, чтобы это знание использовать для удовлетворения человеческих целей и потребностей.

Установки и парадигма антропологии с прагматической точки зрения, безусловно, важны и приемлемы для философского постижения человека. Такая антропология важна как позиция, как составляющая философского дискурса о человеке, но она показывает вместе с тем и свою историческую границу. Эта граница, на наш взгляд, выявляется при истолковании человека с синергетической точки зрения.

Во-первых, антропология с синергетической точки зрения исходит из теоретической установки, что человек – *это живая, сложная, открытая самоорганизующая система*. Человек – существо *эволюционирующее*, имеющее свою историю как в качестве рода, так и в качестве индивида (жизненный путь), всегда, благодаря, разуму, свободе и выбору, *открытое* иным возможностям развития, чем зарезервированные за ним в данный момент

⁹⁸ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Избранное: в 3 т. Т. III. М., 1998. С. 10.

⁹⁹ Там же.

и в данных наличных условиях. Человек – существо самоорганизующееся в своей исторической эволюции по многим основаниям: как субъект деятельности, как субъект познания, как субъект общения; как телесное, как душевное и как духовное существо; эволюцией характеризуются также и представления о самом себе, репрезентируясь в образах, отвечающих духу эпохи и этапам исторического развития.

Во-вторых, антропология с синергетической точки зрения отвечает запросам развития этапа постнеклассической науки, где открывается многообразие¹⁰⁰ человека, возможности его жизни в пограничной ситуации, его многомерность. Отсюда многочисленные попытки построить голографический образ человека, по большей части реализующийся сегодня в попытках создания интегративных антропологических концепций.

Антропология с синергетической точки зрения как одна из возможных парадигм человековедения акцентирует такой образ человека, который учитывает идею глобальной эволюции «внешнего человека» (типы личности, социальные роли), его этапы и формы, идею эволюции «внутреннего человека» (цели, ценности, его духовные качества), его самопознания и фиксацию соответствующих этому процессу точек бифуркации. Причем в самопознании важная роль отводится арсеналу методов вненаучного познания человека (морализаторский дискус мыслителей прошлого, исповедальный жанр, биографический и мемуарный, осмысление практики религиозной аскезы и т. п.) наряду с научными и собственно философскими методами.

Это такой подход, при котором современное состояние человека и его современный образ понимается как совокупный результат предшествующей эволюции, отраженный в его кросс-дисциплинарном и междисциплинарном ракурсе.

Вместе с тем, следует поставить принципиальный для антропологии с прагматической точки зрения (в Кантовском смысле) вопрос: каковы основания, базируясь на которых человек как субъект

¹⁰⁰ Об этом свидетельствует наличие в культуре многих и далеко не исчерпанных на сегодня образов человека, что выражается в дифференциации антропологического знания и конституировании предметных областей различных антропологий: исторической, социальной, культурной, юридической, экономической и т. д.

задает всему сущему *меру* и предписывает *норму*? Чем он руководствуется? Какие цели ставит? Какие ценности исповедует? В чем видит в конечном счете смысл своей деятельности?

Необходимо дать ответ на эти вопросы, поставленные теперь уже скорее жизнью современного человека, его сложившейся практикой, а не столько теоретической антропологией. Это указывает на *исторические границы парадигмы антропологии с прагматичной точки зрения* и инициирует осмысление статуса человека в сущем, в универсуме на иных основаниях. Такими основаниями, не отвергающими роли человека как субъекта, но включающими его в более широкий и глобальный эволюционный контекст, являются основания «жизни» и «ценностей». Они могут стать основополагающими понятиями новой антропологии. «Выражения *знать жизнь и уметь жить* по своему значению далеко не одинаковы: первое означает *понимать* игру, второе – *участвовать* в этой игре»¹⁰¹. Представляется важным осознать факт, что развитие наук естественных, технических, социальных и гуманитарных во все возрастающей степени доказывает, что человек становится «активным игроком», от деятельности которого зависит теперь уже и сохранение биосферы и его самого как части, органично связанной с ней и активно направляющей ее эволюцию. Поэтому и характер интеграции наук о человеке зависит *от специфики решаемых проблем, главной из которых сегодня является его самосохранение и оптимальное развитие*.

Биотехнологии и проблема антропологической идентичности

Проблематика человеческой жизни в современном мире актуализируется с совершенно непредвиденной ранее стороны – в связи с успехами биотехнологий, расшифровкой генома человека и амбициями геной инженерии. Радикальность вопроса состоит в следующем: как повлияет необратимое вмешательство в человеческий генофонд на этическое самопонимание человеческого вида, какова будет его антропологическая идентичность и, главное, в какой степени человек сохранит свободу быть автономным автором своей собственной жизни?

¹⁰¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. С. 11.

Прогресс биологических наук и биотехнологий позволяет осуществлять новый тип вмешательства в человеческую жизнь, который ставит под угрозу с таким усилием завоеванный исторически в ходе социальных трансформаций образ человека, который имеет «возможность быть самим собой». В этой связи сценарий свободной реализации жизненного проекта деформируется с далеко идущими последствиями как на уровне индивидуальной жизни, так и на уровне жизни человеческого рода. *Эту ситуацию можно обозначить как инструментализацию и овеществление человеческой природы.*

Во-первых, изначально до сих пор генофонд новорожденного как исходные органические условия его будущей истории жизни исключался из сферы программирования и манипулирования другими лицами. Теперь в результате генетической манипуляции возникнет такой «тип управления, который вторгнется в соматические основы спонтанного отношения к себе и этической свободы другой личности; этот тип управления, как представлялось прежде, допустим лишь по отношению к вещам, но не по отношению к другим людям»¹⁰². Вследствие этого может возникнуть совершенно другая структура ответственности, например, за неудавшуюся жизнь, когда потомки всегда могут возложить ответственность за реализацию истории своей жизни на создателей своих геномов.

Во-вторых, может измениться характер межличностных отношений. На место эгалитарного типа отношений, описанного в работах Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Эмиле», а в современных исследованиях у Ф. Фукуямы в работе «Конец истории и последний человек», приходит ситуация доминирования одного индивида над другим вследствие принятия относительно его жизни необратимого решения. И если ранее в истории несвобода связывалась прежде всего с несправедливыми социально-экономическими условиями жизни людей и всегда инициировала теоретические проекты лучшего переустройства общества, что в действительности приводило к расширению границ свободы, то теперь эта «несвобода» может появиться на органическом уровне, а последствия могут оказаться фатальными.

¹⁰² Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 24.

В-третьих, необходимость «морализации человеческой природы», то есть понимание особенной важности проблемы этического самопонимания человеческого рода. Ее суть формулируется следующим образом: «Сможем ли мы рассматривать самих себя как ответственных авторов истории своей жизни и уважать других лиц как “равных нам по происхождению” – это в известной степени зависит от того, **как мы понимаем себя антропологически в качестве видовых существ** (курсив мой. – В.В.). Сможем ли мы рассматривать генетическую самотрансформацию вида как путь к росту автономии отдельного человека – или мы подорвем на этом пути нормативное самопонимание личностей, ведущих свою собственную жизнь и оказывающих друг другу равное уважение?»¹⁰³.

Реализация второй альтернативы основывается на сохранении человеческой природы и основанного на ней достоинства, она требует распространения императивов экологической этики и на саму человеческую жизнь. «Хотим ли мы по-прежнему осознавать и понимать самих себя нормативными существами, то есть существами, которые ждут друг от друга взаимной солидарной ответственности и равного уважения? Какую ценность должны представлять мораль и право для социальной среды, если ее можно перестроить на основании свободных от норм функционалистских понятий?»¹⁰⁴. В современном контексте ответы на эти вопросы связаны с поисками универсальных ценностей и норм социального взаимодействия.

Следует также подчеркнуть, что этическое понимание человека как видового существа образует контекст наших правовых и моральных воззрений. В итоге следует согласиться с тем, что «изначальный философский вопрос о “правильной жизни” сегодня, по-видимому, обновляется в своей антропологической всеобщности. Новые технологии вынуждают нас вести публичный дискурс о правильном понимании культурной формы жизни как таковой. И у философов больше нет никаких благовидных предлогов отдавать предмет этой дискуссии на откуп представителям биологических наук и вдохновленных научной фантастикой инженеров»¹⁰⁵.

¹⁰³ *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? С. 40.

¹⁰⁴ Там же. С. 26.

¹⁰⁵ Там же.

Современная наука и философия накопили обширные знания о человеке. Человек изучается как объект с присущими ему свойствами и качествами, как динамическая открытая система, способная к развитию и самоорганизации, как исторически эволюционирующее существо. Все это важные и необходимые исследовательские программы, воссоздающие полноту феномена человеческой реальности. Но вместе с тем в них не акцентируется нечто важное, суть, которая как будто ускользает. Речь идет о нормативном, этическом самосознании, «морализации человеческой природы», **о понимании связи между видовым основанием нашего существования с нашим моральным самопониманием.** Концепт «жизни» поэтому является более широким основанием для понимания человеческой ситуации, так как он рассматривает суть человека не только с сугубо рационального основания (*Homo sapiens*), но и эмоционального, чувствующего начала, а также и волевого, желающего. Антропологическая идентичность – это те основания, на которых «мы идентифицируем себя в *качестве людей* и отличаем себя от других живых существ. Иначе говоря, они затрагивают проблему самопонимания нами самих себя как видовых существ. Речь идет не о культуре, повсюду разной, но об образе человека, рисуящего себя для различных культур, – человека, который в своей антропологической всеобщности везде является одним и тем же»¹⁰⁶. Именно ответ на этот вопрос, вопрос о том, с чем мы себя идентифицируем в качестве людей, как нам представляется, дал Ж.-Ж. Руссо, которого выдающийся ученый К. Леви-Строс совсем не случайно назвал отцом антропологии. Этот ответ был в силу определенных причин смещен на периферию антропологической мысли. Руссо связывал антропологическую идентичность человека как видового существа со **способностью к отождествлению с другим, способностью к состраданию.** «Эта способность, как неоднократно указывал Руссо, есть сострадание, вытекающее из отождествления себя с другим – не родственным, не близким, не соотечественником, а просто с любым человеком, поскольку тот является человеком, более того, с любым живым существом, поскольку оно живое»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? С. 52.

¹⁰⁷ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 22.

К. Леви-Строс считал, что именно Руссо дал теоретическое обоснование антропологии, определил точное ее место в комплексе человеческих знаний, сформулировал основополагающие методологические принципы, а *единение чувственного и разумного в человеке считал естественным состоянием человека*. «Для того, чтобы человек снова увидел свой собственный образ, отраженный в других людях – это и составляет единственную задачу антропологии при изучении человека, – ему необходимо сначала отрешиться от своего собственного представления о самом себе... Именно Руссо мы обязаны открытием этого основополагающего принципа – единственного принципа, на который смогла бы опираться наука о человеке. Однако этот принцип оставался недостаточным и непонятным, поскольку общепринятая философия основывалась на декартовской доктрине... за счет отрицания социологии и даже биологии»¹⁰⁸. Между внутренним миром человека и внешним миром стоят общество, цивилизация, миры, состоящие из людей. Забвение участи Другого, подавление естественного состояния отождествления себя с Другим оказывается тем открытым пространством, через которое уходит человечность. Уважение к другим возникает в человеке произвольно, и доказательство *присущей человеку* отзывчивости Руссо находит «во врожденном отвращении к виду страдания себе подобного». Это открытие заставляет видеть в каждом страждущем существе подобное себе и наделенное, следовательно, неотъемлемым правом на сострадание. Без этой особенности, без воспитания способности к состраданию в обществе не может быть ни закона, ни нравственности, ни добродетели.

Этическое самопонимание человеческого рода, за которое сегодня предлагает бороться Ю. Хабермас, актуализируют эти идеи Руссо, так как они указывают на неоправданно забытые (или сознательно игнорируемые) основы *уважения к жизни другого человека, чувствующего так же, как и ты, боль и страдание, имеющего право быть защищенным нормами права, морали, коллективными представлениями о достойном и недостойном, допустимом или неоправданно лишаящем его быть автономным, свободным автором своего жизненного проекта*. Технизация и инструмента-

¹⁰⁸ Леви-Строс К. Первобытное мышление. С. 22.

лизация человеческой природы – это логически последовательный шаг господства над природой, который столь дальновидно критиковал еще Руссо, указывая на пороки, которые мы уже можем видеть на себе и в самих себе. «Мы начали с того, что отделили человека от природы и поставили его над ней. Таким образом мы думали уничтожить самое неотъемлемое свойство человека, а именно то, что он прежде всего является *живым существом*. Тем же, что мы закрывали глаза на это общее свойство, дана была свобода для всяких злоупотреблений.

Никогда на протяжении последних четырех веков своего существования западный человек не имел лучшей возможности, чем сейчас, чтобы понять, что присваивал себе право устанавливать преграды между человеческим и животным миром, представлял первому все то, что отнимает у второго – он опускается в некий адский круг. Ибо эта преграда становится все более непроницаемой, используется для отделения одних людей от других и для оправдания в глазах все более сокращающегося меньшинства его претензии быть единственной человеческой цивилизацией»¹⁰⁹.

Таким образом, из принципа отождествления со всеми формами жизни, природными и человеческими, вызывающими сочувствие, сострадание, вытекает и важнейшая, как нам представляется, идея. Во-первых, способность на основе моральных норм и этического самопонимания быть автономными авторами собственного жизненного проекта и допускать подобную позицию признания по отношению к другим. Во-вторых, ***отождествление с другим*** в различных формах своей репрезентации ***есть основа жизни социальности***, социальной связи между Я и Ты, основа сохранения жизнеспособности полного противоречий мира. «Конец социального» (Ж. Бодрийяр) – это синдром нарушенной способности к идентификации с другим, одной части людей с другими. Поэтому роль социально-философского и философско-антропологического дискурса о человеке, поставленном сегодня в ситуацию жизни в глобализирующемся мире, где все связаны друг с другом и одновременно в определенном отношении разобщены, возрастает, признание ценности жизни и развития человека становится условием динамического равновесия, безопасности и относительной

¹⁰⁹ *Леви-Строс К. Первобытное мышление. С. 26.*

стабильности всех. «Качество социальности», т. е. взаимной связи и взаимного признания, взаимного уважения, начинает играть все более важную роль, позволяющую людям жить вместе и строить гармоничное будущее. Поэтому неслучайно проблемы социальной философии, философии совместной жизни стали предметом анализа и решений, предложенных к обсуждению в работах Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана, Ж. Бодрийера.

Отход от абстрактных универсалистских схем, объясняющих специфику человеческой природы, и конкретный анализ проблем человеческой жизни в определенном социальном, культурном и историческом контексте выражает историческую логику познания и развития человеческой природы как процесса. На современном этапе открытия и достижения науки позволяют лучше понять природу человека как вида и индивидуальную человеческую жизнь отдельного индивида.

Достижения науки, проясняющие природу человека и его поведение

Расшифровка Генома человека позволит лучше понять корреляции между физическими и психическими характеристиками человека, объяснить суть ряда наследственных и врожденных аномалий.

В 2000 г. была присуждена Нобелевская премия по физиологии и медицине за новое понимание деятельности мозга, проясняющее вопрос о том, как клетки мозга передают информацию друг другу¹¹⁰. Это исследования, связанные с преобразованием сигналов в нервной системе, которые происходят в синапсах (точках соприкосновения клеток мозга). Эти открытия являются чрезвычайно важными, содействуя пониманию того, как обычно функционирует мозг и как нарушения при образовании сигнала могут вести к психическим и поведенческим расстройствам. Подобные открытия приводят к разработке эффективных лекарственных средств. Достижения нейронауки, которая имеет дело с анатомией, физиологией, биохимией, молекулярной биологией нервной системы, важны особенно в силу того, что она связана с поведением и обучением. Сегодня ученые могут видеть, как

¹¹⁰ Доклад о состоянии здравоохранения в мире. (2001). Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда. М., 2001.

выглядит мозг человека в процессе мышления, выделить те части мозга, которые используются в мышлении и эмоциональной сфере. Именно мозг отвечает за сведение воедино генетической, молекулярной и биохимической информации с информацией, поступающей извне. Достижения поведенческой медицины позволяют лучше понять природу человека. Это широкая междисциплинарная область, имеющая дело с интеграцией поведенческих, психосоциальных и биомедицинских наук, связанных с пониманием здоровья и болезни. Большинство «психических» и «физических» заболеваний, как представляется сегодня, развивается под воздействием сочетания биологических, психологических и социальных факторов. Мысли, чувства и поведение оказывают серьезное воздействие на физическое состояние здоровья, существует и обратная связь, так как физическое здоровье воздействует на психическое. Искусственное отделение биологического от психологического и социального факторов служило непреодолимым препятствием на пути к правильному пониманию психических и поведенческих расстройств.

Доклад о состоянии здравоохранения в мире, посвященный психическому здоровью, приводит исключительно тревожащие данные¹¹¹, которые характеризуют современное состояние природы человека, индивидуальную жизнь людей. «Сегодня приблизительно 450 млн людей страдают от психических и неврологических расстройств, или же от таких психосоциальных проблем, которые связаны с алкоголизмом и наркоманией. Острая депрессия в настоящее время является ведущей причиной инвалидности в мире и четвертой из десяти основных причин глобального бремени болезней... В течение следующих 20 лет депрессия станет второй причиной глобального бремени болезней. В целом в мире 70 млн человек страдает алкоголизмом, 50 млн – эпилепсией, 24 млн – шизофренией. Ежегодно 1 млн человек совершают самоубийства, от 10 до 20 млн человек совершают попытки самоубийства. Один человек из каждых четырех в какой-то период жизни будет поражен психическим расстройством». Ученые все более утверждают на основе исследований и фактов в пони-

¹¹¹ Доклад о состоянии здравоохранения в мире. (2001). Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда. С. X–XI.

мании того, что на большинство заболеваний оказывает влияние *сочетание* биологических, психологических и социальных факторов. Для философии это означает, что в норме природа человека едина, биологическое и социальное находится в нерасторжимой корреляции, природа человека носит конкретно-исторический характер, она процессуальная и представлена в индивидуальной человеческой жизни и должна изучаться комплексом естественных и социально-гуманитарных наук. Следует при этом заметить, что социальные последствия информационных и коммуникационных технологий¹¹² могут оказать не меньше влияния на природу человека, чем современные биотехнологии.

Психическое здоровье

Концепция психического здоровья включает, среди прочего, субъективное благополучие, самооценку, автономность, компетентность, зависимость в вопросах связи поколений и самовыражение интеллектуальных и эмоциональных возможностей.

Успехи нейронауки и «поведенческой» медицины все больше делают очевидным, что нормальные функции, связанные с психическим здоровьем, имеют физиологическую основу и в значительной мере взаимосвязаны с физическим и социальным функционированием, а также с результатами лечения.

Успехи в нейронауке

1. Успехи в молекулярной биологии дают нам более полное понимание о составляющих нервных клеток (нейронов). Эти достижения будут и впредь представлять *основу для критического анализа генетических* заболеваний человека и содействовать открытию новых методов лечения.

2. Понимание строения и принципы работы мозга складывались на протяжении последних 500 лет. В процессе молекулярной «революции» такие методологии, как *получение изображения нейронов и нейрофизиология*, позволяют ученым видеть, как выглядит мозг человека в процессе мышления.

¹¹² *Кастеллс М.* Социальные исследования информационных и коммуникационных технологий: Всемирный Докл. по соц. наукам. Юнеско, 2002.

3. Мозг отвечает за сведения *воедино генетической, молекулярной и биохимической информации с информацией, поступающей извне.*

Мозг – сложнейший орган. В нем есть 2 типа клеток – нейроны и нейроглия. Нейроны отвечают за направление и получение нервных импульсов или сигналов. Нейроглия обеспечивает нейроны питанием, защитой, структурной поддержкой. В мозгу в целом *100 миллиардов* нейронов, представляющих тысячи разных видов. Каждый из них взаимодействует с другими на основе специальных структур (синапсов) – их более 100 триллионов. В мозгу более 100 химических веществ, называемых нейротрансмиторами, они обеспечивают связь с синапсами. *Цепи, образующиеся сотнями тысяч нейронов, служат основой* сложных психических и поведенческих процессов.

4. Во время *формирования плода гены содействуют формированию мозга.* Результатом становится особая высокоорганизованная структура. Такое раннее развитие может подвергаться *воздействию факторов окружающей среды*, к которым относятся:

- питание женщины во время беременности;
- потребление ею определенных субстанций (алкоголь, табак, психоактивные вещества), воздействие радиации.

После родов и на протяжении всей жизни приобретаемый опыт позволяет обеспечивать немедленную связь между нейронами, и влияет на молекулярные процессы, которые изменяют синаптические связи. Эти процессы определяются как ***синоптическая пластичность*** и обеспечивают физические изменения структуры мозга. Новые синапсы могут создаваться, старые исчезать, существующие укрепляться или ослабляться. *Достижение чего-то нового физически изменяет наш мозг. В качестве удивительного эволюционного достижения человеческого мозга следует считать то, что в определенных рамках он сохраняет свою пластичность на протяжении всего жизненного цикла.* Это означает отказ от более ранних теорий, что структура мозга взрослого человека является статической.

Новаторские технологии для получения изображения мозга наряду с нейропсихологическими и электрофизиологическими позволят создать реальную картину того, как работает нервная система.

Дальнейшая работа будет исходить из достижений в области генетики. Одним из видов использования информации в отношении *генома* станет разработка основы для создания эффективных видов лечения психических и поведенческих расстройств.

Инструментом для понимания молекулярного «строительного» материала в процессе развития анатомии, физиологии и поведения является воспроизводство мышей с измененным генетическим кодом (практически для каждого гена человека существует аналогичный ген у мышей). Использование моделей, представленных мышами, дает возможность заглянуть как в психологию, так и в заболевания человека. Многие лаборатории в мире занимаются введением или удалением определенных генов или наблюдают за произвольными мутациями генома мыши. Это позволяет установить, как они связаны с органами и организмом в целом.

Вывод: интеграция научных исследований в области получения изображения нейронов, нейрофизиологии и результатов в области молекулярной биологии позволит лучше понять основы нормальных и аномальных психологических функций и разработать эффективные виды лечения¹¹³.

Социальные и психологические последствия достижений нейронауки

Бурное развитие и прогресс нейронауки может оказать большое влияние (как положительное, так и отрицательное) на социальные науки, в частности *психологию*.

Новые методы исследования мозга нетравматичны, так как они позволяют детально оценить структуру и активность бодрствующего мозга, не нанося человеку никаких повреждений.

Основные типы картирования мозга:

- позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ);
- ядерно-магнитный резонанс (ЯМР).

Это позволяет «видеть» область мозга всего в несколько миллиметров и регистрировать изменения от нескольких секунд до минут.

¹¹³ Всемирный доклад по социальным наукам. 2002. С. 344–345.

Эксперименты с картированием мозга и регистрацией его электрической активности показывают, что *большая часть мозга находится в активном состоянии все время, как в бодрствовании, так и во сне.*

Чтобы выявить участки, которые более или менее *активны во время определенных видов поведения*, ученые сравнивают записи, сделанные в разных условиях и у разных людей. Интерпретация результатов стала возможной благодаря исследованиям пациентов с повреждениями мозга и экспериментам на животных.

Возможные последствия для науки и общества

1. Возможен значительный прогресс в понимании механизмов, лечения и профилактике многих заболеваний, благодаря сочетанию методов нейронауки с другими методами биологии и социальных наук.

В настоящее время исследуются такие позиции, как *зависимость от наркомании, расстройство речи, болезнь Альцгеймера, депрессия, алкогольный синдром плода и шизофрения.*

Прогресс в этом направлении не только облегчит страдания многих людей, улучшит условия их жизни, но и будет иметь большой экономический эффект.

2. Исследования, использующие методы *нейронауки и когнитивной психологии*, будут способствовать углублению нашего понимания *механизмов обучения и памяти*. Это приведет к улучшению состояния образования, повышению производительности труда и уровня жизни.

Накапливаемые данные о феноменах нейрональной пластичности при обучении детей и взрослых имеют особое значение для организации образования и профессиональной подготовки.

3. Увеличение в населении доли пожилых людей во всех странах требует изучения *механизмов нарушения мышления при старении*. Исследования с участием людей и эксперименты на животных, показывают, что *многие пожилые люди не уступают молодым по успешности выполнения разных тестов*. Из этих примеров видно, что нарушения мышления не является неизбежным следствием старения. *У таких пожилых людей многие нейрохимические показатели подобны таковым у молодых* и весьма отличаются от соответствующих показателей пожилых людей с нарушением мышления.

Длительные исследования с участием людей помогают выявить условия, связанные с сохранением здоровья в старости.

4. В той же степени, в какой указанные исследования способствуют продлению жизни людей, они помогут преодолеть ряд наиболее злободневных социальных, экономических и медицинских проблем пенсионеров. Сюда относят такие аспекты, как:

- определение оптимального возраста для перехода на пенсию;
- трудовая деятельность пожилых людей;
- финансовое планирование пенсионного обеспечения в соответствии с увеличением средней продолжительности жизни;
- организация общественных служб для пожилых людей;
- обучение медицинского персонала и медработников для работы с пожилыми людьми.

5. Многие психологи сочетают методы нейронауки с методами поведенческой, когнитивной и клинической психологии. Это подчеркивает промежуточное положение психологии между биологией и социальными науками (среди «Общества наук о мозге» 1/3 – психологи).

Успехи наук о мозге произвели на некоторых ученых впечатление, что эти науки могут поглотить все науки о поведении и мышлении.

Подобным образом, 20 лет назад некоторые предсказывали, что социальные науки будут поглощены социобиологией.

Эти предсказания сомнительны, т. к. социальные и поведенческие науки имеют множество достижений, как связанных, так и не связанных с науками о мозге.

Подводя итог сказанному, можно отметить все возрастающую значимость научных исследований природы человека, преодоление абстрактных подходов к ее описанию и рассмотрение в комплексном системном виде в зеркале естественнонаучных и социально-гуманитарных наук, в современном социально-историческом контексте.

**Концепт «человеческой жизни» как основа
философско-антропологического
и социально-философского дискурса¹¹⁴**

Прежде всего следует сказать о некоторых сложившихся стереотипных взглядах. Во-первых, употребление термина «жизнь» применительно к человеческой и социальной реальности с необходимостью означает биологизацию, натурализацию исследуемых явлений. Во-вторых, «философия жизни» как течение философской мысли XIX–XX вв., представленное именами Ф. Ницше, А. Бергсона, В. Дильтея, Г. Зиммеля и Г. Риккерта является заслуживающей ярлыка «иррационализм» с его негативным оттенком умаления разума, рационального как специфического достоинства человека. И, в-третьих, теоретические концептуализации самих представителей «философии жизни» соизмеримы и равноценны, коль скоро центральным для них является «понятие жизни». Каждое из этих положений может быть критически переосмыслено. Если сформулировать кратко суть возражений, то они будут сводиться к следующему. Хотя понятие «жизнь» является центральным для биологических наук, его применение в социальных и гуманитарных науках не означает упрощенного толкования социальных явлений на основе только понятий биологии: рост, размножение, борьба за существование, самосохранение, наследственность и изменчивость и т. п., хотя они не отменяются, но обогащаются новым специфическим содержанием. Возникают, например, понятия «генно-культурная эволюция», «глобальный эволюционизм как основа современной научной картины мира». «Принципы универсального эволюционизма становятся доминантой синтеза знаний в современной науке. Это та стержневая идея, которая пронизывает все существующие специальные научные картины мира и является основой построения целостной общенаучной картины мира, центральное место в которой начинает занимать человек»¹¹⁵. Применяя категорию жизни к социальным, культурным объектам, человеку, мы выходим за пределы биологического смысла трактовки жизни и обращаем внимание на всю *полноту* возможных проявлений развития социальности человека, социокультурных объек-

¹¹⁴ Дискурс – взаимосвязь и взаимопроникновение различных аспектов знания.

¹¹⁵ Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 662.

тов. Эта позиция противостоит редуционистским подходам, абсолютизирующим и универсализирующим аспектное рассмотрение социальной реальности. Поэтому понятие «жизнь» является более широкой информационной базой по сравнению с узкоаспектным рассмотрением (которое, конечно же, не исключается как сознательно ограниченная цель анализа) общества и человека. Оно вводит в анализ динамику и последовательность необратимых изменений (это касается необратимости фаз как жизни человека, так и общества и истории, т. е. универсального эволюционизма), последствия которых являются условием продвижения к последующим. Эта развертывающаяся полнота возможных проявлений развития составляет более широкий онтологический фундамент для философского и социально-философского анализа. Полнота жизни противопоставляется редуционизму и может служить основой интеграции знания различных сфер социально-философского и философско-антропологического дискурса. Термин «иррациональное» не несет в себе негативного оценочного момента, а является содержательным противопоставлением понятию «рациональное», и применительно к человеку – его воля, чувства, эмоциональные предпочтения столь же важны, как и разум, при анализе целостности человеческой природы и реализации человеческой жизни.

К числу продуктивных подходов, интегрирующих знания различных наук о человеке и обосновывающих статус человека в Космосе как «активного игрока», можно отнести философскую антропологию феноменологического направления (М. Шелер, Х. Плеснер), эволюционную эпистемологию (К. Лоренц), эволюционную парадигму познания и стратегию развития.

Концептуализация Х. Плеснера важна для понимания как природы и сущности человека, так и жизни, интерпретированных с феноменологических позиций. Понятие «жизни» в его концепции является основополагающим. *Человек рассматривается не как объект науки, не как субъект своего сознания, но как объект и субъект своей жизни.* Но жизнь как феномен представлена не только человеком, но и другими ее формами. Поэтому говорить о человеке прежде всего как о личном жизненном единстве возможно и необходимо в связи с сущностно сосуществующими с ним слоями наличного бытия вообще. В качестве *жизненного единства человек не только объект-субъект культуры* и не только

субъект-объект природы. В своем жизненном опыте он предстает одновременно как «*природный и свободный, выросший и сотворенный, самобытный и искусственный...*».

Такая теоретическая установка в трактовке человека ориентируется на *целостность в понимании*, при которой жизнь в иных, не человеческих формах существования имеет не только статус особой сущностной формы организации, самодостаточной и самоценной самой по себе, но и важной в качестве условия и способа человеческого существования. Кроме того, и сам человек рассматривается как целостность, органическое единство составляющих его структурных элементов, как взаимодействие *между духом и природой*, как *личное жизненное единство во всех слоях его существования* (горизонтальном – в сфере культуры и вертикальном – в сфере связи с растительными и животными формами жизни).

Кроме того, именно феноменологический способ анализа становится в данном контексте рассмотренного наиболее адекватным предмету исследования. «Целостность как тип порядка относится к классу содержаний, которые можно только узреть. Целостность как сущность (*Wesenheit*) не имеет специфического способа данности... Проявляется исключительно как *образ (Gestalt)* (курсив мой. – *B.B.*) органической системы... Целостность не может осуществиться абстрактно. Осуществление означает конкретизацию. Но конкретизация целостности возможна не прямо, а только в сущностных особенностях органической природы»¹¹⁶.

Наряду с этой концепцией одной из наиболее фундаментальных представляется попытка *М. Шелера построить на основе феноменологии философскую антропологию и аксиологию.* М. Шелер предпринимает масштабную попытку дать опыт новой философской антропологии для того, чтобы ответить на *вопрос об особом положении человека в Космосе.* В отличие от понятия человека, относящегося к естественной систематике, где человек характеризуется через ряд сходных и отличительных признаков с другими живыми существами, он формулирует иную задачу – дать сущностное понятие человека. *Однако это особое положение становится очевидным лишь в результате рассмотрения всего строения биопсихического мира.* В этом случае понятие жизни, живо-

¹¹⁶ Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 112–113.

го становится несущей конструкцией всей концепции. М. Шелер исходит из постулата эволюции ступеней развития психических сил в мире, причем границы психического совпадают с границей живого вообще. Что такое живое? Его объективные сущностно-феноменальные свойства: «Самодвижение, самоформирование, самоограничение в пространственном и временном отношении... Живые существа... обладают *для себя – и внутри себя бытием*, в котором они *являются* сами себе»¹¹⁷. Ступени развития жизни таковы: от «чувственного порыва» (Gefühlsdrang), представленного растительной жизнью, к инстинкту, ассоциативной памяти, а затем к интеллекту и выбору. Все это – витальная сфера. Каждая из этих ступеней развития жизни и психических сил имеет свои особенности, но лишь «человек соединяет в себе *все* сущностные ступени наличного бытия вообще, а в особенности *жизни*... *Вся* природа приходит в нем к концентрированному единству своего бытия»¹¹⁸.

Принимая понятие «жизни» как основополагающее для философской антропологии, мы не ограничиваем ее феноменологическим ракурсом рассмотрения. Мы имеем возможность привлечения знания об экономической, культурной, духовной, внутренней *жизни* человека как в конкретно-историческом, так и глобально эволюционном контексте. Мы имеем также возможность связать ее с понятием *жизнедеятельности*, где человеку как субъекту отводится соответствующее, но отнюдь не тотальное по значению место.

Эволюционная эпистемология также убедительно показывает интеграцию биологического и социального в человеке в процессе его эволюции и рассматривает его познавательные возможности как результат адаптации к изменяющейся среде обитания. Поэтому науки о человеческом духе, пишет К. Лоренц, прежде всего теория познания, начинают также становиться биологическими дисциплинами.

Этология вносит существенные коррективы в понимание особого места человека. Несмотря на доказанную и объединяющую связь человека с животным миром, есть черты, отделяющие человека от животных. Именно это заставляло философов выделять особый признак и рассматривать его как *типичный* для че-

¹¹⁷ Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. С. 33–34.

¹¹⁸ Там же. С. 37.

ловека. Вот открытый список этих типичных признаков: homo erectus, homo sapiens (биология, Линней); homo faber (антропология, М. Фриш); homo politicus (Аристотель); homo sociologicus (Дарендорф); homo metaphysicus (Шопенгауэр); homo religiosus (теология); homo ludens (Хейзенга); homo symbolicus (Кассирер) и т. д. Такое многообразие признаков, названных *определяющими* для специфики человека, показывает, что ни один из них не может быть достаточным и ни один из них не может являться совершенно точным. Можно сказать, что специализация на неспециализированности, скорее всего, составляет условие как возникновения, так и развития человека. Именно этология, благодаря своему месту, связывающему физиологию и психологию, позволила внести существенный вклад в антропологию. Исследования К. Лоренца показали роль системных свойств в становлении человека, что было обозначено им понятием фульгурации (молния, зарница). Большинство признаков человека основываются на необычных достижениях его мозга.

Эволюционная эпистемология обращает внимание на универсальность принципа эволюции. Конечно, есть различия между биологической, социальной и культурной эволюцией человека и соответствующими типами антропологий – биологической, социальной и культурной. Но важно все же подчеркнуть, что биологические законы никогда не отменяются, а дополняются другими факторами. «...Биологическая эволюция не заканчивается там, где начинается культурная. В эволюции человека биологические и культурные факторы скорее *взаимодействуют*... Любой культурный прогресс повышает необходимость приспосабливаться к культурному окружению и его использовать. Таким способом *культура оказывает сильное селекционное давление на генетическую эволюцию человека*. Также и *культурные способности* являются инструментом, который содействует приспособлению к окружающему миру и овладению им»¹¹⁹.

Таким образом, интеграция наук о человеке не может обойтись без наработок эволюционной эпистемологии и универсальности принципа эволюционизма. Этот принцип получает дальнейшее развитие в *коэволюционной парадигме*. Она предполагает

¹¹⁹ Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М., 1998. С. 110–111.

ет преодоление разрыва между эволюционистским подходом к природе и эволюционистским подходом к человеку, осуществляя синтез между естественнонаучным знанием и социокультурным, гуманитарным. «Критерием для выделения коэволюционирующих процессов в различных областях реальности выступает отнюдь не только сопряженность процессов развития, но и их направленность, автономность участвующих во взаимодействии компонентов, процессуальность, кооперативность, полифоничность взаимодействующих процессов»¹²⁰. Отражением этого реального процесса взаимодействия является интеграция разных типов знания и соответственно разных наук для описания и прогнозирования развития сложных, самоорганизующихся объектов, какими являются жизнь, человек, общество. Они имеют нелинейный тип развития и требуют анализа на основе неклассической методологии. Осознание развития общества, природы и человека как соразвития, эволюции, где составляющие элементы образуют целостное и системное единство, где качественное изменение одного из элементов ведет к резонансу по отношению к другим (кооперативный эффект), становится все более ясным для человеческой цивилизации. Оно составляет основу современного мировидения, выступает как ответ на вызовы техногенной цивилизации и с необходимостью влечет за собой и новое мироведение (И. Кант) как антропологию.

Концептуализация В. Дильтея как теоретический источник современной философии жизни

Определение жизни, которое дает сам В. Дильтей, конечно же, выходит за пределы его сугубо биологического смысла. «Совокупность того, что открывается нам в переживании и понимании, есть *жизнь как взаимосвязь, охватывающая человеческий род* (курсив мой. – В.В.)»¹²¹.

Жизненный опыт, жизнеотношения, действия, переживание и понимание являются важнейшими категориями, описывающими жизненный процесс. *Жизнь как взаимосвязь, охватывающая чело-*

¹²⁰ Лисеев И.К. Становление новой парадигматики в биологических исследованиях // Философия науки. Вып. 7. М., 2001. С. 116.

¹²¹ Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Дильтей В. Собр. соч. Т. III. М., 2004. С. 176.

веческий род, является исходным фактом. Этот факт является фактом, исходным не только для наук о духе, но и философии. «Там, где жизнь предстает перед нами как факт, присущий человеческому миру, мы встречаемся с ее собственным определением в отдельных жизненных единствах, с жизнеотношениями, установками, с историческим действием, с творением, выраженным в вещах и людях, и со страданием, доставляемым ими». Здесь «нет ничего, что не заключало бы в себе жизнеотношения определенного “Я”. Здесь все занимает некоторую позицию по отношению к “Я”. Нет таких людей или вещей, которые были бы для меня только предметом и не оказывали бы на меня влияние, не служили бы мне поддержкой, не были бы целью некоторого стремления или обязательства воли, не имели бы важности, не требовали бы внимания, не были бы внутренне близкими или не сопротивлялись, не располагались бы на некоторой дистанции или не обладали бы определенной степенью чуждости». И далее: «Жизнеотношение – независимо от того, ограничивается ли оно одним данным моментом или же является длящимся, делает для меня этих людей и эти предметы носителями счастья, основанием расширения моего существования, возрастанием моей силы, или же – в рамках этого жизнеотношения – они ограничивают свободное пространство моего существования, оказывают на меня давление, уменьшают мою силу»¹²².

Эти положения, сформулированные В. Дильтеем *о жизни как взаимосвязи, охватывающей человеческий род* и создающей условия для осуществления жизненного процесса и жизнеспособности каждого субъекта, в ней участвующего, кажутся особенно важными и актуальными в эпоху глобализации, где углубляющаяся взаимосвязь и взаимозависимость становится условием повседневного существования. Даже индивидуальная биография глобализируется. «Глобализация биографии означает, что противоречия мира осуществляются не только где-то там снаружи, но и в центре личной жизни, в мультикультурных браках и семьях, на производстве, в кругу друзей, в школе, в кино, в походе за покупками у прилавка с сырами, во время слушания музыки, за ужином, в любовных объятиях и т. п. ... Все чаще приходится делать вывод, ... что все мы живем “глокально” (т. е. глобально + локально). Чтобы осмыслить

¹²² Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. С. 176–177.

масштабы этих изменений, стоит вспомнить, что культуркритика в течение целого столетия достаточно оплакивала и то, что в ходе прогрессирующей модернизации люди все сильнее замыкаются в клетки своих высокоспециализированных крошечных миров. Мы внезапно оказались в ситуации, диаметрально противоположной тому, что было общепринятым: дело в том, что противоположности и противоречия континентов, культур, религий – третий и первые миры, озоновая дыра и коровье бешенство, пенсионная реформа и капризы политических партий – все это вторгается в частную жизнь, ставшую незавершаемой»¹²³. Этот отрывок, приводимый в качестве примера, подтверждающего, что «жизнь как взаимосвязь, охватывающая человеческий род, как то, что открывается нам в понимании и переживании», носит универсальный, но вместе с тем конкретно-исторический характер, что методологическая парадигма и установка на познание жизни может быть продуктивной, объясняющей суть происходящих перемен.

Исторически сама «философия жизни» возникла как реакция на интеллектуализм новоевропейской философии, признающей теоретический разум высшей познавательной инстанцией. М. Шеллер в работе «Опыт философии жизни. Ницше – Дильтей – Бергсон» (1913 г.) заложил традицию относить этих мыслителей к *Lebensphilosophie* (философии жизни), общая особенность которых «философствовать из полноты переживания жизни», в противоположность абстрактной рефлексии, упорядочивающей лишь застывшие формы прошедшей жизни.

Следует подчеркнуть, что исследователи жизни и творчества В. Дильтея **обращают внимание на особенности его трактовки понятия «жизнь»** в сравнении с другими мыслителями, причисленными к этому направлению, и на особенности его философской программы. «Ни биологическое истолкование жизни как “воли к власти” или “жизненного порыва”, ни отрицание мышления в понятиях и возвышение интуиции никак не согласуются с философскими целями Дильтея. Для Дильтея “жизнь” – не органическая стихия, из которой путем прибавления еще чего-то (например, разума) образуется человеческая жизнь. Напротив, “жизнь” – первично человеческая жизнь, дана в духовно-историческом опыте самопереживания и са-

¹²³ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 132–133.

моосмысления, а все остальные формы, изучаемые биологической наукой, определяются по аналогии с нею»¹²⁴. Сам В. Дильтей пишет, что для постижения структур опыта человеческой жизни требуется преобразование исторических и психологических понятий и «нет надобности спасаться бегством в интуицию», а «жизнь дана мне лишь в качестве моей собственной. И лишь изнутри этой, моей собственной жизни я понимаю жизнь вокруг меня, – формы животной и человеческой жизни»¹²⁵. Дильтей исходит из динамической интерпретации жизни. Жизнь – это не предметная реальность, доступная внешнему наблюдению, но существенным образом «акт», действие или, точнее, взаимосвязь действий. Она непредставима ни в качестве «независимого» объекта, ни в качестве специфического свойства определенного класса объектов. Основной способ существования жизни – ее осуществление, в котором полагаются различия («артикуляции»), доступные затем реконструирующему анализу. Интерпретация жизни как действия, по Дильтею, выделяет его из круга других «философов жизни», так как он рассматривает жизнь под углом зрения историко-культурных и практических определенностей. Дильтей признает «неудовлетворительными» как «биологические понятия, используемые ныне для характеристики жизненных явлений», так и сенсуалистические представления утилитаризма, «фиксирующего в понятии жизни стремление к удовольствию и избегание неудовольствия». В действительности жизнь в качестве жизнеосуществления является первичным условием всяких эпистемологических конструкций, а не их результатом. Важнейшими в концепции В. Дильтея является также тезис о жизни и связанной с ней проблеме самопознания. В практическом обосновании гуманитарных наук проблема самопознания занимает центральное место, т.к. она связана с сознательным осуществлением человеческой жизни. Дильтеем развивается идея самосознания как «непосредственного знакомства с самим собой» в акте предметного сознания. Самосознание означает «непосредственное осознание, к которому лишь затем, посредством представления объекта, присоединяется постепенно формирование образа «Я».

¹²⁴ Плотников Н.С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея // Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории. Т. I. М., 2000. С. 19.

¹²⁵ Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. С. 132.

Именно это дало начало крылатому выражению В. Дильтея: «Что есть человек, говорит его история». И говорит, в частности, об историческом происхождении современного образа человека в науке, политике, хозяйственной жизни, связывая его образ и определяющее отношение человека к миру как «техническое овладение бытием». Вот как писал Дильтей о влиянии истории на человека, считая историчность человеческой природы ее важнейшим определением: «Тщетно искал Ницше в одиноком самонаблюдении свою изначальную природу, свою внеисторическую сущность. Он срывал один покров за другим. А что осталось в результате? Тоже лишь исторически обусловленное – черты властного человека эпохи Ренессанса. Что есть человек, говорит ему лишь его история... От муки каждого мгновения и мимолетной всякой радости человек избавляется, отдавая себя во власть великих исторических сил, созданных историей. Отдача себя в их власть, а не субъективность произвола и наслаждения – вот примирение суверенной личности с общим ходом вещей»¹²⁶.

В. Дильтеем вводятся как методологические средства познания и понимания категории жизни: сама жизнь как важнейшая категория наук о духе, а также переживание, длительность, схватываемая в понимании, значение, значительность, ценность, целое и части, сущность, развитие и другие категории. Важно обратить внимание на то, как В. Дильтей определяет развитие: «Во всем существует определенный предел возможностей, и все же существует свобода выбора между ними, а вместе с этим возникает удивительное чувство, что можно двигаться вперед и реализовывать новые возможности в собственном бытии. Эту внутренне определенную взаимосвязь в процессе жизни, определяющую непрерывный прогресс изменений, я и называю развитием»¹²⁷. Вместе с тем он подчеркивает, что это понятие отличается от спекулятивных фантазий о неизбежно наступающем прогрессе. Без реализации высшего значения – духовных ценностей, которыми руководствуется субъект, процесс жизни может остаться связанным с природной основой вегетативного роста, расцвета и распада от рождения до смерти, подобно низшим формам жиз-

¹²⁶ Дильтей В. Сон // Вопр. философии. 1995. № 5. С. 116.

¹²⁷ Дильтей В. Категории жизни // Вопр. философии. 1995. № 10. С. 140.

ни. Все категории, о которых говорит Дильтей, имеют не только историческое значение, но и могут быть приемлемы для анализа современной социальной и человеческой реальности.

Обобщая сказанное, можно выделить важнейшую идею философии жизни В. Дильтея. Главная идея – это «критика исторического разума», понимаемая как фундаментальная философская идея исторической рациональности. В этой идее объединяются: понятие «жизни» как первичной структуры опыта, теория понимания как рефлексия средств для общезначимого постижения «выражений жизни», «историчность как основной модус опыта жизни». Теоретико-познавательное понятие опыта, лежащее в основе критики исторического разума, реконструирует, в противоположность редуccionистским моделям опыта в естествознании, человеческий опыт жизни во всей его полноте и исторической оформленности. Можно согласиться с оценкой философской программы Дильтея и развивать ее основы применительно к современной исторической, социальной реальности и человеческой жизни в современном контексте. Философская программа В. Дильтея есть «формулирование нового основоположения познания в целом, ориентированного на исторический и практический характер человеческой жизни и ее структурных форм»¹²⁸.

Жизненные ресурсы и развитие человека

Познание, ориентированное на исторический и практический характер человеческой жизни, позволяет поставить ряд важных вопросов: в чем сущность и проявление человеческого развития, каковы его социальные и индивидуальные условия, что входит в понятие жизненных ресурсов человеческого развития. Современная философия жизни, опираясь на идеи классической концепции философии жизни, разрабатывает свой понятийный концептуальный аппарат, способный описывать человеческую жизнь в современном социокультурном контексте. К таким понятиям можно отнести трактовку различных видов капитала как жизненных ресурсов человека и общества – природный капитал, интеллектуальный капитал, человеческий капитал, социальный капитал, символический капитал; к понятиям, характеризующим человеческую жизнь в современном мире,

¹²⁸ Плотников Н.С. Указ. соч. С. 23.

можно отнести: качество жизни, индекс развития человеческого потенциала, жизнеспособность и образ Homo vitalitabilis (человека жизнеспособного), культуру жизненного поведения и императивы экологической этики, человеческое развитие. Используя эти и другие понятия, характеризующие жизнеосуществление, жизненный опыт, жизнеотношения (понятия Дильтея), можно познавать «историчность» как основной модус опыта жизни, опирающийся на всю полноту ее возможных проявлений, привлекая для анализа и те социологические, социально-философские и философско-антропологические концепции, которые уже успешно анализируют различные пласты жизненного опыта человека в современном мире¹²⁹.

Интеллектуальный капитал

«Историчность» как основной модус опыта жизни обращает наше внимание сегодня к таким общественным трансформациям, при которых «человеческие качества» становятся решающими в исторически наступающем «обществе знаний». При переходе от доиндустриальной и индустриальной стадии развития общества к постиндустриальной изменяются конкурентные преимущества. На смену природным факторам, которые в индустриальном обществе выступают в качестве доминирующих факторов производства, таких как труд и вещественный капитал, приходят в современном обществе знания и интеллектуальный капитал. Экономика, основанная на знаниях, или экономика знаний – это экономика, которая создает, распространяет и использует знания для обеспечения своего роста и конкурентоспособности. В современной конкуренции решающую роль играет не столько население, как в доиндустриальном обществе (хотя для России, похоже, эта задача остается в связи с депопуляцией), и не столько доступ к рынкам, как в индустриальном, сколько качество и интенсивность обучения людей и организаций. При этом доминирующей сферой становится не столько сфера сельского хозяйства или промышленности, сколько сфера услуг, прежде всего интеллектуальных.

¹²⁹ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004; *Его же*. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 2002; Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.

Одной из первых коммерческих организаций, которая на практике применила концепцию интеллектуального капитала и предприняла попытку измерить отдельные ее составляющие, стала шведская компания Скандия (1996 г.). В ее интерпретации¹³⁰ интеллектуальный капитал состоит из человеческого капитала, организационного и потребительского капитала.

Человеческий капитал является той составной частью интеллектуального капитала, которая имеет непосредственное отношение к человеку. *Он состоит из знаний, практических навыков, творческих и мыслительных способностей людей, их моральных ценностей, культуры труда.* Человеческий капитал важен при проведении инноваций и любого обновления.

Организационный капитал – это организационные возможности фирмы ответить на требования рынка: это технологии, системы управления, техническое и программное обеспечение (культура организаций, патенты, товарные знаки и т. д.). Он отвечает за то, как человеческий капитал используется в организационных системах.

Потребительский капитал – это капитал, который складывается из связей и устойчивых отношений с клиентами и потребителями: это информация о клиентах, история взаимоотношений с клиентами, торговая марка (бренд). Эти виды капитала взаимодействуют друг с другом; недостаточно инвестировать в каждый из них по отдельности, они должны поддерживать друг друга, создавая синергетический эффект.

Конечно, в данной интерпретации человеческого капитала сделан экономический акцент, т. е. методы конкуренции в экономике затрагивают все более активно человеческий и интеллектуальный капитал в целом. Вместе с тем, сам человеческий капитал, т. е. человеческие качества и другие его невещественные составляющие, способны не только приносить доход и влиять на успешную конкурентоспособность предприятия, но и выступать в ином качестве – служить важным ресурсом в реализации индивидуального жизненного проекта, быть основой самоуважения и высокой самооценки, профессионального достоинства и психологической устойчивости, служить в целом основой жизнеспособности человека, умению

¹³⁰ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. На пути к обществу, основанному на знаниях. М., 2004. С. 116.

противостоять жизненным трудностям. «По оценкам Всемирного банка в середине 1990-х гг. 64 % мирового богатства составлял человеческий капитал, 21 % – **физический**, 15 % – **природные ресурсы**, тогда как за столетие до этого соотношение составляющих было прямо противоположным. В таких странах, как США, Китай, Германия, Великобритания, на долю человеческих ресурсов приходится 75–80 % **национального богатства**, тогда как в России (главным образом благодаря высочайшей обеспеченности природными ресурсами) – лишь 50 %»¹³¹. Именно эффективное использование и развитие человеческого капитала, способность создавать и осваивать новейшие технологии становятся не только критическими условиями устойчивого повышения уровня жизни, но и главными качественными критериями, отличающими передовые страны от отстающих. Для интегральной оценки интеллектуального капитала в целом часто применяется коэффициент Тобина¹³².

Помимо структурных элементов, входящих в человеческий капитал, – знаний, навыков, творческих способностей, моральных ценностей, культуры труда, *сама человеческая жизнь, ее продолжительность, качество (состояние здоровья) является человеческим капиталом и ценностью, не поддающейся стоимостному выражению* (в философском, а не экономическом смысле).

Для оценки *экономических* параметров человеческого капитала могут быть использованы такие показатели: состав человеческих ресурсов организации и управление ими, степень удовлетворенности персонала, образование персонала, его опыт (число лет в рамках данной профессии), затраты на обучение в расчете на одного занятого, текучесть персонала, добавленная стоимость в расчете на одного занятого и т. д.

Для оценки человеческого капитала в России в *целом* можно воспользоваться стандартными показателями и индикаторами, применяемыми в Докладах ПРООН (Программа развития ООН).

¹³¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. На пути к обществу, основанному на знаниях. С. 107.

¹³² Назван по имени американского экономиста Тобина. Определяется отношением рыночной цены компании к цене замещения ее реальных активов: зданий, сооружений, оборудования и т. д. и составляет цифру от 5 до 10. Для отдельных компаний, действующих в сфере программного обеспечения (Интернет-технологий), коэффициент Тобина может достигнуть нескольких сотен, так как главный производственный фактор в них – интеллектуальный капитал.

Прежде всего это продолжительность жизни. В Докладе ПРООН 2002/2003 предполагаемая при рождении продолжительность жизни россиян составляет 66,6. Это один из самых низких показателей современного мира.

Человеческий потенциал, которым обладают конкретные люди, иногда оценивают путем капитализации их зарплаты, при этом зарплата (доход) может рассматриваться как аналог процентов на их человеческий капитал. Именно на этой методике базируются оценки оттока человеческого капитала из России: «Если средний годовой отток специалистов в 1990-х гг. составлял 50 тыс. человек в год, а средняя зарплата высокооплачиваемого специалиста на Западе составляет 50 тыс. долларов США в год, то каждый специалист оценивается в 0,5 млн долларов. Тогда примерная экономическая оценка утечки мозгов из России составляет 25 млн долларов в год, что сравнимо с суммой оттока из страны денежного капитала»¹³³. В целом же для оценки интеллектуального капитала весьма показателен такой индикатор, как затраты на НИОКР в % от ВВП. В 2000 г. в России он составляет 1 %, в то время как в Швеции – 3,8 %, Японии – 2 % или 3 %, в Финляндии – 3,4 %, в Израиле – 3,6 %¹³⁴.

В определенных границах интегральным показателем, способным отразить тенденции развития человека, поддающимся операционализации и сравнению во временной и пространственной динамике (другие страны), является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Он представлен на основе статистических данных и математических расчетов во Всемирных докладах о развитии человека, начиная с 1990 г., а в России – с 1995 г. Индекс развития человеческого потенциала является более точным критерием прогресса, чем, например, общепринятые критерии ВВП или национального дохода.

ИРЧП – это попытка измерить и сравнить достижения стран в повышении *качества жизни* населения. Он состоит из трех базовых показателей: ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), душевого дохода в реальном исчислении и доступности образования.

¹³³ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. На пути к обществу, основанному на знаниях. С. 121.

¹³⁴ Там же. С. 124.

Для России базовый ИРЧП представляет собой сложный индекс, включающий: 1) ожидаемую продолжительность жизни на момент рождения; 2) уровень грамотности взрослого населения; общую численность учащихся начальной, средней и высшей школы; общий показатель числа учащихся измеряется как отношение численности обучающихся в начальной, средней и высшей школе к населению от 6 до 24 лет; 3) ВВП в расчете на душу населения. Итоговый ИРЧП для Российской Федерации рассчитан как среднее арифметическое от трех вышеназванных показателей. ИРЧП постоянно совершенствуется, в него вводятся помимо базовых параметров и другие измерения: например, ИРЧП с учетом гендерного измерения, ИНН – индекс нищеты населения и другие показатели, но базовые параметры остаются определяющими.

В 1995 г. ИРЧП для Российской Федерации составил 0,760 (единица составляет 100 %). В 1993 г. он имел более высокий уровень – 0,804. Тогда в рейтинге стран по этому показателю Россия оказалась на 57 месте среди 174 стран, представивших данные для расчета¹³⁵. Падение индекса (ИРЧП) означало, что Россия перешла из разряда стран с «высоким показателем» (среди которых она, впрочем, занимала последнее место, учитывая на тот момент высокий уровень доступа к образованию) в разряд стран со «средним уровнем развития».

Сравнительный анализ статистических данных¹³⁶ по годам позволяет выявить динамику развития человека по базовым параметрам и по суммарному индексу – ИРЧП (табл. 1, 2).

Таблица 1

*Динамика ИРЧП в России
(1992–1996)*

Год	Индекс с ОПЖ	Индекс образования	Индекс ВВП	ИРЧП
1992	0,710	0,890	0,945	0,848
1993	0,668	0,889	0,942	0,833
1995	0,667	0,889	0,816	0,790
1996	0,686	0,889	0,766	0,780

¹³⁵ UNDP. Human Development Report. 1995. N.Y.; Oxford, 1996.

¹³⁶ Таблица составлена на основе данных Докладов о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 1997–2000 гг.

*Динамика ИРЧП в России
(1997–2000)*

№	Годы	1997	1998	1999	2000
1	Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ)	66,6	66,7	66,1	65,3
2	Уровень грамотности взрослого населения (%)	99,0	99,5	99,5	
3	Совокупная доля учащихся (%)	77	79	78	75
4	Индекс уровня образования	0,92	0,92	0,92	0,913
5	Реальный ВВП на душу населения (паритет покупательной способности в долларах США) [10]	4370	6460	7473	6744
6	Индекс ОПЖ	0,69	0,69	0,69	0,671
7	Индекс ВВП		0,7	0,72	0,703
8	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)	0,747	0,771	0,775	0,763

Региональные различия таковы: самый высокий ИРЧП в Москве равен 0,867, самый низкий – в Туве равен 0,520.

Из таблиц № 1 и № 2, в которых представлены данные Всемирных Докладов о развитии человека и Докладов о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, видно, что в девяностые годы XX в. ИРЧП в России как в абсолютном выражении, так и относительно многих других стран имел *устойчивую тенденцию к снижению*. Это касается не только дохода (ВВП на душу населения), но и ожидаемой продолжительности жизни, и хотя показатели, связанные с образованием, были относительно стабильными, вопрос о качестве образования и его доступности должен стать предметом специального анализа, обусловленного современными требованиями. *За двадцать лет (1980–2000 гг.) динамика ИРЧП в России эволюционировала от показателя 0,809 в 1980 г. – к 0,763 в 2000 г., а динамика ОПЖ и выживаемости при рождении в годах за 30 лет от 69,7 в 1970 – к 65,3 в 2000 г.* Такая динамика развития человеческого потенциала свидетельствует о снижении качества человеческого капитала, влияет на состояние человеческих ресурсов России и несет в себе проблемы, связанные с качеством человеческого ка-

питала в будущем. Что касается тенденций развития человеческого потенциала по регионам Российской Федерации¹³⁷, представленных за 2000 г., то они выглядят таким образом:

1. Только в трех регионах России ИРЧП соответствует уровню развитых стран – более чем 0,800. Это Москва, Тюменская область, Татарстан. В Москве ИРЧП равен 0,864 и, таким образом, близок к Словении и опережает Венгрию и Чехию.

2. Очень низкий уровень ИРЧП в республиках и автономных округах Сибири и Дальнего Востока. Особенно это касается Тувы: бедность и низкая продолжительность жизни.

3. Большинство регионов имеют показатель ИРЧП – 0,730–0,760.

4. Основная причина в диспропорции по регионам – экономическое неравенство. В 2000 г. на долю двух субъектов РФ приходилось 28 % ВВП (Москва – 21,4 % и Ханты-Мансийский автономный округ – 7,0 %).

При анализе человеческого потенциала в России особенную тревогу вызывает проблема сохранения человеческой жизни и, в частности, в ее гендерном измерении. Например, вероятность того, что при рождении ОПЖ составит 65 лет в соответствующих возрастных когортах в интервале 1995–2000 гг., у женщин составляет 77 %, а у мужчин всего лишь 46,5 %.

На наших глазах сегодня в России разрушаются природные основы человеческой индивидуальности, появляются нежизнеспособные поколения молодых людей. Все большее распространение получают такие угрожающие жизни девиации, как наркомания, алкоголизм, убийства и самоубийства. «К 1994 г. Россия вышла на одно из первых мест в мире по уровню самоубийств. По официальным данным в 1994 г. добровольно ушли из жизни 62 тысячи, а в 1995 и 1996 – 60 тысяч человек. Уровень самоубийств вырос в 2 раза за 5 лет (1993–1998 гг.), а это интегральный показатель социальной патологии. Рост наркотизации населения только с 1985 по 1994 гг. увеличился в 2,3 раза. Отмечается рост алкоголизации в среде детей и подростков»¹³⁸. Сама человеческая

¹³⁷ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2002/2003. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах / Под общ. ред. проф. С.Н. Бобылева. М., 2003. С. 87–88.

¹³⁸ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.) Тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. С. 315.

жизнь, ее природные и биологические основы подвергаются разрушению и деградации с соответствующими последствиями на социальном, культурном и духовном уровнях становления человеческого потенциала.

Представление о том, как обстоят дела с человеческой жизнью в России, дает Доклад Уполномоченного по правам человека¹³⁹. Конституционное право на жизнь подвергается испытаниям. Приведем некоторые факты из этого доклада: за последние десять лет жертвами убийц стали 300 тысяч человек; по числу умышленных убийств на 100 тысяч населения страна занимает второе место в мире. Только за 2002 г. совершено 32 тысячи умышленных убийств и 58,5 тысяч преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью; из всех заключенных (сотни тысяч) треть женщин и пятая часть мужчин отбывают наказание за незаконный оборот наркотиков. В другом докладе Уполномоченного по правам человека приводятся такие данные: «В год Россия теряет до 100 тысяч человек, из которых 38 тыс. – жертвы убийц, более 60 тыс. – пропавшие без вести. По количеству совершаемых убийств Россия занимает второе место в мире после Колумбии: 221 на 100000 взрослого населения»¹⁴⁰. Кроме этих официальных данных, количественные показатели и их динамика отражены в Докладах ПР ООН «О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации», начиная с 1995 г. Необходим системный анализ ситуации – анализ социальных, экономических, правовых, антропологических процессов с учетом их синергетического эффекта и наложения контекста, в которых они развиваются.

Для образовательной сферы эта проблема приобретает особый смысл. Приводимые данные, динамика ИРЧП и отчетливая негативная тенденция в ее базисном показателе – сохранении жизни – предполагают в процессе социализации, образования и воспитания ориентацию на культуру жизненного поведения, сохранение жизнеспособности человека, повышение его адаптационных возможностей, выбор жизнеспособных, а не саморазру-

¹³⁹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронова в 2002 году // Рос. газ. № 140–143, 146–148; 154 июль–авг. 2003.

¹⁴⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2003 году // Рос. газ. 29.07.04. № 160.

шающих стратегий поведения. Сохранение полноценной жизни как базисного условия показателя развития человеческого потенциала даст возможность решать и другие социальные проблемы. Сохранение жизненного ресурса и состояния здоровья людей – основа успешных образовательных технологий и реформирования образования. Таким образом, приоритет в социально-экономическом развитии России мы видим в сохранении человеческой жизни и жизнеспособности населения. Кого мы будем учить на всех трех уровнях образования (начальное, среднее и высшее), если ситуация с состоянием здоровья и уровнем жизнеспособности среди детей, подростков и молодежи критическая, чреватая множеством рисков? По всем показателям заболеваемости отмечается ее рост: по детской заболеваемости, инвалидности, распространению наркомании, СПИДа, алкоголизма, снижению уровня физического развития, росту психологических проблем и дезадаптивных форм поведения. В Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации (2002–2003 гг.) на этот счет приводятся тревожные факты: за пять лет (1996–2000 гг.) заболеваемость детей в возрасте до 15 лет увеличилась на 22 %, с 15 до 18 – на 24 %. Алкоголизация детей и подростков в три раза выше аналогичных показателей для всего населения (827 на 100 тыс. чел.). Стремительно распространяется наркомания: с 1995 г. ежегодный показатель прироста наркотиков составляет 30 % от предыдущего года. Если в ближайшие 5–7 лет темпы наркоторговли сохранятся, то число тяжелых наркоманов достигнет 10 млн человек, большую часть из которых составят подростки и молодежь. В ходе объявленной в 2002 г. всероссийской диспансеризации детей из 93 % осмотренных 60 % оказались с различными отклонениями в состоянии здоровья.

На фоне этих данных возникает приоритетная задача для всех ступеней социализации и уровней образования – *сохранение человеческой природы; сохранение уникальной, естественной, данной по факту рождения человеческой жизни; сохранение жизнеспособности российского человеческого ресурса; формирование посредством обучения и воспитания жизнесохраняющих практик, способствующих реализации человеческого потенциала.*

Социальный капитал

В последнее время стала осознаваться значимость социального капитала как жизненного ресурса развития общества и индивида как в экономическом, так и социально-философском аспекте. Устойчивое развитие связывается с процессами, в результате которых будущие поколения получают на душу населения совокупного капитала не меньше, чем им располагают настоящие поколения. Традиционно в совокупный капитал включают природный капитал, физический капитал (произведенные активы) и человеческий капитал. Вместе они составляют богатство народов. Природный капитал будет истощаться и преобразовываться в физический, физический будет амортизироваться (обесцениваться), и технология будет искать ему замену. Человеческий капитал будет интенсивно накапливаться, что уже видно на примере XX в. Вместе с тем, становится все более ясным, что *условием взаимодействия всех видов капитала является социальный капитал*, отсутствие или недостаточная развитость которого сказывается на всем процессе развития в целом.

Подходы к концепции социального капитала существовали давно, но сам термин «социальный капитал» введен в экономический анализ недавно, в связи с акцентом на институциональной экономике. В политической, социологической, антропологической литературе *к социальному капиталу вообще относится набор норм, систем и организаций, посредством которых люди получают доступ к власти и ресурсам и которые участвуют в принятии решений и формировании политики*¹⁴¹. Ряд авторов – Путнам, Колеман, Норт, Олсон, Фукуяма – содержательно развивают данное понятие применительно к анализу исторической и современной жизни, предлагая способы оптимизации социального капитала для решения насущных проблем современности – искоренения бедности, нищеты, решения демографических проблем, становления новых норм и ценностей современной жизни в *глобализирующем мире*. В узком смысле концепцию социального капитала развивает Путнам. Он рассматривает социальный капитал как набор «гори-

¹⁴¹ Диксон Дж., Бэкес Ж., Гамильтон К., Кант А., Латц Э. и др. Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития. М., 2003. С. 86.

горизонтальных связей между людьми: социальный капитал состоит из социальных сетей (“сетей гражданских обязательств”) и связанных с ними норм, которые влияют на производительность всего сообщества»¹⁴². В основе этой концепции два эмпирических предположения: 1) сети и нормы эмпирически связаны; 2) они имеют важные экономические последствия. Эта концепция социального капитала была ограничена ассоциациями, оказывающими только положительное влияние на развитие (но не отрицательное, например мафия). Ключевая особенность социального капитала в указанном определении в том, что оно акцентирует взаимовыгодное сотрудничество и координацию членов ассоциации.

Более широкая концепция социального капитала выдвинута Колеманом и Лоури. Лоури ввел концепцию социального капитала в экономику в 1977 г. при анализе расового неравенства для социальных ресурсов этнических сообществ. Колеман ввел термин «социальный капитал» в социологическую литературу в статье «Социальный капитал в создании человеческого капитала» (Американский социологический журнал 1988 г.). Он определяет социальный капитал как «ряд различных объектов с двумя общими элементами: все они состоят из некоторого аспекта социальной структуры и облегчают некоторые действия участников – в пределах структуры»¹⁴³. Такая позиция расширяет концепцию, т. к. «включает наряду с горизонтальными ассоциациями и вертикальные, а также поведение среди других объединений, например фирм. Широкий диапазон ассоциаций может включать и более широкий диапазон целей, как положительных, так и отрицательных, данная форма социального капитала, ценная в облегчении некоторых действий, может быть бесполезной и даже вредной для других»¹⁴⁴. Т. е. такое представление о социальном капитале учитывает социальную структуру в целом, а также как ансамбль норм, управляющий личностным поведением.

Существует также точка зрения на социальный капитал, включающая в него социальную и политическую среду, которые дают возможность развитию норм и формированию социальной

¹⁴² Putnam R. The Prosperous Community – Social Capital and Public Life. American Prospect. 1993. P. 13.

¹⁴³ Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // American journal of Sociology. 1988. P. 598.

¹⁴⁴ Ibid.

структуры. В дополнение к структурным элементам первых двух концепций, горизонтальным и иерархическим социальным отношениям Норт¹⁴⁵ и Олсон¹⁴⁶ считают необходимым внести также формализованные установленные отношения и структуры, такие как правительство, политический режим, судебная система, гражданские и политические привилегии, которые оказывают важное влияние на развитие.

Общие черты этих трех точек зрения на социальный капитал заключаются в том, что они:

связывают между собой экономическую, социальную и политическую сферы, которые характеризуют общественную жизнь в ее полноте, считая, что социальные отношения и экономические оказывают взаимное влияние;

обращают внимание на то, как формальные и неформальные взаимодействия и взаимоотношения могут улучшать экономическое и социальное развитие;

признают потенциал, созданный социальными отношениями, важным для результатов развития и признают опасность отрицательных эффектов, что в немалой степени регулируется законодательным и политическим контекстом;

социальный капитал, как и природный, физический и человеческий, имеет ограниченное значение, если не объединен с другими формами капитала, и вместе с другими формами капитала является ресурсом для процессов развития.

Социальный капитал расширяет выгоды от инвестиций в физический и человеческий капитал.

Акцентирование социокультурных и психологических характеристик социального капитала предлагается в концепции Ф. Фукуямы. «Великий разрыв» в социальных ценностях и нормах, связанный с переходом от индустриализма к информационному обществу с середины XX в. и появлением культуры «неограниченного индивидуализма» серьезно привлекает в центр внимания *вопрос о разделяемых обществом ценностях как социальном капитале*. Он является предпосылкой всех форм совместного предпринимательства. Люди расширяют свои собственные воз-

¹⁴⁵ North D. Institution, Institutional Change, and Economic Performance. N.Y., 1990.

¹⁴⁶ Olson M. The Rise and Decline of Nationals Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven, 1982.

возможности и способности, следуя правилам сотрудничества, которые хотя и стесняют в определенной степени их свободу выбора, но позволяют вступать во взаимодействия с другими и координировать действия. Социальные ценности – такие как честность, доверие, выполнение обязательств – не являются предметом выбора, как этические ценности. Они имеют осязаемые экономические показатели, отражающиеся на эффективности деятельности. Кроме того, истинную общность образует не просто взаимодействие, ее скрепляют ценности, опыт и нормы, которые члены данной общности разделяют.

Социальный капитал можно определить как набор неформальных ценностей и норм, которые делают возможным сотрудничество внутри группы. Если члены группы могут рассчитывать на то, что другие будут вести себя достаточно честно и на них можно положиться, то они смогут доверять друг другу. Следовательно, работа группы будет более эффективной.

«Нормы, которые производит социальный капитал, должны включать в себя такие ценности, как честность, выполнение обязательств, сотрудничество с другими людьми»¹⁴⁷. Социальный капитал дает преимущества, которые распространяются далеко за пределы экономической сферы. Он является условием создания здорового гражданского общества, т. е. множества групп и организаций, занимающих место между семьей и государством.

Для оценки роли социального капитала в обществе, ориентированном на развитие, важно разрабатывать как качественные, концептуальные характеристики социального капитала, так и количественные показатели, которые подлежат операционализации, измерению. Выбор и развитие показателей для социального капитала может идти несколькими взаимодополняющими друг друга путями.

Во-первых, по широте задействованных отношений и институтов; во-вторых, согласно типам воздействий социального капитала на процесс развития, в котором ключевыми измерениями являются рост качества жизни, справедливость, облегчение бедности; в-третьих, вместо измерения социального капитала как позитивной ценности измерение его отсутствия через традиционное измерение нарушений, таких как уровень преступности и

¹⁴⁷ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003. С. 27.

наркомании, количество судебных разбирательств, самоубийств, распавшихся семей и случаев уклонения от уплаты налогов. Такая стратегия была применена Национальной комиссией по гражданскому обновлению для того, чтобы оценить степень гражданской свободы¹⁴⁸.

Обобщая сказанное, следует отметить, что накопление жизненных ресурсов не является самодостаточной целью. Интеллектуальный, человеческий, социальный и другие виды капиталов являются условием динамичного и эффективного экономического развития, столь значимого просто для элементарного выживания большей части человечества и одновременно создающего основы для более высокой цели – человеческого развития, развития личности, способной и имеющей социальные условия для реализации своего уникального и потому незаменимого жизненного проекта. «Достаточно ли признания роли “человеческого капитала” для понимания важного значения того, что называется “человеческим развитием”, другими словами, развитием способностей людей совершать то, что их разум позволяет им оценить и выбрать...? Чтобы восполнить те элементы, которые отсутствуют в ограниченной концепции “человеческого капитала” и “развития людских ресурсов”, нам необходима более широкая концепция развития, которая бы уделяла основное внимание улучшению жизни и укреплению свободы человека, вне зависимости от того, опосредованно ли это улучшение расширением товарного производства»¹⁴⁹.

Человеческое развитие или «последний человек»?

Человеческий потенциал – концепт, который сегодня имеет достаточно внятную структуру и востребованное практическое приложение. Более того, операциональная модель человеческого потенциала получила статус официальных документов ООН.

«Доклады» о развитии человеческого потенциала возникли не на пустом месте. Они пришли на смену системе индикаторов качества жизни – в 1980-е гг. соответствующие документы име-

¹⁴⁸ National CIVIC Commission on Civic Renewal The Index of National Civic Health. College Part (Md.), 1998.

¹⁴⁹ Sen A. Human Development and Financial Conservatism // World Development. 1998. Vol. 26. No. 4. P. 734.

ли статус официальных международных. Этот проект был, в свою очередь, продолжением ежегодных докладов, посвященных образу жизни. Менялись времена, экономические и социально-культурные условия. Соответственно углублялись, расширялись и обогащались представления о человеке и его жизненном мире. Концепт человеческого потенциала как система показателей вобрал в себя предшествующие наработки.

У концепции человеческого потенциала есть и солидные теоретические источники. Есть также теории и идеи, обращение к которым может (или должно) придать модели новое звучание.

Хотелось бы в данной связи подчеркнуть одно обстоятельство. Концепция человеческого потенциала наряду с концепцией биоэтики представляет собой успешный, на наш взгляд, ответ на упреки в адрес социально-философской мысли: мол, построения о человеке умозрительны, плохо согласуются с реальностью и т. д. Человеческий потенциал – работающая концепция.

Одним из источников концепции развития человеческого потенциала (развития человека) являются теоретические подходы выдающегося ученого Махбуб уль-Хака, инициировавшего подготовку докладов о развитии человека в рамках Программы развития ООН (ПРООН), начиная с 1990 г. В самом первом из них была обозначена идея: смысл и цели экономического и в целом общественного развития состоят в расширении возможностей каждого человека реализовать свои потенции и устремления, вести здоровую, полноценную, творческую жизнь. При таком подходе человек рассматривается не только как фактор социального развития, но и как главный субъект, пользующийся его результатами. *Под развитием человека понимается расширение спектра и возможностей интеллектуального, социального, экономического, политического и морального выбора каждого члена общества.*

В качестве исторических истоков концепции человеческого потенциала можно назвать взгляды А. Смита, считающего человека частью общественного богатства и целью общественного производства.

В этом же русле работал А. Маршалл, связывая напрямую накопление богатства с развитием человека: «Производство богатства – это лишь средство поддержания жизни человека, удовлетворение

его потребностей и развитие его сил – физических, умственных и нравственных. Но сам человек – главное средство производства этого богатства, он же служит конечной целью богатства»¹⁵⁰.

Важный вклад в появление концепции человеческого развития внесла концепция «человеческого капитала» в экономической мысли. У ее истоков в 50–60 гг. XX в. стоял американский ученый Т. Шульц. Под человеческим капиталом понималась совокупность знаний, комплектации, квалификации, играющих важнейшую роль в качестве средства производства. Это дало возможность просчитывать экономический вклад образования, науки, здравоохранения в создание человеческого капитала и рассматривать их как источник экономического роста.

Позднее в сфере международного экономического сотрудничества оформилось направление, связанное с теорией «человеческого капитала» и обозначенное как «развитие человеческих ресурсов». Оно предполагало максимизацию человеческого потенциала и его эффективное использование в целях экономического и социального развития. Проблематика «развития человеческих ресурсов» включает в себя демографические проблемы, проблемы занятости, здравоохранения, питания, жилья, урбанизации, окружающей среды, образования, подготовки кадров. В рамках этой теории сложилось представление, что вложения в человеческий капитал имеют высокую экономическую эффективность. Например, в США доля расходов на образование в ВВП за последнюю треть XX в. почти удвоилась. По своим абсолютным размерам она превышает расходы на оборону; 55 % молодежи от 17 до 23 лет (в Японии до 60 %) получают высшее образование, что является важнейшим фактором будущего экономического процветания этих стран в XXI в.¹⁵¹.

Значительное влияние на создание концепции человеческого потенциала оказали взгляды лауреата Нобелевской премии по экономике (1998 г.) Амаратия Сена. Он трактует *процесс развития человека как процесс расширения возможностей людей*, а не только

¹⁵⁰ Marsall A. Principles of Economics. N.Y., 1983. P. 246. А. Маршалл – представитель маржиналистского направления, обосновывал принцип рационального поведения в рыночной экономике.

¹⁵¹ Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. Учеб. пособие / Под общ. ред. В.П. Колесова и Т. Маккини. М., 2000. С. 11.

возрастание материального или экономического благосостояния. А. Сен считает, что цель общественного развития не в беспредельном увеличении производства, а в создании людям возможностей для расширения выбора. Выбор предполагает участие в большем количестве дел, наличие стремления жить долго, не болеть, иметь доступ к знаниям. Ученый подчеркивает, что возможность и выбор тесно связаны между собой, а также со свободой, как негативной (свободой от голода), так и позитивной (свободой осуществлять свои жизненные устремления). А.Сен прямо заявляет, что в конечном счете *развитие – это вопрос свободы*. В подобной трактовке развитие человеческого потенциала невозможно вне демократической, ориентированной на личностные приоритеты и ценности общественной системы.

Каковы основные слагаемые концепции человеческого потенциала? Обратимся к первому опубликованному в рамках ПРООН в 1990 г. докладу о человеческом развитии. Здесь выдвигаются следующие важные идеи¹⁵².

– Человеческое развитие есть процесс расширения возможностей выбора. В принципе, выбор может быть беспредельным, а его параметры меняются со временем. Но на всех уровнях развития наиболее значимой для человека является возможность вести долгую, здоровую жизнь, приобретать знания и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного существования. Без этого многие другие возможности остаются не реализованными.

– Этим человеческое развитие не ограничивается. Существуют другие, высоко ценимые многими возможности, начиная с политической, экономической и общественной свобод и кончая условиями, благоприятными для творчества и созидания, самоуважения и гарантированных прав человека.

– У человеческого развития есть две стороны: формирование физических возможностей человека, таких как обеспечение здоровья, накопление знаний и навыков, и та польза, которую люди могут из этого извлечь для досуга, продуктивной деятельности и активной культурной, социальной и политической жизни. Если равновесие между двумя этими сторонами не обеспечено, может возникнуть заметная напряженность.

¹⁵² Цит. по: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. Федорова. М., 1997. С. 11.

В соответствии с такой концепцией человеческого развития доход хотя и важное, но не единственное направление индивидуальных притязаний. Поэтому развитие не может быть ограничено только ростом дохода и благосостояния. В его центре – человек.

Концепция развития человека представляет собой социальную и политическую альтернативу возникшим в XX в. моделям взаимодействия общества и личности: моделям тоталитарных систем правого и левого толка, где человек рассматривается только как инструмент реализации глобальных идеологических доктрин. Вместе с тем концепция человеческого развития стремится ассимилировать уже известные теоретические подходы, связанные с двумя важными идеями. Одна из них – идея удовлетворения «базовых потребностей» и вытекающая отсюда патерналистская ответственность государства. Другая – доктрина экономического развития, где экономический рост – средство, позволяющее увеличить расходы на развитие. *Однако в рамках концепции существенно меняются акценты: именно сами люди являются центральным звеном динамического процесса изменений.* Об этом совершенно определенно говорится в Докладе по Европе и СНГ. «Развитие должно удовлетворять не только их (людей) физические желания, но также духовные и другие потребности и ожидания. Вложение ресурсов в обеспечение образования, здоровья, питания и материального благосостояния является ключевым элементом развития человека... Развитие человека означает гарантированное соблюдение прав человека – прав граждан демократического общества, могущих участвовать в принятии решений... как представителей меньшинств, имеющих право исповедовать свойственные им религиозные убеждения и следовать своим обычаям; как экономических субъектов, способных реализовать коммерческие инициативы (в результате благоприятной для бизнеса экономической среды); как потребителей, использующих доступ к информации о вредных продуктах и неадекватных услугах и защищенных от этого. Развитие человека включает в себя также обеспечение права на безопасность личности и безопасную окружающую среду»¹⁵³.

Все отмеченные направления развития человека значимы, но и они не исчерпывают перечень его возможных изменений. Для развития человека также важны возможности реализации его субъек-

¹⁵³ Цит. по: Всемирный доклад о человеческом развитии. М., 1997. С. 9–10.

тивности, творческая самореализация, общение, сохранение своей индивидуальности и т. д. Все эти формы развития человека носят социально-исторический характер, осуществляются неравномерно и имеют социокультурные и природные границы.

Современная ситуация человека – мир расколотых возможностей

В начале XXI в. мы живем в разделенном мире. Масштабы этого раздела определяют собой фундаментальный вызов, брошенный мировому человеческому сообществу. Этот вызов имеет отчасти морально-этический характер и смертельно опасен. Массовая бедность и постыдное неравенство являются столь ужасающими бедствиями нашего времени – времени, когда мир гордится головокружительными достижениями в науке, технике, промышленности и накоплении богатства, – что стоят в одном ряду с такими проявлениями социального зла, как рабство и апартеид. «Совокупные доходы пятисот самых богатых людей мира превышают совокупный доход беднейшей части населения земного шара, которая насчитывает 416 млн человек. Между этими двумя полюсами находятся 2,5 млрд человек, живущих менее чем на 2 доллара в день, 40 % населения мира, на долю которых приходится 5 % мирового дохода. Для сравнения: на долю богатейших 10 %, из которых почти все проживают в странах с высоким доходом, приходится 54 %»¹⁵⁴. Это крайнее неравенство выражено в статистических показателях, но за этой статистикой – жизни и надежды людей. Каждый час более 1,2 тысячи детей умирает, не привлекая внимания СМИ, из-за бедности, которую можно при наличии соответствующих условий и программ, в отличие от природных катаклизмов, преодолеть. С момента публикации первого Доклада о развитии человека (1990 г.) прошло 15 лет. За это время положительные результаты достигнуты, но они еще столь незначительны по сравнению с масштабом проблем, который предстоит решать. В среднем жители развивающихся стран стали более здоровыми, лучше образованными и менее бедными, а вероятность жизни в

¹⁵⁴ Доклад о развитии человека 2005. Международное сотрудничество на перепутье: помощь, торговля и безопасность в мире неравенства ПРООН. Весь мир. 2005. С. 5.

условиях многопартийной системы повысилась. С 1990 г. ожидаемая продолжительность жизни увеличилась на 2 года. Ежегодно в этих странах умирает на 3 млн детей меньше и на 30 млн детей больше посещает школу. Свыше 130 млн человек избежали крайней нищеты. Вместе с тем, в 2003 г. в 18 странах с совокупной численностью населения 460 млн человек был зарегистрирован более низкий, чем в 1990 г., ИРЧП, что свидетельствует о беспрецедентном регрессе. В условиях все большего процветания мировой экономики каждый год 10,7 млн детей не доживает до пяти лет, а более 1 млрд человек живет в условиях ужасающей бедности – менее чем на 1 доллар в день. На этот масштабный регресс в развитии человека оказала влияние пандемия ВИЧ/СПИДа. В 2003 г. она унесла 3 млн жизней, еще 5 млн человек инфицированы¹⁵⁵. Если сохранятся подобные тенденции до 2015 г., то цели ООН в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия, не будут реализованы, а мир по всем признакам движется к провалу в области развития человека. И это не только констатация современной ситуации человека в мире, но *риск масштабного, цивилизационного характера*. Последствия такого раскола, когда большая часть населения планеты бедствует и лишена возможностей развития и существует на грани физического выживания, а другая – имеет проблемы с перепотреблением и обладает всем потенциалом для решения проблем, в том числе и при переходе от «общества труда» к «обществу знания», могут оказаться непредсказуемыми для всех. Что касается России, то согласно последним данным: «В Российской Федерации ожидаемая продолжительность жизни мужчин снизилась с 70 лет в середине 1980-х до 59 лет на сегодняшний день, что ниже, чем в Индии... Если показатели смертности останутся на том же уровне, около 40 % сегодняшних пятнадцатилетних мужчин умрут до достижения ими 60 лет»¹⁵⁶.

Есть ли альтернатива «последнему человеку»?

Ценность человеческой жизни – это не просто вопрос о физическом выживании, хотя без него трудно говорить об иных возможностях. Ценность человеческой жизни – в зарезервированной за ней

¹⁵⁵ Доклад о развитии человека 2005. С. 4.

¹⁵⁶ Там же. С. 31.

возможностью создать уникальный жизненный проект развития своей личности, творческой индивидуальности, способной стать автономным субъектом морального выбора, индивидуальности, способной к идентификации с Другим, имеющей сострадание и уважение к Другому. Человеческая жизнь – это социальное пространство и время реализации личности в соответствии с определенными ценностями. Какими ценностями будет руководствоваться современный человек и какова будет их иерархия – вот проблема нашего времени¹⁵⁷. Может быть, понимание другого как самого себя, тоже желающего реализовать свой жизненный проект, – ценность, способная объединить нас всех как людей? Конечно, она не единственная, но фундаментальная. «Людям демократического общества становится особенно трудно принимать всерьез вопросы общественной жизни, имеющие истинно моральное содержание. Мораль требует различать лучшее и худшее, добро и зло, а это видимым образом нарушает демократический принцип толерантности. По этой причине “последний человек” более всего начинает заботиться о собственном здоровье и безопасности, поскольку здесь нет противоречий»¹⁵⁸.

Идею «последнего человека» выдвинул Ф. Ницше, и озабоченность его приземленностью и ограниченностью горизонта жизни разделялась и повторялась многими мыслителями нового времени (Токвиль, Тард, Хосе-Ортега-и-Гассет, Московичи и др.). Согласно Ницше живое существо не может быть здоровым, сильным или продуктивным, если не живет в определенных горизонтах, в определенной системе ценностей. «Ни один художник никогда не напишет своей картины, ни один полководец не одержит своей победы, ни один народ не завоюет своей свободы без таких горизонтов, без любви к работе, которую они любят в бесконечно большей степени, чем она этого заслуживает»¹⁵⁹.

Современное образование стимулирует тенденции к релятивизму, при котором все горизонты и все системы ценностей относительны. Оно утверждает, что нет привилегированных точек зрения, и, таким образом, посредственному стыдиться нечего, так как его образ жизни не лучше и не хуже других.

¹⁵⁷ Федотова В.П. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопр. философии. 2005. № 11. С. 3–23.

¹⁵⁸ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 458.

¹⁵⁹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 165.

«Последний человек» в конце истории *знает*, что незачем рисковать жизнью ради какой-то великой цели, поскольку считает историю полной бесполезных битв, где люди дрались друг с другом, решая, следует быть христианином или мусульманином, протестантом или католиком, немцем или французом. Верность флагу, которая вела людей на самопожертвования, последующей историей была квалифицирована как глупый предрассудок. Современный образованный человек вполне удовлетворен сидением дома и одобрением самого себя за широкие взгляды и отсутствие фанатизма. Как сказал о таких людях Заратустра у Ницше: «Ибо так говорите вы: “Мы всецело действительность, и притом без веры и суеверия”; так выпячиваете вы грудь – ах, даже и не имея груди!»¹⁶⁰.

И весь вопрос в том, согласны ли мы быть «последними людьми», «людьми без груди»? Наш выбор одновременно и есть выбор общества, в котором мы хотели бы жить.

¹⁶⁰ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. С. 460.

Современность как социальная трансформация человека

Связь современности с персональностью человека. Исторические истоки персональной модернизации: Номо capitalismus В. Зомбарта, М. Вебера, К. Поланьи

Социальная жизнь в период с Нового времени тесно связана с модернизацией. В наиболее общем виде модернизация понимается как переход от традиционного общества к современному, современности. Вместе с тем, само понятие современности требует содержательного обоснования, в котором речь не идет о пространственно-временном подходе, о возникновении современного общества в Новое время в Западной Европе. Содержательное обоснование сути современности представлено разными подходами: поисками основного признака современности, описанием институциональной структуры современности, выявлением противоречий капитализма – так называемых дилемм современности. По мнению Д. Аптера, «быть современным – значит воспринимать жизнь как выбор, как предпочтение одного другому, как альтернативность»¹⁶¹; Э. Гидденс делает акцент на описании институциональной структуры современности, выделяя четыре основных института¹⁶²: капитализм (накопление капитала в контексте свободной конкуренции на рынке труда и на рынках сбыта); индустриализм (трансформация природы; развитие «созданной среды»); надзор (контроль над информацией и социальный контроль); военная мощь (контроль над средствами осуществления насилия в контексте индустриализации войны). Отмеченные подходы, безус-

¹⁶¹ Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, 1965. P. 10.

¹⁶² Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича; вступ. ст. Т.А. Дмитриева. М., 2011. С. 182.

ловно, акцентируют важнейшие аспекты современности, но сущностная, философская сторона современности при этом остается в тени. На наш взгляд, на это философское понимание современности обратил внимание Б.Г.Капустин, что и позволяет органично соотнести современность с необходимостью персональной модернизации. Он отмечает, что современность обозначает проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимизировали их порядки, обеспечивали осмысленность общей «картины мира» у членов этих обществ. Этот подрыв и распад высших ценностей в западноевропейском обществе Нового времени не привел к «уходу в трансценденцию», новую, более «истинную» и «глубокую», чем прежняя. «Современность заявляет себя, прежде всего, как двуединая проблема субъективной свободы и общественного порядка. Если нет более той структуры реальности, которая “объективно” задает “общую концепцию человеческой деятельности”, то *«принципом современного общества, как его формулирует Г.В.Ф. Гегель в «Феноменологии духа», выступает «абсолютная самостоятельность» индивида* (выделено мной. – В.В.), т. е. непосредственная достоверность себя самого и тем самым, “безусловное бытие”»¹⁶³. Эта «абсолютная самостоятельность» индивида как «принцип современного общества» может обернуться тотальностью эгоизма со всеми вытекающими последствиями, который нейтрализуется в разных культурно-исторических контекстах современности институциональными, духовными средствами, с помощью которых решается проблема порядка. «Всю историю современности как историю разных обществ, столкнувшихся с “абсолютной самостоятельностью” индивида, можно представить в виде серий удачных и неудачных попыток достичь и поддерживать общественный порядок»¹⁶⁴. Этот переход от традиционализма к современности осмысливается прежде всего как индивидуализация, где базовой социальной единицей во все большей степени становится индивид, а не группа, который дополняется важнейшими социальными изменениями, связанными с передачей функций, ранее принадлежавших «семье», специализированным социальным институтам, которые действуют на основе универсальных правил,

¹⁶³ Капустин Б.Г. Современность // Новая филос. энцикл.: в 4 т. Т. 3. М., 2001. С. 587.

¹⁶⁴ Там же.

предполагающих научную экспертизу. В ходе социально-исторического процесса модернизируются как социальные институты, так и индивид, и его «абсолютная самостоятельность» принимает также конкретно-исторические формы, он не равен самому себе на различных этапах современности.

И эта другая сторона персональной модернизации, наряду с институциональной, является столь же важной, хотя и в меньшей степени исследованной. Ее анализ предполагает ответы на вопросы: что такое *современный человек*, каковы его характеристики, признаки; исторические истоки современного человека и этапы его социальных изменений, доминирующие модели человека, соответствующие этим этапам современности, каковы особенности происходящих сегодня процессов персональной модернизации, ее риски и амбивалентность.

Если под персональной модернизацией понимать проблематизацию взаимодействия индивида с социальными институтами современности, к которым, как правило, относят капитализм, представительскую демократию, централизованные и технологизированные аппараты насилия и войны, индустриализм, «рационально» организованную бюрократию, машины массовых коммуникаций и т. д., то данная проблематизация всегда складывалась как реакция на проблемы, поставленные связью свободы и порядка, и менялась с изменением ситуаций. Именно поэтому персональная модернизация в своем историческом изменении предстает как многообразие моделей человека, его образов, характеров и не исчерпывается проявлением в какой-то одной общественной сфере, например экономической. «Проблема современности состоит именно в том, как возможно общежитие в условиях конфликтного плюрализма моральных, религиозных, политических воззрений, различных до противоположности “стилей жизни”, не сводимых к общему знаменателю и не примиряемых посредством обращения к “объективной” и самоочевидной истине, того, каким надлежит быть человеку и обществу»¹⁶⁵. Исходя из такого понимания современности, персональная модернизация, т. е. историческая трансформация человека, его образа, является *процессуальной, обусловленной в первую очередь изменившимся социокультурным и историческим контекстом* и отвечающим на запросы сло-

¹⁶⁵ Капустин Б.Г. Указ. соч. С. 588.

жившейся ситуации. Каждый из этапов данного процесса имеет свои доминирующие модели человека, которые сами подвержены изменению и трансформации в последующем развитии на основе рефлексивности, критики и новых запросов истории.

**Исторические истоки персональной модернизации:
«Номо capitalismus» В. Зомбарта, К. Поланьи, М. Вебера**

Становление капитализма как определенного типа социального порядка требовало и определенных, отличных от традиционного общества, мировоззренческих ориентаций и определенных типов человеческой личности, способных действовать на свой страх и риск, не полагаясь на блага, дающие индивиду принадлежность к той или иной корпоративной структуре. Индивидуализм и антропоцентризм становятся императивами нового социального порядка. Вместе с тем, истолковываясь они могут по-разному. В. Зомбарт, видный социолог и историк становления капитализма, пишет об этом так: «Торгаш и герой – они образуют два великих тезиса, как бы два полюса ориентации человека на Земле. Торгаш... подходит к жизни с вопросом: что ты, жизнь, можешь мне дать? Он хочет брать, хочет за счет по возможности наименьшего действия со своей стороны выменять для себя по возможности больше, хочет заключить с жизнью приносящую выгоду сделку; это означает, что он беден. Герой вступает в жизнь с вопросом: жизнь, что я могу дать тебе? Он хочет дарить, хочет себя растратить, пожертвовать собой – без какого-либо ответного дара; это значит, что он богат. Торгаш говорит только о “правах”, герой – только о лежащем на нем долге; и даже выполнив все свои обязанности, он все еще чувствует в себе склонность отдавать...»¹⁶⁶.

Торгашеский дух и дух героический как мировоззренческие ориентации имеют разные интенции. В. Зомбарт критикует нищету торгашеского мировоззрения и исповедующего его адепта – торгаша по всем социальным направлениям деятельности: хозяйственной, научной, государственной, военной. Торгашеский дух характеризуется направленностью всего мышления на практические цели, ему соответствует ярко выраженная тяга к телесным

¹⁶⁶ Зомбарт В. Торгаш и герои. Раздумья патриота // Зомбарт В. Собр. соч.: в 3 т. Т. II. СПб., 2005. С. 52.

удобствам, материальному благополучию, комфорту; выгода, связанная с наибольшим удобством и соответствующим набором материальных благ, является важнейшим критерием состоявшейся и успешной индивидуальной жизни. «С точки зрения утилитарно-эвдемонической этики это отдельное существо, этот человечиска заключает с жизнью своего рода пакт, по которому он обязуется совершать определенные действия, но только в виду получения прибыльной оплаты (на этом свете или на том – все равно). Самый гнусный клич, который когда-либо издавала торгашеская душа: поступай “хорошо”, “чтобы все у тебя было благополучно и ты долго жил на этой земле”, – стал девизом всех учений английской этики. “Счастье” есть высшая цель человеческих стремлений»¹⁶⁷. «Наибольшее счастье для наибольшего числа людей», – тезис, который сформулировал Иеремия Бентам, В. Зомбарт назвал подлым «идеалом» на вечные времена. Именно потому, что «счастье» отождествляется с удобством вкупе с благопристойностью и респектабельностью, зарабатывание денег и досуг с каким-нибудь хобби. В. Зомбарт называет их негативными добродетелями, поскольку все они сводятся к тому, чтобы *не* делать того, к чему мы, пожалуй, были бы склонны, повинувшись влечению: умеренность, скромность, прилежание, искренность, справедливость, воздержание во всем, покорность, терпение. В. Зомбарт критикует также и социологические взгляды торгашеского духа на примере Г. Спенсера как их выразителя, который хвалит «истинно человеческие чувства»: уважение к праву собственности других людей, пунктуальность и порядочность, верность супружескому долгу, уважение к чужой индивидуальности, чувство независимости. «В этих низинах этики социальной взаимности рождаются и представления торгаша о “справедливости” и “свободе”... Формула справедливости звучит так: “Каждый свободен делать что захочет, пока он не наносит этим вреда такой же свободе всякого другого”»¹⁶⁸. Таким образом, отмечает В. Зомбарт, свобода уравнивается с произволом (в позитивном) и независимостью (в негативном) смысле и выглядит как подведение баланса торговых сделок, а торгашество и респектабельность, выхолащивающие и принижающие человеческий дух и культуру, считаются следстви-

¹⁶⁷ Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота. С. 19–20.

¹⁶⁸ Там же. С. 20.

ем “естественного” развития, естественное истолковывается как нравственное, выживает сильнейший и наиболее приспособленный к капиталистическому типу общества.

Противоположностью торгашества является героический дух (В. Зомбартом идентифицируется прежде всего с духом немецким). Его представляют люди долга. Немецкие философы – Шопенгауэр, Гегель, Кант, Фихте, Ницше, Гете во все времена с решимостью отвергали утилитаризм, эвдемонизм, т. е. философию выгоды, счастья и наслаждения, отвергая идеал мелких лавочников, видели “низость” в том, чтобы любить свое эмпирическое благополучие и побуждаться только страхом перед его утратой или надеждой на обретение в нынешней или грядущей жизни» (Фихте), воспринимать жизнь не как подарок, предназначенный для наслаждения, а как задачу, над которой нужно потрудиться (Шопенгауэр), восходить из низшей, чувственной жизни к высшей, духовной, что составляет смысл земных скитаний (Ницше), следовать долгу как категорическому нравственному императиву и относиться к собственному существу, которое есть не что иное, как личность, то есть свобода и независимость от всего природного механизма, не иначе как с почтением, а к его законам – с высочайшим вниманием (И. Кант). «Добродетели героя противоположны добродетелям торгаша: «все они позитивны, все бурлят жизнью; это “дарящие добродетели”: готовность к самопожертвованию, верность, простодушие, почтительность, храбрость, благочестие, послушание, доброта»¹⁶⁹. Героическое понимание жизни связано с патриотической настроенностью, служением какому-либо делу, чему-то надындивидуальному, например идее народа, отечества. Оно связано с культивированием «внутреннего человека», с достоинством человека как его нравственной величиной, его творческим служением делу. Ясно, что симпатии В. Зомбарта на стороне героя и героического мировоззрения, но в массе своей на современном этапе развития капитализма доминирует торгаш и его торгашеское миропонимание.

Этот анализ важен тем, что показывает неустранимость антитезы ценностных мировоззренческих ориентаций человека на Земле, с одной стороны, и введением мировоззренческой составляющей в качестве важнейшего компонента в трактовке

¹⁶⁹ Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота. С. 53.

типа экономического человека времен его становления, с другой. Экономический человек, занятый хозяйственной и другими видами деятельности, еще не превратился в одномерного «Homo economicus» как инструментальную модель экономической науки с ограниченным и абстрактным набором качеств, на основе которых возможна калькуляция эффективности производства материальных благ и прибыли.

Человеческое измерение динамики капитализма, предпринятое В. Зомбартом, помимо анализа глобальных мировоззренческих ориентаций экономического человека, представлено посредством описания душевных качеств предпринимателя как главной фигуры капиталистического производства, типов капиталистических предпринимателей, сравнительными характеристиками буржуа старого и нового стиля, характеристиками предпринимательских и мещанских буржуазных натур. Каждое из этих составляющих человеческое измерение динамики капитализма можно подробно анализировать.

Существует ли некая предрасположенность «по природе» в качестве определенных душевных свойств к предпринимательской деятельности? Да, «в каждом законченном буржуа обитают, как нам известно, две души: душа предпринимателя и душа мещанина, которые только в соединении обе образуют капиталистический дух»¹⁷⁰. В. Зомбарт пишет, что существует духовная предрасположенность в предпринимательской натуре – быть толковым, умным и одаренным человеком, иметь желание, охоту к деятельности. **Толковым**, то есть быстрым в схватывании, понимании, острым в суждении, основательным в обслуживании и одаренным надлежащим «чутьем существенного». **Умным** – то есть способным «узнать свет и людей». Уверенным в суждении о людях, уверенным в обращении с ними; уверенным в оценке любого положения вещей; хорошо знакомым прежде всего со слабостями и пороками своих окружающих. Это духовное свойство считается выдающейся чертой больших коммерсантов. **Одаренным** – т. е. богатым «идеями», «выдумками», сопряженными с полнотой «жизненной энергии». Перед глазами встает образ человека, которого мы называем «предприимчивым». Это те

¹⁷⁰ Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Собр. соч.: в 3 т. Т. I. СПб., 2005. С. 250.

свойства предпринимателя, которые являются необходимыми условиями успеха: решительность, постоянство, упорство, неутомимость, стремительность к цели, отвага идти на риск, смелость – все они коренятся в мощной жизненной силе, стоящей выше среднего уровня жизненности или «витальности». Резюмируя, можно сказать, что предпринимательские натуры – это люди с ярко выраженной интеллектуально-волюнтаристической одаренностью, которой они должны обладать сверх обычной степени, чтобы совершить великое, и с зачехнувшей чувственной и душевной жизнью.

В. Зомбарт подчеркивает, что отличие мещанина от немещанина выражает глубокое различие существа двух человеческих типов. Можно сказать, что люди бывают либо отдающими, либо берущими, либо расточительными, либо экономными во всем своем поведении. Оба типа – отдающие и берущие люди, сеньориальные и мещанские натуры различно оценивают мир и жизнь, они резкие противоположности во всякой жизненной ситуации. «У тех (отдающие люди. – *В.В.*) верховные ситуации, субъективные, личные, у этих (берущие люди. – *В.В.*) объективные, вещные; те от природы – люди наслаждения жизнью, эти – прирожденные люди долга; те – единичные личности, эти – стадные люди, те – люди личности, эти – люди вещей...»¹⁷¹. В итоге вывод таков: противоположная предрасположенность находит выражение и в оценке деятельности человека. Одни признают только такую деятельность высокой и достойной, которая делает человека высоким и достойным как личность. Другие объявляют все занятия равноценными, т.к. они полезны. Это различие непонимания отделяет культурные миры друг от друга в зависимости от того, господствуют те или иные воззрения. Из соединения качеств предпринимательской и мещанской натур возникает образ буржуа, и степень массовости у разных народов подобного типа людей различается.

Из страсти к наживе и предпринимательского духа, из мещанства и отчетности строится сложная психика буржуа, которая при этом эволюционирует от раннекапиталистического к современному этапу развития. Сравним характерные черты буржуа старого стиля и современного экономического человека по В. Зомбарту¹⁷².

¹⁷¹ Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. С. 254.

¹⁷² Там же. С. 196–212.

Буржуа старого стиля:

1. Воззрение на смысл богатства и внутреннее отношение к собственной наживе: богатство ценится, нажить его – горячо желаемая цель, но оно не должно быть самоцелью; оно должно только служить к тому, чтобы создавать или сохранять жизненные ценности.

2. Отношение к самой деловой жизни: отношение аналогичное отношению к смыслу наживы. Темп деятельности – спокойный.

3. Отношение к конкуренции: соответствует характеру спокойного ведения дела, «ловля клиентов» считается безнравственной, «нехристианской».

4. Отношение к технике: прогресс в технике желателен только тогда, когда он не разрушает человеческого счастья.

Современный экономический человек:

1. Идеал и центральные неизменные ценности, на которые он ориентируется: живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями вытеснен из центра круга интересов и место его заняли две абстракции: нажива и дело. Человек перестал быть тем, чем оставался до конца раннекапиталистической эпохи – мерой всех вещей.

2. Скорость какого-нибудь события и чего-нибудь предпринятого интересует современного человека так же, как и массовый характер. Скорость и величина соединяются в понятии рекорда.

3. Новое возбуждает любопытство, потому что оно ново. Новизна, сенсация, мода – важное стремление современного человека.

4. Позыв к могуществу как признак современного духа, радость от того, что имеешь возможность показать свое превосходство над другими.

Подводя итог, оценивающий вклад В. Зомбарта, можно выделить следующее. В его концепции модель экономического человека представлена в дескриптивной и типологизирующей форме, вырастающей из многокрасочности исторической картины трансформации общества и человека, связанной со сменой ментальности, стержень которой – отход от заданных традицией образцов, индивидуализм и стремление к обогащению. Палитра человеческих типажей создает многообразие «*homo capitalismus*»: это не только благочестивые трудоголики-протестанты, но и маргиналы – грабители, откупщики, авантюристы, собирательный образ которых несет в себе такие человеческие качества, как изо-

бретательность, организаторские способности, пренебрежение христианскими заповедями, решимость в достижении цели, не взирая на средства. Это образ человека, рациональный душевный механизм которого должен был постепенно перевернуть все жизненные ценности. «Номо capitalismus» представляет собой искусственное и искусное образование, являющееся следствием такого переворота»¹⁷³. Будучи наследником исторической школы, В. Зомбарт не принимал тезисы классической политэкономии, провозгласившей «естественным» поведение «разумного эгоиста», рационально подбирающего средства для достижения своих целей. «Номо economicus» в экономических теориях XIX в., а также и современных теориях стремится к выгоде, тем самым способствуя общему благу, поскольку из эгоистических устремлений частных лиц «невидимая рука рынка» создает гармонию, именуемую равновесием спроса и предложения.

Можно солидаризироваться с оценкой В. Зомбарта, данной ему как теоретику¹⁷⁴. Его можно считать одним из тех авторов, которые подготовили современный институционализм, для которого сами технические изобретения и инновации являются следствием стимулов, приходящих не от экономики как таковой, но от многообразных социальных подсистем. Без юридической системы контроля за выполнением контрактов, без защиты прав собственности технические новшества не внедряются; без системы образования, без заботы о культуре и искусстве чахнет и инженерная мысль.

Если В. Зомбарт связывает исторические истоки персональной модернизации с историей духовного развития современного экономического человека, с выделением неустранимой антитезы ценностных мировоззренческих ориентаций, описывает модель человека-предпринимателя и выводит на историческую арену палитру человеческих типажей, создающих многообразие «*homo capitalismus*», то К. Поланьи дает описание и объяснение содержательных процессов перехода к ранней, а затем зрелой фазе капитализма с соответствующими изменениями роли человека в данной системе социального порядка.

¹⁷³ *Sombart W.* Die Juden und das Wirtschaftsleben. Munchen; Leipzig, 1913. S. 281.

¹⁷⁴ См.: Руткевич А.М. Вернер Зомбарт – историк капитализма // *Зомбарт В.* Собр. соч.: в 3 т. Т. I. СПб., 2005. С. 5–21.

В отличие от предшествующего этапа исторического развития, капитализм сформировал рынок факторов производства, что способствовало промышленной революции и становлению индустриального общества, а впоследствии и общества массового, общества потребления. Эти процессы – универсализации рыночного механизма – имели в себе опасности для общества. Если К. Поланьи формулирует проблему, связанную с трудом, как возможную тенденцию негативного характера, то И. Валлерстайн в работе «Исторический капитализм» подводит баланс побед и поражений капитализма на грани XX–XXI вв. и **показывает, как эта тенденция – превращения всего в товар – исторически реализовывалась.**

Аргументы Поланьи следующие: ключевым моментом является то, что основные факторы промышленности – это труд, земля и деньги, но труд и земля представляют собой не что иное, как сами человеческие существа, из которых состоит всякое общество и естественная среда, в которой они живут. Включить их в рыночный механизм – значит подчинить законам рынка саму субстанцию общества. Характеристика труда, земли и денег как товаров есть полнейшая фикция. Это ориентированные товары. Каждый фактор промышленности считается произведенным для продажи, так как только в этом случае его можно подчинить механизму спроса и предложения, взаимодействующему с ценой. Совершенно очевидно, что труд, земля, деньги – это отнюдь не товары, и применительно к ним принцип «продаваемое и покупаемое производится для продажи» он считает ложным. Труд – это лишь другое название для определенной человеческой деятельности, которая связана с самим процессом жизни, которая «производится» не для продажи, а имеет иной смысл; деятельность эту невозможно отделить от остальных проявлений жизни, сдать на хранение или пустить в оборот. К. Поланьи пишет: «Позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения или хотя бы даже единственным судьей надлежащего объема и методов использования покупательной способности значило бы, в конечном счете, уничтожить человеческое общество. Ибо мнимый товар под названием “рабочая сила” невозможно передвигать с места на место, использовать, как кому заблагорассудится, или даже просто оставить без употребления, не затронув тем самым конкретную человеческую личность, которая является

носителем этого весьма своеобразного товара. Распоряжаясь “рабочей силой” человека, рыночная система, в то же самое время, распоряжается неотделимым от этого ярлыка существом, именуемым “человек”, существом, которое обладает телом, душой и нравственным сознанием. Лишенные предохраняющего заслона в виде системы культурных институтов, люди будут погибать вследствие своей социальной незащищенности; они станут жертвами порока, разврата, преступности и голода, порожденными резкими и мучительными социальными сдвигами»¹⁷⁵.

Но, с другой стороны, на ранних этапах развития капитализма общество противилось любым попыткам превратить его в простой довесок рынку, но рыночная экономика без рынка труда немыслима. Например, в самый бурный период промышленной революции в Англии был принят закон Спинхемленда (1795–1834 гг.) или «система денежной помощи» бедным, которая выдавалась к зарплате в соответствии со специальной шкалой. Эта шкала вводила такое социально-экономическое новшество, как «право на жизнь», и до 1834 г. успешно противодействовала созданию конкурентного рынка труда и была препятствием капиталистической экономике. «Право на жизнь» оказалось смиренной рубашкой, хотя ни одна социальная мера не встречала столь всеобщего одобрения. Родители были избавлены от заботы о детях, а дети больше не зависели от родителей; хозяева могли сколь угодно понижать зарплату, а их работникам, как усердным, так и нерадивым, уже не грозил голод. «Конечный результат оказался ужасающим. Хотя прошло известное время, прежде чем простой человек утратил чувство собственного достоинства настолько, чтобы сознательно предпочитать пособие для бедных заработной плате, его заработная плата, субсидируемая обществом, не могла падать до бесконечности, обрекая его тем самым на судьбу получателя пособия. Английская деревня постепенно пауперизировалась, и поговорка “сел на пособие раз – не слезешь с него никогда” вполне соответствовала действительности. Не учитывая долговременных последствий денежной помощи, невозможно объяснить всю нравственную и социальную деградацию эпохи раннего капитализма»¹⁷⁶.

¹⁷⁵ *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 87.

¹⁷⁶ Там же. С. 95.

Поланьи отмечает, что все наше социальное сознание формировалось по модели, заданной Спинхемлендом. Фигура паупера была в центре дискуссий, а в спорах вокруг закона о бедных формировались взгляды Бентама и Берка, Годвина и Мальтуса, Рикардо и Маркса, Оуэна и Милля, Дарвина и Спенсера, которые и были духовными родителями цивилизации XIX в. вместе с Французской революцией. Именно тогда открылась новая реальность – общество, где социальная связь и социальное взаимодействие составляют его суть. Родилась вдохновляющая концепция прогресса, которая, как казалось, оправдывала грандиозные и мучительные потрясения, ожидавшие человека в будущем. Пауперизм, политическая экономия и открытие общества находились между собой в теснейшей связи. Пауперизм привлек внимание к тому непостижимому факту, что бедность растет вместе с богатством, но это был первый из обескураживающих парадоксов, перед которыми поставило индустриальное общество современного человека. Экономический и материалистический дух господствовал. Для Рикардо и Мальтуса это означало предел человеческих возможностей, Годвин верил в безграничные возможности человека и поэтому отвергал законы рынка. Лишь Р. Оуэн постиг то, что человеческие возможности ограничены не законами рынка, а законами самого общества, он сумел за покровом рынка разглядеть нарождающуюся реальность общества, но это прозрение оказалось исторически несвоевременным, но его теоретические постулаты могут быть актуальны для стран, находящихся на этапе индустриального становления. Ни один мыслитель, считает Поланьи, не постигал феномен индустриального общества глубже, чем Оуэн. Он ясно сознавал различие между обществом и государством; не имея предубеждения против государства, он ожидал от него только того, что оно могло свершить, – разумное вмешательство с целью предотвратить ущерб для граждан, а вовсе не с намерением определять внутреннюю организацию общества; точно так же он не питал никакой враждебности по отношению к машине, нейтральный характер которой был для него очевиден. Ни политический механизм государства, ни технологический аппарат машинного производства не заслонял от него главного – феномен общества. «В основе его мышления лежал отказ от христианства, которому он ставил в вину “индивидуализацию”, иначе говоря, возложение ответственности на харак-

тер самого индивида, что, по мнению Оуэна, означало отрицание реальности общества и его могущественного формирующего воздействия на человеческий характер. Подлинный смысл критики “индивидуализации” заключается в настойчиво проводимой Оуэном идее социальной обусловленности мотивов поведения: “Индивидуализированный человек и все то, что является в христианстве действительно ценным, разделены глубочайшей пропастью, которую им не преодолеть во веки веков”¹⁷⁷.

Именно открытие общества заставило его перешагнуть духовные горизонты христианства и понять истину: поскольку общество реально, человек должен ему, в конце концов, подчиниться. Он также обратил внимание на неустранимые границы свободы, освобождение общества от зла имеет свои неизбежные пределы. Эта граница станет очевидной лишь после того, как человек, пользуясь своими новыми возможностями, в корне преобразует общество.

Фактически Р. Оуэн описал пути, на которые вступило западное человечество, и те громадные последствия, которые влечет за собой фабричное производство. Главные тезисы, формулирующие эти последствия, таковы:

Распространение промышленности коренным образом изменит характер жителей. Новый характер формируется принципом, глубоко враждебным индивидуальному и всеобщему счастью, и поэтому породит самые страшные и постоянные бедствия, если только ему не воспрепятствует законодательное вмешательство и регулирование.

Организация всего общества на принципах прибыли и личной выгоды имеет далеко идущие последствия, что было описано им в психологических терминах. Наиболее очевидным результатом новой институциональной системы явилось разрушение традиционного характера оседлого населения и превращение его в новый человеческий тип, в племя вечных мигрантов и бродяг, лишенных нравственной дисциплины и чувства собственного достоинства, в грубые, вульгарные и бессердечные существа.

Действующие принципы нового порядка враждебны счастью индивида и благополучию общества, и это непременно приводит к величайшим бедствиям, если присущие рыночным институтам

¹⁷⁷ Поланьи К. Указ. соч. С. 144.

тенденции не будут сдержаны сознательным целенаправленным регулированием, эффективность которого должен обеспечить закон, то есть то, что на первый взгляд кажется экономической проблемой, является, по существу, проблемой социальной. Должен быть создан механизм социальной защиты человека от рынка и выведение человеческого труда из сферы рыночных отношений – выделение его как «фиктивного товара» и признание его в качестве самоценного, выражающего суть человеческой природы.

М. Вебер исторические истоки необходимости персональной модернизации связывает с этикой протестантизма, трудовой аскезой и трудом как призванием. Капитализм, достигший господства в современной хозяйственной жизни, воспитывает и создает необходимых ему хозяйственных субъектов – предпринимателей и рабочих – посредством экономического *отбора*. Для того чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма «отбор» в сфере жизненного уклада и отношения к профессии, он должен был, разумеется, сначала возникнуть не у отдельных изолированных друг от друга личностей, а как некое мироощущение, носителями которого являются *группы* людей¹⁷⁸. Вместе с тем, следует отметить, что образец поведения задают отдельные индивиды, а противоречие между харизмой и рутинизацией играет главную роль в социальных изменениях. Такой подход может иметь большой творческий потенциал влияния на динамику социальных изменений. Исследователи творчества М.Вебера отмечают: «В антропологическом плане Вебер находит две характеристики личности, которые могут определить как ее инновационное, так и устойчивое поведение и которые могли бы в моральном плане стать опорой для рутинизации протестантизма – превращения его из религии секты, ищущей спасения для немногих верующих, в широко распространенное мировоззрение – протестантскую этику, связанную с обмирщением протестантизма и нахождением его земных предназначений. *Это – персональность и внутренняя дистанция* (выделено мной. – В.В.). Персональность характеризует отношение человека к конечным смыслам. Это то, что поднимает индивида над рутинной повседневности... Подобный идеал может иметь и

¹⁷⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 76–77.

секулярный характер. Внутренняя дистанция, в понимании Вебера, означает способность индивида отказаться от тех образцов поведения и ценностей, которые не соответствуют личности, твердым принципам индивида»¹⁷⁹. Отметим, что в представленном М. Вебером человеке, соответствующем духу капитализма, выделяются нормативные, социокультурные особенности, но не инструментальные и сугубо функциональные. Динамика персональной модернизации на последующих этапах велед за либеральной современностью будет многократно варьировать между полюсами нормативизма и инструментализма. «Нет сомнения, что Запад стал отличаться от остального мира не наличием природных богатств, полезных ископаемых, а прежде всего проявлением нового, отличного от средневекового человека. Этот человек получил название автономного, ответственного индивида, т. е. такого, кто сам мог планировать свою судьбу, решать им самим поставленные задачи, не порывая с социальным целым. Именно такой человек описан у М. Вебера»¹⁸⁰. Позднее, в исследованиях 70-х гг. XX в., в работах Инкелеса и Смита была верифицирована на основе эмпирических исследований модель современного человека, которая претерпевает радикальные трансформации в зависимости от потребностей доминирования целерациональных систем капитализма – экономики, техники, политики. Можно предположить, что, возможно, в будущем доминирование нормативного ядра культуры как целерациональной системы вернет с необходимостью на историческую арену действия свободного, автономного и ответственного индивида, где цель – достижение человеческого достоинства – станет определяющей. Вместе с тем, исторические вызовы современности выводили на историческую арену в ходе персональной модернизации идеально-типические образы экономического человека, человека модульного, а также и массового человека.

¹⁷⁹ Федотова В.Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. С. 163–169.

¹⁸⁰ Федотова В.Г., Колтаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации, социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 196.

Основы теории персональной модернизации
А. Инкелеса и Д. Смита, ее социальная значимость.
Модель современного человека

С наступлением Нового времени в мире происходили значительные социальные трансформации, связанные с появлением и расцветом национальных государств, развитием промышленности и сельского хозяйства, возвышением науки и образования, урбанизацией и многими другими процессами, которые можно охарактеризовать как социальную модернизацию. В самом общем виде ее можно определить как переход от традиционного общества к современному. Научное социологическое и социально-философское объяснение этим процессам давали классические концепции К. Маркса, М. Вебера, П. Сорокина. Ценности Возрождения, Реформации и Просвещения стали основой для «Великой трансформации» (К. Поланьи) – переходу к становлению и развитию капитализма. В отечественной литературе была показана роль универсалий культуры как социокода развития и различие ценностей, на основе которых существуют традиционные общества и общества техногенной цивилизации (Запад и Восток, вступивший на путь модернизации)¹⁸¹.

В 60-е гг. XX в. в научных исследованиях обозначилась тенденция перехода от глобальных теоретических конструкций к анализу различных аспектов развития – экономических, антропологических, демографических, психологических, то есть дисциплинарных, но, вместе с тем, связанных с идеей модернизации, сравнением обществ традиционных и более или менее современных, но анализирующих прежде всего институциональный уровень. Значительно меньше работ было и остается тех, которые исследуют место индивида, отдельной личности в процессе модернизации, связь человеческих качеств в их взаимодействии со свойствами социальных институтов. С одной стороны, важно знать, какие аспекты социальной системы изменяют индивидов, в каких отношениях, как быстро и при каких условиях, и с другой стороны, как индивидуальные качества людей способны повлиять на социальные изменения, то есть связи социальной структуры и личностных свойств проблематичны.

¹⁸¹ См.: *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб., 2011; *Степин В.С.* Человеческое познание и культура. СПб., 2013.

Исследованию этой проблематичности был посвящен Проект социальных и культурных аспектов экономического развития, инициированный в Гарварде и продолженный учеными в Стэнфорде, посвященный процессу становления современности и процессу персональной модернизации. Особо был выделен проект, исследующий связи образования и персональной модернизации в развивающихся странах. Это была одна из первых попыток А. Инкелеса и Д. Смита¹⁸² и их коллег создать теорию персональной модернизации на основе значительного объема эмпирических социологических и психологических исследований в шести развивающихся странах: Аргентине, Чили, Индии, Израиле, Нигерии и Восточном Пакистане (Бангладеш). Основная цель исследования заключалась в том, чтобы изучить систему персональных качеств людей в зависимости от организационных свойств институтов и ролей, в которые они вовлечены, и тем самым более глубоко понять сущность социальных процессов, а вместе с пониманием создать возможности для выбора мудрой и эффективной политики национального развития. В результате исследования была построена модель современного человека, наиболее важные параметры которой особенно четко выделяются на фоне характеристик традиционного человека. К таким качествам традиционного человека были отнесены следующие:

- покорное восприятие собственной судьбы и отсутствие ощущения собственной значимости;
- страх перед техническими новшествами и недоверчивое отношение ко всему новому;
- изоляция от внешнего мира и отсутствие интереса к происходящему там; зависимость от традиционных лидеров; бытование предрассудков в области семейной жизни;
- отождествление себя с небольшой группой, отстраненность и страх перед большими областями и национальными образованиями;
- благодарность за то малое, что есть, и желание малого;
- иерархическая система взаимоотношений с подчиненными и всеми, стоящими ниже по социальной лестнице;
- недооценка образования, обучения, исследования и других областей, не так очевидных в качестве заработка на хлеб¹⁸³.

¹⁸² *Inkeles A., Smith D.H.* Becoming modern. Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge (Mass.), 1974; *Exploring Individual Modernity / Ed. by A. Inkeles.* N.Y., 1983.

¹⁸³ *Ibid.* P. 350.

Переход от традиционного человека к становлению современного индивидуального человека характеризует процесс персональной модернизации, современным становится не только общество, но и сам человек. В исследовании, о котором идет речь, подчеркивается, что модель современного человека не является умозрительной конструкцией теоретиков-социологов, эти качества соответствуют реальным индивидам, они распространены в различных культурах и разных странах. Характер современного человека в данном проекте представлен четырьмя основными качествами:

– это хорошо информированный, принимающий участие в жизни общества гражданин;

– у него заметно выражено чувство собственной значимости;

– он крайне независим и самостоятелен в своих отношениях к традиционным источникам влияния, особенно когда он принимает важные решения о том, как ему вести его собственные дела;

– он открыт для нового опыта и идей, что означает, что он относительно непредвзят и достаточно гибок¹⁸⁴.

Развернутые характеристики этих основополагающих качеств представлены следующим образом.

1. Хорошо информированный активный гражданин, будучи современным человеком, проявляет интерес к общественным, государственным и международным делам так же, как и к местным событиям, вступает в организации и идентифицирует себя с членством в них, находится в курсе событий в мире, голосует на выборах или иным способом принимает участие в политической жизни.

2. Чувство собственной значимости, присущее современному человеку, отражается в его уверенности в том, что он сам или в союзе с другими своими поступками может влиять на ход собственной жизни или жизни общества. Своими активными действиями он стремится улучшить общественное положение, как свое, так и своей семьи. Он не приемлет покорность и фатализм в отношении к событиям, происходящим в его жизни.

3. Независимость современного человека от традиционных авторитетов выражается в следующем: совет должностных лиц предпочтительнее для него, нежели обращение к священникам или старейшинам деревни; при выборе себе места работы или невесты он основывается на собственных желаниях, даже если его родителям больше нравится другое место или какая-то иная девушка.

¹⁸⁴ Inkeles A., Smith D.H. Op. cit. P. 291.

4. Открытость новым идеям и впечатлениям современного человека отражается в его интересе к новым технологиям, его поддержке научных исследований до настоящего времени запретных объектов, его готовности к встрече с новыми людьми, одобрением для женщин воспользоваться возможностями карьерного роста за пределами дома.

Эти качества современного человека согласуются друг с другом и не исчерпываются только этим перечнем, так как, в отличие от модели традиционного человека, он своеобразен также в подходе к понятию времени, личностному и социальному планированию, к правам зависимых от него людей. Важно при этом подчеркнуть, что эти качества характеризуют скорее более инструментальные позиции и линию поведения, чем этические и сугубо ценностные. Модель современного человека была апробирована на основе социологического опросника «личных заслуг-500» и оказалась репрезентативной, подтверждающей эмпирическую подлинность «синдрома характера индивидуальной современности».

В результате такого масштабного проекта было выяснено следующее: становление человека современным происходит в течение всей жизни в результате контактов с современными социальными институтами. К ним относится, в первую очередь, образование (школа), фабрика (завод), то есть работа в промышленном производстве, средства массовой информации. Во всех исследуемых странах фактор образования неизменно возникал как наиболее влиятельная сила в формировании показателей современного характера. Опыт работы на промышленном предприятии и СМИ разделили второе место с более или менее равными показателями.

Поскольку люди меняются под влиянием модернизирующихся институтов, они делают это, вбирая в себя нормы, присущие таким организациям и посредством выражения их через свое поведение систему ценностей и отношения. В большинстве случаев люди не отвечают на эти нормы неприятием¹⁸⁵.

Современным социальным институтам требуются соответствующие их целям и способам функционирования персональные качества. Даже в слаборазвитых странах на заводе работодатели отдавали предпочтение таким качествам, как персональная эффективность, открытость к нововведениям, отношение к науке и технологии, планирование рабочего времени.

¹⁸⁵ См.: Exploring Individual Modernity / Ed. by A. Inkeles. N.Y., 1983.

Вместе с тем, влияние модернизирующих институтов не является автоматическим, изменения в сторону персональной модернизации представляют процесс взаимодействия, так как процесс персональной модернизации требует личных усилий и выполнения личностных обязательств. В противном случае все без исключения должны стать современными под влиянием современных институтов, однако такого единообразия не существует. Не только в развивающихся, но и в развитых странах существуют различные пропорции между людьми традиционного, промежуточного и современного типа. Данное исследование, например, выявило, что в Израиле и Аргентине больше современного типа людей, чем в других четырех исследуемых странах¹⁸⁶.

Социальная значимость персональной модернизации заключается в том, что изменения в отношениях и ценностных установках, определяющих современный характер человека, сопровождаются тем, что они влияют на процессы изменений в политических и экономических институтах, которые в свою очередь ведут к модернизации государств. Современный человек во всех отношениях более активный гражданин. Внедрение современных институтов, в том числе и политических, заимствованных извне, или навязанных элитой сверху, оказывается бесполезным до тех пор, пока не появятся активные, заинтересованные, информированные и образованные граждане, которые и заставят эти институты по-настоящему эффективно работать. Конечно же, существуют и объективные факторы, препятствующие модернизации, как узкоклассовые интересы, внутренний монополизм, коррупция, религиозные и этические догмы, но вместе с тем, неразвитость страны – это еще и состояние души и умов.

Итог исследования обсуждаемого проекта таков: новые институты нуждаются в людях, которые могут выполнять обязанности без строго и постоянного контроля сверху, они достаточно гибко подходят к решению сложных производственных проблем, с пониманием относятся к своим подчиненным, готовы услышать их предложения по поводу эффективной работы. В развивающихся странах не так уже много людей, обладающих подобными качествами. «Мы считаем, – резюмируют авторы проекта, – что ни стремительный экономический рост, ни сильное правительство не

¹⁸⁶ См.: Exploring Individual Modernity. P. 18.

могут развиваться и иметь продолжительного действия без широкого распространения среди населения качеств, характерных для современного человека. В условиях современного мира качества индивидуального современного характера уже не роскошь, а необходимость. Они не малозначимое приобретение процесса индустриальной модернизации, а неперемное условие для долгосрочного успешного развития. Распространение среди населения качеств современного характера, присущих процессу социального развития, это сама суть государственного развития»¹⁸⁷.

Признаки современного человека (психологический концепт «индивидуальной современности») относится к развивающимся и слабо развитым странам, в первую очередь ориентирующимся на классическую модель догоняющей модернизации, человеческое измерение которой составляет идеальный тип свободного, автономного и ответственного индивида. Свободного от пут традиций, ограничивающих предприимчивость и открытость для инноваций, автономия которого выражается в независимости от «ограниченного человеческого конгломерата» (К.Маркс), то есть сословно-статусной заданной идентичности и соответствующей социальной роли, а также ответственного за свой жизненный выбор и результаты деятельности.

Важно отметить, что проблематизация связи и диалектического взаимодействия институтов современности и находящихся под их влиянием индивидов носит контекстуальный характер. Современность неоднородна по качественным содержательным характеристикам, обновлению доминирующих социальных институтов, этапам социальных изменений и, как следствие, неоднородна по типам модернизаций и способам их изучения. В.Г.Федотова выделяет исторический, политологический, экономический, культурологический, незападный тип модернизации, опыт Юго-Восточной Азии, социологический и социально-философский подходы¹⁸⁸.

В ходе модернизации, перехода к современному обществу, происходит формирование особенностей, коренным образом отличных от традиционного общества. Это «ориентация на инновации

¹⁸⁷ *Inkeles A., Smith D.H.* Op. cit. P. 302.

¹⁸⁸ *Федотова В.Г.* Типология модернизаций и способы их изучения // *Вопр. философии.* 2000. № 4.

и другие черты: преобладание инновации над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; *выделенную персональность* (выделено мной. – В.В.), преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, то есть способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным¹⁸⁹.

В ходе становления современного общества преобладание влияния универсального над локальным трансформирует персональную модернизацию.

Исторические этапы персональной модернизации: свободный, автономный индивид, типы модульного, экономического и массового индивидов

В настоящее время существует множество теорий модернизации, выделяющих важные стороны или этапы этого исторического процесса, и значительно меньше тех работ, в которых выстраивается универсальная логика исторического изменения человека. Даже в таком масштабном проекте, представленном «Обзорным докладом о модернизации в мире и Китае», подготовленным китайской Академией наук, и в материалах конференции по этой проблеме отмечается, что модернизация связана с индивидуализацией, изменением качества жизни и рассмотрением человека как ресурса социально-экономического развития, а вопрос об индивидуальной модернизации относится к частным теориям¹⁹⁰. Вместе с тем в материалах Конференции выделен раздел, посвященный поведению индивидов, где универсальные элементы цивилизации – гендерные роли, любовь, базовые потребности и этикет в традиционном обществе представлены консервативностью, пассивностью, ценностью общности, а «на этапе первичной модер-

¹⁸⁹ Федотова В.Г. Типология модернизаций и способы их изучения. С. 20.

¹⁹⁰ Обзорный Доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М., 2011. С. 96, 236–237.

низации (индустриальное общество) – открытостью, активностью, равноправием, независимостью, ценностью индивида. На этапе вторичной модернизации (общество знаний) – инновациями, обучением на протяжении всей жизни, индивидуализацией, счастьем и самореализацией»¹⁹¹.

Выявленный в проекте А. Инкелеса и Д. Смита социально-психологический концепт «индивидуальной (персональной) современности» относится к развивающимся странам, ориентирующимся в первую очередь на модель догоняющей модернизации, человеческое измерение которой составляет идеальный тип свободного, автономного и ответственного индивида, свободного от пут традиций, ограничивающих предприимчивость и открытость для инноваций, автономия которого выражается в независимости от сословно-статусной заданной идентичности и соответствующей ей социальной роли, а также ответственного за свой жизненный выбор и результаты деятельности. Вместе с тем эти же качества современного характера образуют известное «средство» с признаками человеческого капитала, востребованными на более поздних этапах персональной модернизации в информационном обществе, обществе знаний.

Важно отметить, что проблематизация связи и диалектического взаимодействия институтов современности и находящихся под их влиянием индивидов, что составляет определение сути персональной модернизации, носит контекстуальный и процессуальный характер. Она не дана раз и навсегда в неизменном виде. Современность неоднородна по качественным содержательным характеристикам, в ней обновляются доминирующие социальные институты, она неоднородна по своим качественным этапам. Концепция качественно различных этапов современности и соответствующей им логики трансформации человека была предложена отечественными исследователями В.Г. Федотовой, В.А. Колпаковым, Н.Н. Федотовой. Этапам либеральной, организованной и существующей в настоящее время современности соответствует своя логика исторической модернизации человека. «Автономный ответственный индивид – модульный человек – экономический человек Первой современности; массовый – манипулируемый организациями и техноструктурами – добившийся справедливого распределения че-

¹⁹¹ Цивилизация и модернизация. Материалы российско-китайской конференции 29–31 мая 2012 г. М., 2013. С. 19.

рез социал-демократические установления – ставший потребителем в потребительском обществе – бунтарем в моменты его кризиса. Третья современность еще не сформировалась. Она началась с 1990-х гг. XX в., и человек здесь сначала попытался освоить черты Первой современности – быть экономическим, оставаясь массовым потребителем, что Первой современности не свойственно»¹⁹². Если свободный автономный, ответственный индивид возникает на этапе либеральной современности и получает свои характерные особенности в сравнении с типом традиционного человека, то модульный человек составляет «матрицу» Первой современности.

Модульный человек – индивидуализация без заданной спецификации

Понятие «модульного человека» в научный оборот ввел Э. Геллнер – ученый факультета социальной антропологии Кембриджского университета, а впоследствии – сотрудник Центра по изучению национализма Центральноевропейского университета в Праге. Э. Геллнер связывает возможности и необходимость гражданского общества с появлением модульного человека. Проблему, как вообще возможно гражданское общество, он конкретизирует вопросами о том, каким образом можно достичь индивидуализации, избежав при этом политической кастрации самостоятельного человека, как при этом получить уравновешивающие государство политические ассоциации, не закрепощающие своих членов атмосферой удушающей несвободы. Гражданское общество позволяет это сделать, так как ключевым моментом является модульный человек. Каковы же признаки модульного человека?

1. «Модульный человек способен встраиваться в эффективные институты и ассоциации, которые *не обязательно* должны быть тотальными, ритуально оформленными».

2. «Он может, не связывая себя ритуальным жертвоприношением, входить во временные союзы, имеющие “вполне определенную конкретную цель”, и покидать их, если не согласен с их политикой, и никто не станет обвинять его в измене»¹⁹³.

¹⁹² Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм. С. 387.

¹⁹³ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. С. 108.

Суть гражданского общества заключается в формировании связей, которые оказываются эффективными и в то же время являются гибкими, специализированными, инструментальными. И модульный человек отвечает этим запросам, так как он похож на других представителей и вместе с тем открыт новому опыту, следствием которого является его переменчивость. «Современный модульный человек может перемещаться в социуме не только потому, что он похож на других представителей своей культуры, и может играть в ней роль пастуха, или крестьянина, или какую-то иную роль, изначально заложенную в ее нормативном фундаменте. Напротив, он готов к любым переменам... в своих занятиях и своей деятельности. Его модульность – это способность в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи. И если понадобится, в его распоряжении всегда есть руководства и учебники, которые позволяют ему, пользуясь языком данной культуры, освоить практически любое дело»¹⁹⁴. Именно в этом состоит подлинная модульность в отличие от примитивной схожести и, тем самым, взаимозаменяемости членов предшествующих исторических сообществ. Так понятый модульный человек – это любая возможность индивидуализации без заранее обозначенной и жесткой спецификации или специализации. «Только современный модульный человек является одновременно индивидуалистом и эгалитаристом и, тем не менее, отличается способностью, объединяясь со своими согражданами, слаженно противостоять государству и решать задачи в диапазоне, невероятном по своему разнообразию. Появление (и воспроизводство) такого человека является проблемой проблем гражданского общества»¹⁹⁵. Появление модульного человека стало ответом и на такие вызовы современности, как индустриализм, эффективность развития капитализма явилась условием мобильности общества, т. е. взаимозаменяемости его членов, а также условием постоянной массовой анонимной коммуникации (в качестве представителя определенной кодифицированной культуры). Персональная модернизация, связанная с появлением на исторической арене модульного человека как реальности и как идеально-типического образа, впоследствии наполняемого изме-

¹⁹⁴ Геллнер Э. Условья свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. С. 110.

¹⁹⁵ Там же. С. 111.

няющимся историческим содержанием, имела принципиальное значение. «Модульное устройство человека, тесно связанное с индустриальным, ориентированным на развитие обществом, имеет два аспекта... Во-первых, оно делает **возможным** гражданское общество, т. е. систему уравнивающих государство плюралистических ассоциаций и экономических институтов, которые, однако, не закрепощают человека. Во-вторых, оно **обязательно** повышает значение этнической идентичности, поскольку человек уже не привязан к раз и навсегда заданной социальной нише, а вместо этого приобщен к некоторому пространству культуры»¹⁹⁶. Можно добавить, в-третьих, что риски модульного человека, в силу его адаптивности и открытости, связаны, на наш взгляд, с возможностями социального конформизма и индоктринации. Обращается внимание на то, что «в процессе социального развития модульный человек автономен и ответственен, но менее свободен, чем прежде: он может быть уподоблен “кирпичику” и представляет собой готовый для строительства западного общества “блок”. Эта концепция имплицитно содержит критику упрощения человека, направившего все усилия на эффективное стяжание благ, показывая нового западного человека в более широком плане, не сводимом к экономике»¹⁹⁷, но реально такое сведение произойдет вследствие разрыва таких людей с высокой культурой, и манипулирование ими приведет к обрыву либеральной современности и замене ее организованный, – пишут авторы цитируемой концепции, а модульный человек, который стал продуктом Первой великой трансформации и во многом остающийся таковым и по сей день, в конце первой либеральной современности превратился в еще более удобное для манипуляций существо – «экономического человека».

«Homo economicus»: теоретическая модель и ее прототип

Обозначим кратко некоторые характеристики этой модели, которая также показывает направленность персональной модернизации, как в эпоху либеральной современности, так и в последующем – в массовом потребительском обществе. «В эпоху Первой великой трансформации заметной фигурой капитализма в этот

¹⁹⁶ Геллнер Э. Указ. соч. С. 135.

¹⁹⁷ Федотова В.Г., Колтаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм. С. 178.

период стал “экономический человек”. Перспектива модульного, но в то же время творческого сужалась онтологизацией человека до “экономического”, тем более в условиях классовых различий и разного масштаба экономических возможностей людей. “Экономический человек” – это теоретический конструкт, имевший свой прототип в реальной капиталистической практике, – распространяемый под знаменем успеха и рациональности на других участников капиталистического производства, а также на прочих членов общества»¹⁹⁸. Отождествление экономической деятельности только с ее рыночной формой неолиберальной идеологией, а «человека вообще» с экономическим человеком репрезентирует жадного и рационального одиночку, устремленного к максимуму удовлетворений при минимизации издержек.

Если же говорить о современной экономической науке, то нет единого классического определения модели «экономического человека». В общем виде она содержит три группы факторов, представляющих *цели* человека, *средства* для их достижения, как вещественные, так и идеальные, и *информацию*, знание о процессах, посредством которых средства ведут к достижению целей. Схему модели экономического человека дает В.С. Автономов¹⁹⁹, которая сложилась в ходе более чем двухвековой эволюции экономической науки. За это время некоторые признаки экономического человека, такие как неприменимый эгоизм, полнота информации, отпали как необязательные. Главная характеристика современного экономического человека заключается в максимизации целевой функции. Это свойство можно назвать экономической рациональностью, а главным признаком экономических явлений считают рациональный выбор, соизмерение целей и ограниченных ресурсов для их достижения. Из методологической абстракции экономической науки на этапе становления потребительского общества «*Homo economicus*» стал в качестве рационального максимизатора удовлетворений представляться реальностью, к которой надо стремиться.

Персональная модернизация на этапе индустриализма (конвейерное производство, «фордизм») и на этапе потребительского, массового общества несла в себе тенденцию деиндивидуализации. На

¹⁹⁸ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм. С. 197.

¹⁹⁹ Автономов В.С. Экономическая антропология и модель человека // Очерки экономической антропологии. М., 1999. С. 18–20.

этапе организованной современности, возвышения техники и технократии, человеческий труд заменяется машинами и вытесняется в сервис и не всегда становится востребованным, появляются «лишние люди», возникает феномен негативной индивидуализации.

Массовый человек – индивидуализм без индивидуальности

С середины XX в. происходит вытеснение людей из сферы производства техникой и формируется потребительское общество, главной фигурой которого становится потребитель. Потребление становится основой стабилизации и выживания капитализма. Ортега-и-Гассет одним из первых создал критическую концепцию массового общества, где в работе «Восстание масс» обозначил, что массы – это «средние люди», характеризующиеся банальностью и посредственностью. Он выделил такие признаки массового человека: «беспрепятственный рост жизненных запросов», «безудержную экспансию собственной натуры», «врожденную неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь». Г. Маркузе обосновывает рост «ложных потребностей» в стабилизации капитализма, которые отвлекают от истинных, подлинных – быть творческими, независимыми людьми, жить свободно и думать самостоятельно. Ж. Делёз обращает внимание на то, что «управляемая масса» (люди в церкви, на фабрике, в армии и т. п.), для которой характерна непосредственная физическая близость вовлеченных лиц, сменяется «контролируемой массой» (с помощью СМИ, рекламы, Интернета) и не предполагает обязательного личного контакта индивидов, осуществляя «мягкий соблазн» (Ж. Бодрийяр) посредством «машины желаний» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари). Существует точка зрения, «что “омассовление” и “массофикация” не являются тождественными. Первое – означает количественные процессы, связанные с крупной промышленностью и урбанизацией, а “массофикация” – это процесс становления массового человека, т. е. качественная характеристика “подгонки” личности под массовый стандарт, когда мышление и сознание личности подстраиваются под образцы, не просто господствующие в массе, но *«требуемые»* обществом»²⁰⁰ под влиянием массовой культуры, СМИ в ин-

²⁰⁰ Самохвалова В.И. Массовый человек как герой и потребитель масскульты // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 104.

формационном обществе. Индивидуализм без индивидуальности предстает как массовая мещанская психология, интегрированный в нее человек предстает не как личность, имеющая самостоятельную ценность, а как *товар*, имеющий свою *цену*, как и все остальное на рынке.

Характеристики массового человека:

Индивидуализм как деиндивидуализация сознательно насаждается, поскольку современное общество нуждается в максимально одинаковых, схожих людях, которыми проще управлять. Рынок также заинтересован в стандартизации личностей, как и товаров. Стандартные вкусы легче направлять, дешевле удовлетворять. Их легче формировать и угадывать. Творческое начало при этом все более уходит из трудового процесса; творческая личность все менее оказывается востребована в обществе массовых людей. Массовый человек становится все более опустошенным при всем многообразии и яркости внешнего наполнения его бытия, все более внутренне безликим и бесцветным при внешней претенциозности. При всем утверждении предприимчивости и инициативы человек в действительности становится все менее способным к самостоятельному решению проблем²⁰¹.

Подобные характеристики человека общества массового потребления относятся к большинству «средних индивидов», и в результате происходит истощение запасов пассионарности в обществе, и этот процесс может породить застой общества, в то время как общество, состоящее из индивидуальностей, развивается за счет многообразия и становится более способным к совершенствованию. «Не нужно особой зоркости, чтобы увидеть, сколько неповторимого должно будет погибнуть, если определяющей формой человека станет не высокоразвитый индивид, а множество похожих друг на друга человеческих единиц»²⁰². Идею об исчезновении истинной индивидуальности развивает Ж. Бодрийяр²⁰³, когда говорит о персонализации, основой которой является не индивидуальность личности, а потребление, основанное на различии потребляемых знаков, которые символизируют статус вещей или человеческих отношений. Самости нет, но есть различие персонализации. Подводя промежуточный итог, следует согласиться с тем,

²⁰¹ Самохвалова В.И. Массовый человек как герой и потребитель масскульты. С. 117.

²⁰² Гвардини Р. Конец Нового времени // Феномен человека. Антология. М., 1993. С. 269.

²⁰³ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. С. 269.

что «если классический либеральный капитализм преобразовывал автономного и ответственного индивида в “человека модульного”, а последнего в “экономического человека”, то организованный капитализм превратил “модульного человека” в массового человека потребительского общества, упрощенный вариант “человека экономического”»²⁰⁴.

В заключение отметим следующее. Исторический процесс персональной модернизации является столь же драматичным, как и модернизация общества. В ситуации потери трансцендентных оснований для обоснования своего развития самообоснование современности происходит как рефлексия о трансформации самого индивида, как ответ на историческое изменение социальных институтов и взаимодействующего с ними человека. Анализ персональной модернизации и исторических этапов развития общества показывает, на наш взгляд, что существует запрос на индивидуальность личности, несмотря на доминирование в настоящем массового человека потребительского общества. Поэтому уже сегодня возникает общественный запрос в постиндустриальном обществе знания на человеческий капитал и развитие человеческого потенциала, так как оптимистичный сценарий развития общества в будущем связан с сохранением и преумножением пассионарности. Становится актуальной проблема управления развитием человеческого капитала²⁰⁵, создания условий для развития человеческого потенциала и анализ российского контекста персональной модернизации.

Персональная модернизация в институциональных формах позднего модерна. Рефлексивность современности

По сравнению с прежними социальными порядками в современности имеют большое значение некоторые специфические признаки: темп и масштаб изменений. Темп изменений, скорость которых наиболее очевидна в технологиях, проникает во все сферы социальной жизни. Отсюда проблема адаптации человека ко

²⁰⁴ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм. С. 263.

²⁰⁵ Веряскина В.П. Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика // Филос. науки. 2012. № 6. С. 143–155.

все возрастающей скорости социальных изменений. Возникает ряд проблем, которые современный человек должен решать в ходе персональной модернизации – поддерживать физическое и психическое здоровье, стрессоустойчивость, адекватную ритму жизни, осуществлять постоянное переобучение, повышение квалификации, профессионализма и компетенции. Изменяется не только темп, но и масштаб изменений, особенно в контексте глобализации. Выделяются три основных источника динамизма современности, связанные друг с другом. «Разделение времени и пространства. Это условие дистанции времени и пространства неопределенно больших масштабов; оно создает средства четкого временного и пространственного зонирования. Развитие механизмов высвобождения. Они “извлекают” социальную деятельность из локализованных контекстов, реорганизуя социальные отношения на больших пространственно-временных интервалах. Рефлексивное усвоение знания. Производство систематических знаний о социальной жизни становится неотделимым от системы воспроизводства, отделяя социальную жизнь от стабильных элементов традиции»²⁰⁶. Э.Гидденс подчеркивает, что, взятые вместе, эти черты современных институтов помогают объяснить, почему жизнь в современном мире больше похожа на пребывание в качестве пассажира неудержимо несущейся вперед колесницы, нежели на пребывание в тщательно контролируемом и управляемом профессиональном автомобиле.

К механизмам высвобождения, существенным образом задействованным в развитии современных социальных институтов, он относит два типа: символические знаковые системы и образование экспертных систем. «Под символическими знаковыми системами я подразумеваю, – пишет он, – средства обмена, которые могут “находиться в обороте” независимо от специфических свойств индивидов или групп, использующих их в каждый данный момент». Типичный маркер таких систем – деньги, власть. «Под экспертными системами я подразумеваю системы технического исполнения или профессиональной экспертизы, организующие значительные фрагменты материального или социального окружения, в котором мы сегодня живем»²⁰⁷.

²⁰⁶ Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 174.

²⁰⁷ Там же. С. 136.

Деньги – «чистый товар», они средство дистанции пространства и времени, позволяют владельцу и его имуществу существовать на удалении друг от друга, осуществлять экономическое взаимодействие вне непосредственного личного контакта. Экспертные системы, объединяющие в единое целое знания экспертов, оказывают постоянное влияние на повседневную жизнь и так же, как символические системы, вычлениют социальные отношения из их непосредственного контакта. Таким образом, человек поставлен в такие условия существования, при которых персональная модернизация осуществляется на основе доверия к абстрактным системам, а «точками доступа» (Э. Гидденс) становится человек, обслуживающий эти абстрактные системы, т. е. доверием облечены не индивиды, а абстрактные позиции.

В изменяющемся контексте современности особенности, выделенные в модели современного человека, подвергаются неизбежной трансформации. Хорошо информированный и активный гражданин с выраженным чувством собственной значимости, независимый по отношению к традиционным источникам влияния и открытый для нового опыта, включенный в универсальный для всех контекст абстрактных знаковых символических знаний, не может в полной мере контролировать повседневные жизненные обстоятельства, создающие риски и непредсказуемый характер современности. Поэтому, отмечает Э. Гидденс, все мы являемся «простаками» в отношении значительного количества экспертных систем. Потеря контроля, которую многие из нас чувствуют относительно некоторых обстоятельств нашей жизни, реальна.

Важнейшей характеристикой институциональной системы современности – позднего модерна является рефлексивность, в ее основе лежит функционирование знания. Рефлексивная модернизация и персональная на стадии развитой, поздней современности становятся взаимосвязанными процессами. «Рефлексивность современной социальной жизни заключается в том факте, что социальные практики постоянно исследуются и реформируются в свете вновь поступающей информации об этих же практиках, меняясь в результате этого в самих своих основах»²⁰⁸. Вместе с тем, тезис о том, что увеличение знаний о социальной жизни равносильно уси-

²⁰⁸ Гидденс Э. Последствия современности. С. 156.

лению контроля над нашей судьбой, ложен. Развитие нашего понимания социального мира могло бы вести нас ко все более ясному пониманию человеческих институтов и, следовательно, к постоянно нарастающему «технологическому» контролю над ними, если бы социальная жизнь была полностью отделена от человеческого знания о ней либо это знание могло непрерывно проникать в области мотивов социального действия, вызывая последовательное увеличение «рациональности» поведения относительно определенных целей²⁰⁹. В реальности же существует ряд факторов, противодействующих нарастающему «технологическому» контролю. К ним относятся: непреднамеренные последствия человеческой деятельности; это разница потенциалов, выражающаяся в том, что некоторые индивиды и группы в состоянии быстрее других усваивать специализированные знания и применять их в своих интересах; знание связано с ценностями и сетью взаимного влияния; кроме того, важен фактор циркуляции социального знания в рамках «двойной герменевтики», то есть знание в своем рефлексивном применении к системе воспроизводства изменяет природу ситуаций, к которым оно изначально относилось. Учитывая такую роль знания, можно вести речь не только о рефлексивности современности, но и о личном «Я» как рефлексивном проекте²¹⁰, характеризующем персональную модернизацию на стадии «радикализованной современности». Современная личность как «рефлексивный проект» основывается на самостоятельном выборе самоидентичности и жизненного стиля. Так как в современности традиция отходит на второй план при взаимодействии локального и глобального в повседневной жизни осуществляется выбор из большого количества вариантов. Эти варианты предоставляют эксперты в медицине, диетологии, психотерапии, финансах, а глобальные СМИ информируют о моде, моделях поведения, сексуальных практиках, жизненных ориентациях. «Самоидентичность приобретает характер рефлексивного проекта с помощью таких форм становления, как автобиографическое повествование, достижения аутентичности “Я”, понятой как верность самому себе, придающей смысл жизненному пути»²¹¹. Кроме того,

²⁰⁹ Гидденс Э. Последствия современности. С. 162.

²¹⁰ Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Stanford (California): Stanford University Press. 1991.

²¹¹ Ibid.

рефлексивный проект личности нацелен и на телесность индивида с помощью телесных практик – спортивных, медицинских, диетических, косметологических. Таким образом, «тело также становится неотъемлемой частью самоидентичности как рефлексивного проекта. В условиях поздней современности тело во все возрастающей степени социализируется и вовлекается в рефлексивную организацию социальной жизни»²¹².

Персональная модернизация, помимо форм, реализующихся в повседневном существовании, тесно связана с развитием старых и возникновением новых институциональных измерений современности. К ним Э. Гидденс относит *капитализм* (накопление капитала в контексте свободной конкуренции на рынке труда и на рынках сбыта), *индустриализм* (трансформация природы: развитие «созданной среды»), *надзор* (контроль над информацией и социальный контроль), *военная мощь* (контроль над средствами осуществления насилия в контексте индустриализации войны). Каждый из этих институтов влияет на характер персональной модернизации. Эти институты требуют соответствующей трансформации индивидов. Капитализм невозможен без свободной рабочей силы в качестве товара, он как фактор производства в виде человеческого капитала усиливает свою роль в современной экономике, так как способен приносить все возрастающую прибыль. Содержание, качество и управление человеческим капиталом является наиболее значимым выражением содержания персональной модернизации в современных условиях. Существуют обоснованные позиции о том, что «при наличии человеческого капитала более высокого качества государства теоретически смогут найти способы быстрее нагнать конкурентов и с большей легкостью ликвидировать разрывы в показателях производительности, что станет шагом вперед в сфере выравнивания доходов; развитие знаний и человеческого капитала могло бы играть роль основной движущей силы экономического развития и сокращения бедности»²¹³. Каждое из институциональных измерений современности связано с персональной модернизацией.

²¹² Giddens A. Op. cit. P. 98.

²¹³ Шахид Юсуф, а также Ангус Дитон, Кемаль Дервиш, Уильям Истерли, Токабоши Ибон и Джозеф Ю. Стиглиц. Экономика развития. Сквозь десятилетия. Критический взгляд на 30 лет подготовки Докладов о мировом развитии. Всемирный банк. М., 2012. С. 77–78.

цией. На поверхности лежит проблема влияния машин, связанная с нарастающим индустриализмом в сфере экономики, информации, быта, взаимоотношений «человек – машина». Институт надзора, осуществляемый национальным государством, над информацией и контролем над человеком, невозможно недооценивать, отталкиваясь от дисциплинарных практик (М. Фуко) до манипуляций посредством СМИ. Индустриализация войны создает высокозначимые риски в мире, где «нет других» (рискуют все, независимо от каких бы то ни было различий) и существует при этом угроза тотальной экологической катастрофы.

Выделенные Э. Гидденсом условия динамизма современности, влияющие на ее институциональную структуру, выступают в качестве универсальных оснований высокого модерна (поздней современности), влияющих на персональную модернизацию. Вместе с тем, данная теория современности оставляет в тени, по крайней мере, два существенных момента: 1) современность неоднородна, она имеет этапы социальных изменений; 2) **современность многообразна** в культурном отношении.

Теоретическая концептуализация Э. Гидденса была предложена в последней трети XX в., и с этого времени появились новые тенденции в исследованиях, связанные с моделями «национальных модернизаций» и типологией этапов современности.

Теоретическая концепция, обосновывающая качественную неоднородность современности и выделяющая ее типы, была обоснована рядом авторов – В.Г. Федотовой, В.А. Колпаковым, Н.Н. Федотовой²¹⁴.

Первая великая трансформация – генезис капитализма и становление его классической фазы, вторая великая трансформация – организованная современность: между двумя глобализациями (1914–1989 г.) (1989 г. – настоящее время – новое Новое время для незападных стран). Была глубоко проанализирована специфика каждого из этапов великих трансформаций и показана неоднородность современности, ее различные типы. Этим типам современности соответствуют определенные типы идентичности людей. Трансформация идентичности, соответствующая этапам современности, является одним из проявлений многомерного процес-

²¹⁴ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм.

са персональной модернизации, содержание, формы, механизмы и движущие силы которой важно исследовать, в частности, основополагающую модель экономического человека²¹⁵. В исследовательском поле процесса персональной модернизации приобретают особое значение те направления, которые отходят от абстрактных и универсальных моделей и стремятся к обоснованию множественности моделей национальных и региональных, в основе которых в качестве детерминирующего фактора лежит культура.

**Культура как «конкурентное состояние ума»:
на пути к национальным и региональным
моделям персональной модернизации**

Очевидным фактом является то, что некоторые страны оказываются более успешными в модернизации, чем другие. Как выяснилось, это во многом зависит от культурных ценностей и установок людей, так как под их влиянием складываются принципы организации экономической жизни как основы разнообразных социальных программ. Примером может служить влияние конфуцианского гуманизма на модернизацию в Китае и Восточной Азии, оцениваемого как позитивный потенциал в модернизации данного региона. Ту Вэймин выделяет ряд ключевых моментов восточноазиатской программы модернизации²¹⁶:

– Государственное вмешательство в рыночную экономику не только необходимо, но и желательно. Доктрина, согласно которой власть есть неизбежное зло, а «невидимая рука» рынка способна сама поддерживать общественное равновесие, не соответствует современному опыту, ни западному, ни восточному. Власть, чутко относящаяся к общественным нуждам, заботящаяся о состоянии людей и ответственная перед народом, исключительно важна для обеспечения спокойствия.

– Закон представляет собой минимальное условие поддержания стабильности, «органической солидарности» можно добиться с помощью глубоких социальных установлений. Цивилизованное поведение не достигается с помощью наказания. Следование истинному учению требует

²¹⁵ См.: *Верякина В.П.* Блеск и нищета homo economicus: теоретическая модель и ее онтологический статус // *Филос. науки.* 2009. № 2. С. 9–27.

²¹⁶ *Вэймин Ту.* Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. С. 245–246.

добровольного участия. Один лишь закон не способен вызвать чувство стыда, без которого цивилизованное поведение невозможно. Люди общаются к высшей истине благодаря общественным ритуалам.

– Семья выступает в роли главного звена, передающего ритуалы от поколения к поколению. Взаимоотношения внутри семьи, дифференцированные в соответствии с возрастом, полом, авторитетом, статусом, создают богатое естественное окружение, в котором можно приобрести навыки правильного поведения. Принцип взаимности присущ всем разновидностям внутрисемейных отношений. Возраст и пол, две наиболее глубокие разграничительные линии внутри человеческого сообщества, непрерывно преодолеваются в семье, благодаря заботе ее членов друг о друге.

– В подобной среде гражданское общество не играет первостепенной роли, поскольку оно находится выше семьи и за рамками государства. Взгляд, согласно которому семья есть микроскопическая модель государства, а само государство – большая семья, имеет важное политическое значение. Гражданское общество – посредник между семьей и государством. Динамика частного и публичного позволяет гражданскому обществу вносить свой вклад в социальное процветание.

– Образование должно стать гражданской религией общества. Главная цель образования – воспитание характера. Работая над созданием всесторонней личности, школа обязана стимулировать не только когнитивные, но и этические навыки. Учебные заведения должны учить аккумуляции «социального капитала» через коммуникацию. Помимо приобретения знаний и навыков, школьнику следует расширять свою культурную компетенцию и приобщаться к духовным ценностям.

– Поскольку самовоспитание является основой порядка в семье, государстве и мире, качество жизни в конкретном обществе зависит от уровня самовоспитания его членов. Социум, который настаивает на самовоспитании как на необходимом условии общественного прогресса, видит в политическом руководстве стремление к добродетели, во взаимопомощи – средство личной самореализации, в семейных ценностях – путь к подлинной человечности, в гражданственности – метод естественного вовлечения людей в дела общества, в образовании – созидание характера.

Эти положения, несомненно, содержат характеристику персональной модернизации по-восточному, на основе национальных культурных традиций и менталитета. Сам Ту Вэймин обращает внимание, что такие ценности Просвещения, как инструментальная рациональность, права и свободы человека, верховенство закона, неприкосновенность частной жизни и ин-

дивидуализм, в наше время приобрели универсальное значение. Но, как показывает пример Восточной Азии, конфуцианские ценности сострадания, уравнилельной справедливости, чувства долга, приверженности ритуалам, ориентации на группу также стали общепризнанными. Повышенная склонность Запада к саморефлексии позволит понять роль жизненного опыта миллионов людей и способствовать диалогу цивилизаций. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии – Японии, четырех «мини-драконов» – материкового Китая, Вьетнама, Южной Кореи, свидетельствует, что не только экономические и политические факторы, но и культурная традиция оказывают заметное воздействие на процесс модернизации, а персональные качества людей находятся под ее воздействием.

Особое влияние на процесс персональной модернизации могут оказывать такие элементы культуры как «ментальные модели». Это такие конструкции, с помощью которых окружающему миру приписывается смысл. В современном мире важны стратегии развития, в том числе связанные с воззрениями на возникновение богатства. «Стратегии, основанные на изобилии ресурсов и дешевой рабочей силе, можно назвать “стратегиями сравнительных преимуществ”. Ни та, ни другая не способны обеспечить подъем жизненного уровня народа»²¹⁷.

Как правило, отмечает С.Линдсей, в развивающихся странах довлеет представление о решающем значении относительных преимуществ, зачастую укорененное в институтах, законах, политике. На самом деле процветание и экономическое развитие требует не только необходимой базы, но и определенного состояния умов, нацеленного на конкуренцию и внедрение нового. Существует потребность в «конкурентном состоянии ума». Поэтому оказывается важным преобразование ментальных моделей на микроуровне, в деятельности индивидов, занимающихся бизнесом и предпринимательством. Устойчивые мотивы мышления, как правило, проявляются при различных стратегиях, которые могут способствовать или препятствовать прогрессу²¹⁸.

²¹⁷ *Линдсей С.* Культура, ментальные модели и национальное процветание // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и Л. Хантингтона. М., 2002. С. 277.

²¹⁸ Там же. С. 279.

Таблица 3

Сравнительные преимущества <i>Качества, противодействующие прогрессу</i>	Конкурентные преимущества <i>Качества, способствующие прогрессу</i>
1. Защищенность рисков. 2. Сосредоточенность на макроэкономике. 3. Ограниченный доступ к лидерам. 4. Приоритет, отдаваемый физическому и финансовому капиталу. 5. Иерархическая жесткая структура. 6. Увлечение масштабными проектами. 7. Зависимость от иностранных партнеров. 8. Реактивный подход. 9. Правительство как главный стратег. 10. Перераспределение богатства. 11. Патернализм.	1. Глобализация и конкуренция. 2. Сосредоточенность на микроэкономике. 3. Повышение производительности на уровне отдельных фирм. 4. Приоритет, отдаваемый человеческому и информационному капиталу. 5. Меритократическая и гибкая структура. 6. Умение приспосабливаться к запросам дня. 7. Активная миграция капитала. 8. Проактивный подход. 9. Сотрудничество бизнеса и власти. 10. Создание богатства. 11. Новаторство.

Таблица наглядно показывает, что ментальные модели, на основе которых вырабатывается стратегия развития, исходящая из убеждения о происхождении богатства на основе относительных преимуществ, противостоит преобразованиям по сравнению с конкурентными преимуществами. Вместе с тем конкурентные преимущества во многом определяются качествами, возникающими в ходе персональной модернизации, в которой качество человеческого и социального капитала становится все более востребованным. Применительно к России обсуждение этих проблем было представлено на «Круглом столе» – «Региональное многообразие России: версии модернизации» и опубликовано в журнале «Полис»²¹⁹. «Конкурентное состояние ума» (ментальные модели) характеризует персональную модернизацию, так как формирует убеждения

²¹⁹ Региональное многообразие России: версии модернизации // Полис. 2013. № 2, 3.

и установки, представления о риске, доверии и нацелено на инновационный характер деятельности. Работа Лоуренса Харрисона «Панамериканская мечта» подчеркивает также роль установок, состояний ума, которые отличают развивающиеся культуры (прогрессивные) от статичных. Подавляющее большинство таких состояний ума связано с персональными качествами людей. Такие ценности, как нацеленность на будущее, труд и успех, бережливость и образование, поощрение способностей, строгость этических норм, справедливость и честность, рассредоточение власти и секуляризм, по-разному воспринимаются в статичных и прогрессивных культурах. В последних, например, индивидуальные способности выступают важнейшим фактором личного карьерного роста, а трудолюбие и творчество имеют не только финансовое вознаграждение, но и приносят удовлетворение и самоуважение. Для статичных культур справедливость, подобно персональному успеху, представляет собой функцию, реализуемую только за деньги или в силу личных связей. Конечно, выделенные в этой работе десяток ценностей, которыми различаются культуры, являются обобщениями и теоретическими идеализациями, но тенденции такого порядка существуют и в реальности.

Рефлексивная модернизация и будущее: тренды возможного развития человека

Содержание рефлексивной модернизации и ее связь с персональной модернизацией

Понятие рефлексивной модернизации становится все более востребованным в научном дискурсе и служит для описания и прогнозирования социальных изменений в мире нарастающей неопределенности и рисков, нестабильности и значимости проблем индивидуального выбора. На выбор пути социального и индивидуального развития влияют взвешенные экспертные оценки перспектив, условий и ресурсов социального развития, учитывающие исторический и современный контекст развития в той или иной стране. Таким уникальным и масштабным экспертным проектом, основанным на статистических данных и математических индикаторах, является «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)»²²⁰. Его уникальность по сравнению с другими Всемирными Докладами, подготовленными ПРООН, Всемирным Банком, ВОЗ, заключается прежде всего во всестороннем анализе феномена модернизации, выдвижении концепции первичной, вторичной и *интегрированной модернизации*. В докладе отмечается длительность исторического процесса Всемирной модернизации, ее ход с XVIII до конца XXI в. **условно разделяется на период первичной модернизации**, под которым понимается переход от аграрной к индустриальной эре, экономике, обществу, цивилизации, а под вторичной – переход от индустриальных параметров разви-

²²⁰ Обзорный Доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ.; под общ. ред. М.И. Лапина. М., 2011.

тия – к эре экономики, обществу и цивилизации знаний. Цивилизация знаний тесно связана с обществом знаний, причем вторичная модернизация не является конечной точкой развития человечества.

Две модернизации тесно связаны друг с другом, первичная модернизация в одном и том же государстве или регионе закладывает материальные и социальные основы вторичной. Во многих аспектах вторичная модернизация является противоречащей и нивелирующей первичную, но во многих аспектах продолжает начатое ею развитие на основе инновационных идей. Такой путь развития, как координирующее развитие двух модернизаций, авторы доклада называют *интегрированной модернизацией*, моделью развития, которую избирает Китай.

Важно подчеркнуть, что для того, чтобы осуществлять координируемое развитие, необходим рефлексивный подход, осуществляющий выбор приоритетов социального развития на основе анализа конкретно-исторического контекста страны, ее уровня предшествующего развития и наличия ресурсов на данный момент. Поэтому в рассматриваемой концептуальной парадигме рефлексивная модернизация рассматривается как концептуальная интерпретация вторичной модернизации. Чтобы показать содержательную специфику рефлексивной модернизации, ее связь с персональной модернизацией, то есть, по сути, с человеческим измерением всемирного модернизационного процесса, выявить тренды – долгосрочные тенденции данного процесса, – важно сравнить доминирующие черты первичной и вторичной модернизации. «Две модернизации подчиняются разным законам и обладают различными чертами. Основными характеристиками первичной модернизации являются индустриализация, урбанизация, демократизация, институализация, концентрация, социальное благополучие, мобильность, специализация, дифференциация и интеграция, рационализация и секуляризация, средства массовой информации, общее начальное образование и т. п. Основными характеристиками вторичной модернизации – интенсификация знаний, сетевое взаимодействие, информатизация, глобализация, децентрализация, инновации, *индивидуализация*, диверсификация, экологизация, демократия, рациональность, общее высшее образование и т. п. В ходе проведения первичной модернизации главной целью является развитие экономики с целью удовлетворения материальных потребностей

граждан и обеспечения экономической безопасности. В ходе проведения вторичной модернизации основной упор делается на повышение качества жизни с целью удовлетворения потребности людей в счастье и самовыражении»²²¹.

Сами основатели концепции рефлексивной модернизации, прежде всего У. Бек, а также Э. Гидденс и С. Лэш²²², исходя из их содержательного обоснования «другого модерна», рассматривают свой подход не просто как концептуальную интерпретацию вторичной модернизации, но как нечто большее, как концепцию перехода современного мира от индустриального общества к обществу рисков. Общество риска представляет такую фазу развития современного социума, когда социальные, политические, экономические и личные риски становятся все менее предотвратимыми и не контролируются механизмами, созданными в индустриальном обществе. Переход от индустриального общества к обществу рисков называется рефлексивной модернизацией. В упомянутом докладе выделенная как одна из теорий постмодернизации – теория рефлексивной модернизации – включает следующие основные положения: 1) «Всемирная модернизация состоит из двух периодов – простая (ортодоксальная) модернизация и рефлексивная. 2) Простая модернизация осуществляется для создания современного индустриального общества, а рефлексивная – как средства противодействия ему. Индустриальное общество является результатом общей модернизации, в то время как общество рисков является результатом рефлексивной модернизации. 3) В новую эру один тип модернизации полностью устраняет другой, что и называется рефлексивной модернизацией. Последняя модернизирует общую модернизацию. 4) Переход от одной социальной эры к другой может быть осуществлен с помощью неполитических мер, но проработанных заранее и принятых в результате обсуждения. 5) Модернити индустриального общества – это общая модернинити, а модернинити общества рисков – это рефлексивная модернинити. Общая модернинити является первичной, а рефлексивная – вторичной»²²³.

²²¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуаньци. М., 2011. С. 96.

²²² *Beck U., Giddens A. and Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order.* Stanford (Cal.), 1994.

²²³ Обзорный Доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). С. 95.

В отечественной литературе оригинальная концепция трансформации²²⁴ форм модернити предложена В.Г. Федотовой и соавторами В.А. Колпаковым и Н.Н. Федотовой.

Отмеченные черты рефлексивной модернизации раскрываются в работах основателей этой теории: У. Бека, Э. Гидденса, С. Лэша. В их общей работе «Рефлексивная модернизация. Политика, традиции и эстетика в современном социальном порядке»²²⁵ разъясняется, что рефлексивная модернизация означает творческую деструкцию для целой эпохи, имеется в виду индустриальное общество. Субъектом этого творческого разрушения является не революция, не кризис, а победа западной модернизации. Если простая (ортодоксальная) модернизация означает в своей основе, во-первых, разрушение, во-вторых, перестройку традиционных социальных форм посредством индустриализации, тогда как рефлексивная модернизация, – пишут они, – означает, во-первых, разрушение, а во-вторых, повторное внедрение (перестройку) индустриальных социальных форм посредством другой современности. Таким образом, в силу своего неотъемлемого динамизма, современное общество изменяет свои образования класса, страты, профессиональной деятельности, сексуальных ролей, нуклеарной семьи, предприятия, делового сектора и, конечно, предпосылки и формы естественного технико-экономического прогресса. Это новая ситуация, стадия развития, на которой прогресс может обернуться самоуничтожением, в котором один вид модернизации ограничивает другой, то, что У. Бек называет стадией рефлексивной модернизации. Идея динамизма индустриального общества подтачивает собственные основы, и авторы проводят аналогию с утверждениями К. Маркса о том, что капитализм сам копает себе могилу.

Важно отметить, что данная концепция акцентирует идею о том, что не кризис, а *победы капитализма* являются тем, что *производит новую социальную форму*. Таким образом, это означает, что не классовая борьба, а простая дальнейшая модернизация рас-

²²⁴ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008.

²²⁵ Beck U., Giddens A. and Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. P. 3.

творяют контуры индустриального общества. Целостность, которая возникает в результате этого, не имеет ничего общего с провалившимися к настоящему моменту утопиями социалистического общества. В итоге именно высокоскоростной индустриальный динамизм переходит, трансформируется в новое общество без первоначального взрыва революции.

Концепция рефлексивной модернизации неслучайно связана с обществом риска, в котором происходит генерализация науки и политики. Э. Гидденс отмечает, то концепции риска в Средние века не существовало, идея риска появилась в XVI–XVII столетиях и была этимологически связана с плаванием в незнакомых водах, а затем стала и временной категорией, употребляющейся в банковском деле, связанной с неопределенностью и страхованием рисков. Понятие *риска* неотделимо от категории возможности и неопределенности. «Риск – это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие *риска* связано с активным анализом опасности с точки зрения *будущих последствий* (курсив мой. – В.В.). Она широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее, – это территория, подлежащая завоеванию и колонизации. Концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, – а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени»²²⁶. В отличие от традиционного общества с его понятиями судьбы, удачи, воли богов, в современном капиталистическом обществе с его отношением к возможному будущему (в частности, оценка будущих прибылей и убытков, а, значит и риска) резко возрастает роль рукотворных (Э. Гидденс) рисков, то, что относится не только к природе – внешние риски – неурожаи, наводнения, эпидемии, голод, а рукотворные риски – то, что мы можем сделать с природой. Это касается и других сфер жизни, например семьи и брака. Институт семьи и брака, ранее освященный традициями и обычаями, подвергается существенным трансформациям: гомосексуальные браки, отделение наслаждения от деторождения, нестабильность нуклеарной семьи, новые репродуктивные технологии и т. п. Личное будущее таких людей представляется более незащищенным от разных возможностей и опасностей. Возникает проблема управляемого риска и создание новых институтов, способных

²²⁶ Гидденс Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 39.

отслеживать технологические изменения, связано ли это с глобальными рисками – с экологией, ядерным оружием, глобальными финансовыми кризисами или с рисками на индивидуальном уровне – питанием, здоровьем, браком. Этические комитеты, публичный диалог о техническом прогрессе и его перманентных последствиях, мониторинг социальных изменений, основанный на соизмеримых и сравнимых пролонгированных количественных индикаторах, – могли бы служить прецедентами влияния новых социальных институтов, нацеленных на анализ настоящего и создания взвешенных прогнозов на будущее.

Изменения, связанные с модернизацией, в какой бы форме и концептуальном оформлении ни выступали, не могут не оказывать влияния на изменения человека и трансформацию его образа. Одновременно с социальной модернизацией происходит и персональная модернизация. Персональную модернизацию можно определить как «становление человека современным», в отличие от человека традиционного, доиндустриального общества. «Становление человека современным» – это также процесс, а не некий единовременный акт. Он предполагает два сущностно взаимосвязанных процесса. С одной стороны, быть современным – значит отвечать, соответствовать по своим человеческим качествам модернизированному обществу и доминирующему в нем способу производства и общественным отношениям и, с другой стороны, быть свободным и одновременно ответственным за выбор своей собственной идентичности. «Когда влияние традиций и обычаев в мировом масштабе ослабевает, меняется и сама основа самоидентификации – ощущения себя как личности. В более традиционных условиях ощущение себя как личности поддерживается за счет стабильности социального положения индивида в рамках сообщества. Когда традиции теряют силу и преобладает свободный выбор жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности. Он должен гораздо активнее, чем ранее, создавать и воссоздавать *собственную идентичность*»²²⁷.

Создание собственной идентичности требует усилий, в том числе и рефлексии по поводу прошлой жизни, настоящего и проекций в будущее. Психотерапия на Западе пользуется во всех сво-

²²⁷ Гидденс Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. С. 63.

их разновидностях особой популярностью, помогая человеку в усилиях осознать себя и свои комплексы и проблемы. «Закладывая основы современного психоанализа, Фрейд полагал, что создает методику лечения неврозов. На самом же деле он по сути вырабатывал метод обновления идентичности на ранней стадии процесса детрадиционализации»²²⁸. И этот процесс создания и воссоздания собственной идентичности является рискованным предприятием. С ослаблением традиций, в обстановке автономии и свободы, жизнь современного человека приобретает иную динамику, в жизнь человека входит более открытая дискуссия и диалог. Общество, живущее «по ту сторону» природы и традиций, требует от человека самостоятельных решений. Возникает дилемма между свободой действий и зависимостью. Персональная модернизация по сути несет в себе амбивалентный характер. Она может нести в себе одновременно как позитивные, так и негативные возможности. Такие широко распространенные негативные социальные явления, как алкоголизм, наркомания, преступность, девиантные формы поведения, азартные игры, не только могут характеризоваться как манифестация аномии, но и как индивидуальный выбор, основанный на свободе действия. Э.Гидденс сумел тонко подметить связь между самостоятельностью и зависимостью. «Темной стороной самостоятельных решений становится усиление непреодолимой зависимости. Здесь происходит нечто весьма интригующее и тривиальное. В основном этот феномен характерен для развитых стран, но наблюдается и среди зажиточных слоев населения по всему миру. Я имею в виду распространение непреодолимой зависимости как идеи и реального явления»²²⁹. Он отмечает, что понятие «зависимость» относилось лишь к алкоголизму и наркомании, но сейчас оно может коснуться любой сферы жизни и деятельности. Человек может испытывать зависимость от работы, еды, секса, физкультуры, спорта. Механизм зависимости связан с влиянием прошлого на настоящее, где ключевую роль, так же как и в традиции, играет повторяемость. Но в данном случае речь идет об индивидуальном, а не о коллективном прошлом, и повторяемость вызвана беспокойством. Зависимость, по Э. Гидденсу, – это замороженная самостоятельность.

²²⁸ Гидденс Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. С. 64.

²²⁹ Там же. С. 62.

«Зависимость вступает в действие, когда выбор, который должен определяться самостоятельностью, подрывается беспокойством. В рамках традиции прошлое определяет настоящее через приверженность коллективным убеждениям и ощущениям. Но человек, попавший в зависимость – тоже раб прошлого, однако по другой причине: он не может порвать с привычками и образом жизни, которые некогда выбрал по доброй воле»²³⁰. Анализ данного примера показывает, каким образом индивидуальное поведение и индивидуальные предпочтения на основе собственного выбора приводят к возникновению социальных проблем.

Социальное и индивидуальное будущее человека в парадигме рефлексивной модернизации: общая характеристика

Модернизация, трактуемая в ее классическом определении как переход от традиционного общества к современному, являясь способом социальных изменений, опирающимся на важнейшие достижения в познании и в области технологического прогресса, резко ускорила социальные перемены позитивного характера. Поразительные изменения в демографии человечества освещены в новаторской работе Р. Фогеля: «За последние 300 лет, особенно в нынешнем столетии, люди приобрели беспрецедентно широкие возможности контроля за своей средой – настолько широкие, что в этом отношении современные люди качественно отличаются не только от других биологических видов, но и от предшествующих поколений *homo sapiens*. Благодаря этим возможностям *homo sapiens* сумел увеличить средний размер своего тела более чем на 50 %, среднюю продолжительность жизни – более чем на 100 % и резко повысить стойкость и эффективность важнейших жизненных органов» (Fogel and Costa, 1997). Такие статистические данные приводит лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт²³¹, выдвигавший, в частности, свою оригинальную концепцию объяснения динамики социальных изменений и ее влияния на человека уже применительно к современному этапу развития, делая акцент на значении институциональной инфраструктуры, способной к эффективной адаптации в условиях неопределенности.

²³⁰ Гидденс Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. С. 62.

²³¹ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 138.

Впечатляющие успехи модернизации в ее классическом виде переосмысливаются на этапе поздней современности и связаны с такими важными факторами, как глобализация, характеризующая современный этап капитализма, а также практиками, показывающими амбивалентность научно-технического прогресса и применения достигнутого знания, в том числе и в социальных технологиях. Все это актуализирует понятие рефлексивной модернизации. Это понятие относится к стадии социального развития, называемой поздней современностью, связанной с формированием массового общества и развитым научно-техническим прогрессом. Это понятие активно используется в работах У. Бека, Э. Гидденса, П. Штомпки, З. Баумана, С. Лэша²³². Обратимся к конкретизации данного понятия в работах этих авторов. Это важно для уяснения стадии современного развития и обозначения возможных перспектив изменений.

У. Бек пишет о рефлексивной социологии, связывая ее с генерализацией науки и политики, с анализом рисков, возникающих в современном обществе, о соотношении политического управления и технико-экономического изменения в обществе риска. Э. Гидденс считает, что мы живем в мире, который называется «убегающим» (runaway world) – в русском переводе «ускользающим», определяя «рефлексивность – это то, что связывает знание и социальную жизнь. Знание, полученное нами об обществе, может влиять на то, как мы ведем себя внутри него»²³³. Э. Гидденс выводит характер современности из самой современности, имеющей тенденцию к торможению ее негативных последствий. Характерное для современности развитие научных знаний, широко распространенное образование, растущее влияние СМИ и возможность интенсивного информационного обмена ведут к появлению в общественном сознании «любых общественных компетенций рефлексивности». П. Штомпка

²³² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; Гидденс Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004; Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М., 2005; Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социол. исслед. 2009. № 3; Бауман З. Глобализация: Последствия для человека и общества. М., 2009; Лэш С. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.

²³³ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 615–616.

определяет этот феномен следующим образом: «Рефлексивность – это способность общества критически мыслить о самом себе, видеть и распознавать негативные патологические явления, представляющие собой угрозу для будущего, и, опираясь на такой диагноз, предпринимать превентивные действия и мобилизовать средства, способные предотвратить или свести до минимума некоторые опасные тенденции»²³⁴. Способы, какими можно оказывать воздействие на проблемы социального развития, могут выражаться в давлении общественного мнения, например, по вопросу ограничения экономического развития в связи с воздействием на климат, в мобилизации новых социальных движений, в политических действиях правительств даже вопреки узкоэгоистичным национальным интересам. Немаловажным аспектом воздействия на проблемы социального развития являются научно обоснованные экспертные оценки и прогнозы относительно будущего, построение сценариев возможного развития в будущем, а также артикуляция и анализ пролонгированных тенденций персональной модернизации – трендов, имеющих универсальный и глобальный характер.

Оценивая концепцию социальной рефлексивности Э. Гидденса, П. Штомпка обращает внимание на следующий важный момент: «В концепции Гидденса можно обнаружить четко прослеживаемую параллель с идеей “самосбывающихся пророчеств”... которая заключалась в том, что осознанные коллективами в данный момент прогнозы чаще всего не исполняются, ибо люди предпринимая для этого соответствующие меры»²³⁵. Таким образом, *в обобщенном виде рефлексивность представляет собой знание и проводимую интерпретацию действий людей или общественных ситуаций, в которые они втянуты, существенным образом влияющую на принимаемые ими решения, на способ их поведения и на характер общества, в котором они живут*. Рефлексивная модернизация складывается постепенно, по мере осознания противоречий социального развития, в том числе и посредством социально-философского, философско-антропологического и социологического дискурсов.

Обратимся к некоторым принципиальным теоретическим позициям, представляющим возможные модели будущего с соответствующими прогнозами. И. Валлерстайн в работе «Исторический

²³⁴ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. С. 593.

²³⁵ Там же.

капитализм», где само название подчеркивает его значимый и этапный, фазовый характер, говорит о противоречиях позднего капитализма, называя их дилеммами. Это дилемма накопления, дилемма легитимации и дилемма геокультурной повестки дня. Суть первой из них: с одной стороны, бесконечное накопление капитала – главная форма капиталистической цивилизации, но, с другой стороны, чтобы далее продолжать этот бесконечный процесс, возникает необходимость в увеличении сектора низкооплачиваемого труда, где возникают два имманентных предела: исчерпание лимита новых зон, которые можно включить в мировую экономику, и грядущее исчерпание резерва сельской рабочей силы. Резервная армия городских маргиналов как быстро растущий сегмент мирового населения вряд ли заменит сельских рабочих, которые, как считает И. Валлерстайн, являются большей угрозой легитимации государств, чем рабочие из деревни.

Относительно содержания второй дилеммы: все исторические системы выживают путем вознаграждения кадров системы. Всем историческим системам приходилось держать в узде материально и социально плохо вознаграждаемые массы населения, что обычно достигалось сочетанием силы и веры. Дилемма звучит так: как продолжить вознаграждение кадров и в то же время каким-то образом обеспечить лояльность большинства населения, которое теоретически стало источником легитимности власти и государства.

Но самая проблематичная, на наш взгляд, и имеющая далеко идущие последствия для будущего социальных изменений – дилемма «геокультурной повестки дня». *Она базируется на основополагающей идее о центральной роли индивида в качестве субъекта истории.* Причем ранее эта дилемма никогда не была доминирующей. Индивидуализация и возникающий на ее почве индивидуализм представляют собой дилемму, поскольку является амбивалентным по существу. С одной стороны, индивидуальная инициатива, творческие способности индивида и стремление к личной выгоде используются для процветания и сохранения системы, но с другой стороны – это борьба всех против всех в особо жестокой форме, и не только для малочисленной элиты, но и для всего человечества. С самого начала капиталистической цивилизации серьезной проблемой было примирение положительных и отрицательных последствий превращения индивида в субъект

истории. И, по мнению И. Валлерстайна, такими механизмами сдерживания противоречия, связанного с индивидуализацией, были две практики: универсализм, подчеркивающий моральную гомогенизацию человечества, и расизм-сексизм, основная идея которого в том, что люди не наделены одинаковыми человеческими правами, а скорее выстроены в биологически или культурно определенную иерархию, причем обе практики развивались в тандеме одновременно за 500 лет существования капиталистической цивилизации и составляли некий баланс, где «универсализм оправдывает и объясняет положительную версию для меньшинства, а расизм-сексизм – объяснением и оправданием отрицательной худшей версии, адресат которой – большинство»²³⁶. Разрешение обозначенных дилемм и будет основой для перспектив развития капитализма, где возможны разные сценарии. Важно подчеркнуть, что И. Валлерстайн описывает динамику социальных изменений и делает соответствующие теоретические и методологические акценты с позиции мир-системного анализа²³⁷. Сценарий будущего И. Валлерстайна интересен тем, что акцентирует мысль о жизни в глобализирующемся мире, в который вплетается индивидуальная человеческая жизнь, где ее существование выступает «как не знающая пощады судьба». С позиции мир-системного подхода капиталистическая цивилизация придет к своему концу, ее партикулярная историческая система прекратит свое существование, и в результате вероятными кажутся три социальные формы: одна из них – нечто вроде неофеодализма с парцеляризованными суверенитетами, автаркичными режимами, локальными иерархиями, с сохранением высокого уровня техники. Это неэгалитарная система, ее легитимность обеспечивает возвращение к вере в природные иерархии. Вторая форма – нечто вроде демократического фашизма. Речь идет о кастоподобном делении мира на два слоя. Верхний включал бы пятую часть мирового населения с высокой степенью эгалитарного распределения. На основе такой общности интересов подобная крупная группа могла бы полностью держать остальные 80 % в положении обезоруженного трудящегося пролетариата.

²³⁶ Валлерстайн И. Исторический капитализм. М., 2008. С. 169.

²³⁷ Эволюцию знания И. Валлерстайн также рассматривает с методологических позиций мир-системного анализа. См.: Валлерстайн И. Эволюция структур знания в миросистемной перспективе // Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М., 2006.

Третьей формой может быть еще более радикальный всемирный порядок – сильно децентрализованный и высокоэгалитарный. Он самый утопичный, по мнению автора, но предвосхищен в размышлениях интеллектуалов прошлых эпох. Возросшая политическая искушенность и технические знания делают его достижимым, но вовсе не неизбежным. Это требовало бы принятия определенных реальных ограничений на потребительские расходы, что означало бы социализацию бедности. Вывод: существуют и другие варианты развития, но выбор будет зависеть от коллективного мирового поведения в ближайшие 50 лет.

Иную картину рефлексивной модернизации и, соответственно, пути в будущее дает У. Бек²³⁸. Характеризуя этап поздней современности, тенденции к «другому модерну», он отмечает: «Как в XIX в. модернизация привела к распаду закосневшее в сословных устоях аграрное общество, так и теперь она размывает контуры индустриального общества, и последовательное развитие модерна порождает новые общественные конфигурации»²³⁹.

В чем же содержательно выражается изменение положения человека и возникновение тенденций, ведущих в будущее? Согласно позиции У. Бека, происходит переход от простой к рефлексивной модернизации. Центральная идея рефлексивной модернизации развивается в двух направлениях: в индустриальном обществе «логика» производства богатства доминирует над «логикой» производства рисков, в обществе риска это состояние меняется прямо противоположным образом. В рефлексивности модернизационных процессов производительные силы утратили свое исключительно позитивное содержание. Выгода от технико-экономического «прогресса» все более оттесняется на задний план производством рисков, которые проявляются в непоправимом ущербе для жизни растений, животных, людей, причем в глобальном масштабе и касаются всех.

К числу значительных последствий относится все более *усиливающийся процесс индивидуализации*, который предстает в многообразии форм, носит амбивалентный характер в условиях развитых рыночных отношений. Идет процесс освобождения от социальных форм индустриального общества – от деления на

²³⁸ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

²³⁹ Там же. С. 10.

классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами. Общественный сдвиг в экономически развитых странах в сторону индивидуализации выражается в том, что люди освобождаются от классово окрашенных форм жизнеобеспечения в семье и начинают в большей мере *зависеть от самих себя* и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с его рисками, шансами, противоречиями. Различия в иерархии доходов и фундаментальное положение о наемном труде остаются, но классовые формы жизни и культуры утрачивают свое значение. Возникает тенденция к индивидуальным формам и ситуациям существования, которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни. *Обострение и индивидуализация социального неравенства переплетаются*. Вследствие этого системные противоречия оборачиваются невозможностью их решения в личном плане (безработица, новая бедность – бедность по возможностям).

Изменяется социальное положение мужчины и женщины. *Мужчина и женщина по отдельности становятся жизненно важной единицей воспроизводства социальных отношений*, то есть отдельный индивид внутри и вне семьи становится действующим лицом в обеспечении определяемого рынком существования и связанного с этим планирования и организации собственной биографии. Что касается семьи, и мы видим это повсеместно, – рождается тип «договорной семьи на время», когда сложившиеся индивидуальности вступают во временный противоречивый союз с целью регуляции эмоционального обмена.

И еще важная черта последствий модернизации. Она связана с *тенденциями институционализации и стандартизации жизненных ситуаций*. «Свободные индивиды становятся зависимыми от рынка труда и *тем самым* от системы образования, потребления, социально-правового регулирования и обеспечения, от планирования коммуникаций, предложения потребительских товаров, от возможностей и модных течений в медицинском, психологическом и педагогическом обслуживании. Все это указывает на особую контролируемую структуру “институционально зависимых индивидуальных ситуаций”, которые, вместе с тем, открываются для (импли-

цитного) политического воздействия и регулирования»²⁴⁰. *Особенно это влияние возрастает в процессе рефлексивной модернизации, тесно связанной с генерализацией науки и политики.* Социальное будущее просматривается уже сегодня через анализ наметившихся тенденций, в частности, указанных У.Беком, но социальная ткань жизни соткана неоднозначно, она состоит из спектра неопределенностей. Поэтому *артикуляция целей и ценностей, а также проблема социального и индивидуального выбора определит будущее.*

Сценарий будущего У. Бека важен как ответ на генерализацию науки и политики. Его суть в следующем: «Будущее определяется “путем расширения” и правовой гарантии определенных возможностей воздействия субполитики. Фоновым условием будут сильные и независимые суды и независимое общественное мнение СМИ, но главное, что должно получить *институциональные гарантии*, – это контрэкспертиза, альтернативная профессиональная практика, где критика означает прогресс. Только там, где медицина выступает против медицины, атомная физика против атомной физики, человеческая генетика против человеческой генетики, информационная технология против информационной технологии, можно составить полную картину и оценить, какое будущее прячется в пробирке. Возможность самокритики – это не угроза, а поистине *единственный* путь»²⁴¹, а охранительные, сортирующие, дискурсивные, символические функции политики могли бы стать ее центральной задачей.

Общим стратегическим сценариям возможного будущего посвящены Доклад национального разведывательного совета США, который называется «Контурь мирового будущего»²⁴², и Доклад «Россия-2010: будущее страны в условиях глобальных перемен»²⁴³. В них отличаются параметры возможных изменений при соответствующем выборе.

В первом из этих Докладов представлены четыре предполагаемых сценария, экстраполированные из ключевых тенденций, обобщаемых в докладе. Эти сценарии не следует рассматривать как

²⁴⁰ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. С. 109.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Доклад национального разведывательного совета США. Контурь мирового будущего. М., 2005.

²⁴³ Шубин З.А. Россия-2010: Будущее страны в условиях глобальных перемен. М., 2005.

реальные прогнозы, но в них описываются возможные “миры”, на пороге которых мы можем оказаться в зависимости от того, как эти тенденции будут переплетаться и разворачиваться²⁴⁴.

1. «Давосский мир» – иллюстрация того, как уверенный экономический рост, который возглавят Китай и Индия, способен в ближайшие 15 лет изменить направление процессов глобализации, придав им менее западный облик и преобразовав при этом поле политической игры.

2. «Рах Americana» дает представление о том, каким образом США могут сохранить свою доминирующую роль при радикальных изменениях мирового политического пейзажа и повлиять на формирование нового всеобъемлющего мирового порядка.

3. «Новый Халифат» представляет пример того, как глобальное движение, движимое радикальной религиозной политикой идентичности, может бросить вызов западным нормам и ценностям в основе глобальной системы.

4. «Контур страха» служит примером того, что обеспокоенность распространением ОМП (оружия массового поражения) может привести к крупномасштабным превентивным интервенциям, направленным на предотвращение смертоносных атак, а результатом этих интервенций, возможно, станет создание оруэлловского мира.

Разумеется, эти сценарии лишь дают примеры возможных вариантов будущего, но само разнообразие возможностей показывает более масштабный характер изменений по сравнению с относительной стабильностью времен холодной войны. Причем данные сценарии не являются взаимоисключающими, возможна их комбинация.

В целом мировая ситуация характеризуется размахом и скоростью перемен, обусловленная глобализацией и ее противоречиями, подъемом новых держав и связанными с этим проблемами управления, всеобщим чувством ненадежности. За этими общими характеристиками, как подчеркивается в Докладе, скрываются накладываются друг на друга тенденции:

- расширение мировой экономики;
- ускоренные темпы научного прогресса и распространение технологий двойного назначения;
- сохранение социального неравенства;

²⁴⁴ Доклад национального разведывательного совета США. Контур мирового будущего. С. 25.

- появление новых держав;
- феномен глобального старения;
- замедление процесса демократизации;
- распространение радикальной исламской идеологии;
- потенциальная возможность катастрофического терроризма;
- распространение оружия массового поражения;
- усиление давления на международные институты.

Помимо этих общих тенденций, создающих неоднозначные возможности для будущего, важно обратить внимание на *антропологический аспект проблемы*, касающейся как мира в целом, так и, в определенном специфическом качестве, России.

«К 2010 г. мы предвидим усиление всеобъемлющего чувства ненадежности, в основе которого будут как психологические восприятия, так и физические угрозы. По мере постепенной интеграции Китая, Индии и других развивающихся стран в глобальную экономику, сотни миллионов совершеннолетних трудоспособных граждан станут доступными для найма на всемирном рынке труда, который станет гораздо более интегрированным. Это огромная рабочая сила, растущая доля которой будет иметь хорошее образование, станет привлекательным, конкурентоспособным источником недорогой рабочей силы, в то время как благодаря технологическим инновациям расширится спектр занятий, обладающих качеством глобальной мобильности. Этот переход не будет безболезненным, и он ударит, в частности, по средним классам развитых стран, так как вызовет большую текучесть рабочей силы и потребует профессиональной переквалификации»²⁴⁵. Эти давления могут привести к внутренним конфликтам, если обстоятельства, связанные со слабыми правительствами, отсталыми экономиками, религиозным экстремизмом, негибкими рынками труда и диспропорциональным ростом численности молодежи, совпадут.

Для России, имеющей потенциал для увеличения международной роли, обусловленной позицией крупнейшего экспортера нефти и газа, оказывают негативное воздействие ряд социально-политических и антропологических факторов. «Россия стоит

²⁴⁵ Россия и мир в 2020 году. Доклад Национального разведывательного совета США «Контурь мирового будущего» / Пер. с англ. Ш. Хаграса. М., 2005. С. 20–21.

перед лицом серьезного демографического кризиса, вызванного низкой рождаемостью, упадком здравоохранения и потенциально взрывоопасной ситуацией с распространением СПИДа»²⁴⁶.

Вместе с тем, если обратиться к российскому контексту, то эксперты²⁴⁷ считают, что к 2020 г. в России тоже будут наблюдаться события «третьей волны» (Э. Тоффлер), такие как переход к постиндустриальному обществу, к чертам которого относятся преимущественно творческий характер производящей деятельности, демассовизация и деиерархизация цивилизации, деконцентрация производства и населения, резкий рост информационного обмена, диверсификация деятельности, сближение производства и потребления, полицентричные самоуправляемые политические системы, экологическая реконструкция экономики. Такое общество логично назвать «информационным» или креативным, возникающим в результате модернизации. Какие исходные условия для реализации проекта мы имеем?

При переходе от советской экономической модели к рыночно-капиталистической произошло разрушение части индустриального потенциала страны. От уровня 1980 г. производство промышленной продукции упало в 1998 г. до 60 %²⁴⁸ и в 2001 г. восстановилось только до 80 % с перестройкой структуры в пользу сырьевого блока. Имея 3 % населения мира, Россия располагает 13 % территории и, оценочно, около 40 % природных ресурсов Земли. Это соотношение представляет угрозу для России в XXI в., так как борьба за ресурсы будет обостряться. Теперь Россия занимает промежуточное положение между среднеразвитыми индустриальными обществами и переходными социальными системами стран третьего мира, ее характеризует олигархический характер современного российского капитализма, она вовлечена в модернизационные процессы, связанные с компьютеризацией, но остается по преимуществу пассивным рынком сбыта для передовых технологий. Ископаемые ресурсы остаются полем конкуренции ТНК, их разведанные запасы оцениваются в 30 триллионов долларов. Основные фонды изношены (треть из них

²⁴⁶ Россия и мир в 2020 году. Доклад Национального разведывательного совета США «Контурь мирового будущего». С. 13.

²⁴⁷ Шубин З.А. Россия-2020: будущее в условиях глобальных перемен. С. 169.

²⁴⁸ Примечание: эти и нижеследующие статистические данные приводятся по докладу: Шубин З.А. Россия-2020: будущее в условиях глобальных перемен.

старше 20 лет), технологическая модернизация затрудняется из-за отсутствия возможности финансирования за счет населения (доля сбережений в личных доходах упала до 5–7 %, надежды на внешние источники – не оправдались, отток капитала за 1990-е гг. составил 170 млрд долларов, и они не спешат вернуться).

Результаты экономического роста распределяются крайне неравномерно. В 2000 г. доходы 10 % наиболее богатых россиян были в 13,9 раза больше, чем доходы наиболее бедных, в 2003 г. они стали больше в 14,3 раза. Разница в 20 % наиболее и наименее обеспеченных высока – 8–8,5 раза. В странах Запада этот показатель – разница в 4–5 раз (в СССР в начале 1980-х гг. – около трех раз). Такие параметры – это параметры развития стран третьего мира. Большая часть интеллектуального слоя относится к бедноте. Альтернатива в XXI в. такова: завершение разрушения постсоветского интеллектуального слоя и резкое сокращение количества интеллигенции (признаки перехода в третий мир) или восстановление доходов интеллигенции, приведение в соответствие ее функционального и имущественного положения, гарантии гражданских прав и свобод. Этот вариант позволит обеспечить формирование интеллектуализированного среднего класса.

В России 58,5 млн человек живут на различные виды государственного обеспечения, которое поддерживает уровень ниже прожиточного. Старение населения создает возрастающую нагрузку на социальную сферу. Ниже прожиточного минимума живет более трети населения. Острой социальной проблемой остается бедность, причем бедность начинает носить застойный характер с соответствующими психологическими последствиями и касается также людей с высоким уровнем образования.

Смертность населения в 1994–1999 г. выросла с 12,2 до 15,7 человек на 1000 жителей и только с 1997–1999 г. стала падать. Рождаемость в 1990–2002 г. упала с 16 до 9 новорожденных на 1000 населения. Алкоголизмом и наркоманией страдают более трех миллионов человек. Демографическая яма 90-х гг. в десятые годы XXI в. привела к существенному дефициту рабочей силы и может иметь двоякие последствия – депрессию и кризис институтов социального государства либо способствовать научно-технической модернизации, росту производительности труда и социально-политической стабилизации.

Институт социологии РАН в 2010 г. предпринял масштабное общенаучное социологическое исследование готовности российского общества к модернизации. В центре внимания стояли такие проблемы, как понимание населением сути и смысла модернизации, характер запроса российских граждан на модель социально-экономического развития страны, связи между модернизацией и развитием российской демократии, оценка этапа социокультурной модернизации, на котором находится Россия, движущие силы российской модернизации. В итоге, несмотря на проблематичные исходные условия для модернизации, авторы исследования, обобщая большой эмпирический материал, делают вывод: «Отвечая на главный вопрос исследования – готово ли российское общество к модернизации, – логично сказать так: да, в российском обществе есть довольно значительный модернизационный потенциал. Однако его объем и характер локализации, имеющие место особенности менталитета, сложившаяся в России система социальных институтов и всепроникающая коррупция делают задачу реализации этого потенциала более чем непростой»²⁴⁹.

Исходя из наличия такой ситуации, ***проблема модернизации должна осознаваться именно как рефлексивная модернизация, трактуемая не как чисто технологическая и финансовая, а также организационная, но в значительной степени как антропологическая***, так как условием вхождения в постиндустриальное общество является «качество человека» и возможности развития его творческого потенциала, понятого не только как ресурс экономики (человеческий капитал), но и в его целостном самоосуществлении.

Поэтому важны формулировки стратегической цели развития и непрерывное совершенствование наших представлений об изменяющейся социальной реальности, служащей основанием для адекватного, для данного этапа развития ***выбора***. «Чтобы понять состояние, в котором пребывает человечество, в первую очередь следует учитывать интенциональность игроков. Экономисты пришли к верному выводу о том, что экономическая наука – это теория выбора. Но для того, чтобы сделать перспективы человечества более обнадеживающими, мы должны разбираться в причинах, управляющих принятием решений»²⁵⁰.

²⁴⁹ Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2010. С. 333.

²⁵⁰ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 243.

Осознанный и адекватный исторической ситуации выбор можно сделать, учитывая имманентные пролонгированные тенденции развития – тренды, которые уже в настоящее время способны заявить о себе и показать возможные направления развития человека. На наш взгляд, такими трендами персональной модернизации являются следующие: трансформирующаяся индивидуализация, практика *целенаправленной* биополитики и развития человеческого потенциала, коррекция парадигмы «*Homo economicus*», многообразии «техник себя» и «эстетик существования»: вещное и моральное измерения, институциональное обеспечение возможностей развития человека, роль социологии знания.

Тренд трансформирующий индивидуализации: позитивная и негативная индивидуализация

Сам индивидуализм как один из основополагающих принципов современности не является однородным по своему содержанию, он меняет формы от зарождения до сегодняшнего состояния, более того, во многом от выбора разрешающих проблемы индивидуализма практик зависят тенденции будущего развития общества и человека.

Становление современного общества как переход от традиционного к капиталистическому связано с появлением на исторической арене свободного, автономного, ответственного индивида. Работы В. Зомбарта, М. Вебера, А. Инкелеса и Д. Смита, а также К. Маркса показывают становление классического капитализма и присущую ему индивидуализацию. В период становления массового индустриального производства индивид классического капитализма вытесняется массовым индивидом в 30-е гг. XIX в., а начиная с последней трети XX в. возникает так называемый негативный индивид. (З. Бауман). «Автономный индивид был вытеснен массовым индивидом, усредненным продуктом неоднородной, но по-своему – в плане тяготения к упрощенным образам культуры – гомогенной массы, создаваемой массовым производством. Теперь источником омассовления являются СМИ, телевидение с характерными для него стандартизированными формами превращения любой проблемы, действительно заботящей людей, в товар

и развлечение»²⁵¹. Характеристики человека-массы как специфического образа современного человека рассматривали такие исследователи, как Хосе Ортега-и-Гассет, Лебон, Тард, Московичи, Ж. Бодрийяр. «Масса для Бодрийяра – не совсем то, чем она была для Х. Ортеги-и-Гассета: это не просто собрание усредненных индивидов индустриального производства, это – люди, может быть, даже не встречавшиеся друг с другом, не толпа, а сформированные и упрощенные СМИ абстрактные индивиды, обладающие совместным качеством пассивности, индифферентности, “молчаливое большинство”... Масса, представляемая как пространственно разделенные индивиды, спаянные импульсами, идущими от средств массовой информации, является, по мнению Бодрийяра, импловивной, то есть не взрывающейся, а все поглощающей и гасящей внутри себя. Она мало способна к социальному конструированию реальности, передает это имагологии СМИ»²⁵².

В.Г. Федотова обращает внимание на то, что такие аналитики, как У. Бек, С. Лэш, Дж. Юрри, считают, что завершена эпоха первой современности (modernity) и начинается эпоха второй рефлексивной современности. Первая современность, называемая ими *рефлексивной*, началась в Новое время и характеризуется преобладанием индустриализма, социальных структур, индивидуальности сначала в просвещенческом смысле (автономного и ответственного индивида), затем в массовом (индивид как человек массы). Вторая современность, называемая *рефлексивной*, началась на Западе в последней трети XX в. и характеризуется рядом базовых черт: она совпадает по времени с постиндустриальной эпохой и глобализацией, она характеризуется не структурами, а процессами, «потоками», которые могут изменить направление движения. «Это не позволяет экстраполировать прежние тенденции и требует рефлексии; рефлексия и выбор связаны с рисками; вместо автономного и массового индивида возникает *неукорененный индивид*, – отмечает В.Г. Федотова, – *с помощью СМИ превращаемый в массового неукорененного индивида*, не имеющий ни связи с прошлым, ни со структурами индустриальной эпохи,

²⁵¹ Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вopr. философии. 2005. № 11. С. 3.

²⁵² Хорошее общество: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. М., 2003. С. 20.

индивид, находящийся в ситуации потери норм и ценностей (аномии) и изоляции. Индивид первой современности рефлексивен, то есть ориентирован на свое отношение с объектом, на *объективное знание*. Индивид второй современности рефлексивен, что означает направленность его сознания на совершение выбора, отвечающего лишь его склонностям и часто несущего дестабилизацию. Его выбор не линейен, не ограничен в прежней мере структурами и нормами, такими, как гражданское общество, государство, класс, семья, право, мораль, контракт. Его представления подвижны, ситуативны, иррациональны»²⁵³.

Периоду рефлексивной современности соответствует индивидуализированное общество, многогранную социальную и социально-психологическую характеристику которого дает З. Бауман в книге с аналогичным названием²⁵⁴. Он в качестве общих доминирующих тенденций такого общества выделяет следующие: утрата человеком контроля над социальными процессами; незащищенность перед переменами, которые он не в состоянии контролировать, и перед ситуацией неопределенности, в которой он должен жить; следующая отсюда неспособность человека к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий и подмена их немедленными, пусть и не столь существенными результатами. В такой ситуации человек не может реализовывать всю полноту своих возможностей, потенциал родовой сущности человека, вынужден не проявлять свою творческую силу, а избегать отрицательных воздействий на свою жизнь, адаптируясь, насколько это возможно, к ситуации неопределенности и удовлетворяя сиюминутные потребности. «Бауман фиксирует *появление индивида*, которого было бы уместным назвать “негативным” – отщепившимся от социальной ткани, от мысли о “другом”, от ощущения, что “свобода кончается на кончике носа другого”, лишенным чувства солидарности и ответственности, ставящим только краткосрочные задачи»²⁵⁵. Вместе с тем, индивид свободен не вследствие того, что он может избегать того или иного воздействия, но свободен вследствие способности положительно проявлять свою индивидуальность. Эта принципиальная позиция была сформулирована

²⁵³ Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России. С. 3.

²⁵⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

²⁵⁵ Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России. С. 3.

еще Гегелем. З. Бауман подчеркивает: «Не следует заблуждаться: сейчас, как и прежде, индивидуализация – это судьба, а не выбор; стремление избежать индивидуализации и отказ принимать участие в этой игре явно *не стоят* на повестке дня, если ты оказался на территории личной свободы выбора... Если люди заболевают, то только потому, что не были достаточно решительны и последовательны в соблюдении здорового образа жизни. Если они остаются безработными, то оттого, что не научились проходить собеседования, не очень-то старались найти работу, говоря проще, просто от нее уклоняются. Если они не уверены в перспективах карьеры или дергаются при любой мысли о своем будущем, то лишь потому, что не слишком склонны обзаводиться друзьями и влиятельными знакомыми или же не смогли научиться искусству самовыражения и производить впечатление на других людей»²⁵⁶. Такую ситуацию У. Бек в «обществе риска» характеризовал как *«биографическое разрешение системных противоречий»*. На самом деле, риски и противоречия исходят от общества. Вывод таков: имеет место *нарастающий разрыв* между индивидуальностью как предназначением и индивидуальностью как практической способностью самоутверждения («индивидуацией», по У.Беку, как самостоятельного и саморазвивающегося индивида, в отличие от просто «индивидуализированной» личности, человека, у которого не остается иного выбора, как действовать так, как если бы индивидуация была достигнута).

Отмеченные этапы трансформации индивидуализации представляют идеально-типическую идеализацию: от свободного, автономного, ответственного индивида классического капитализма к массовому индивиду развитого периода индустриализма, созданного массовым обществом, а от него к «негативному», неукорененному индивиду периода рефлексивной модернизации. Каждую из этих форм можно содержательно и более детально описать, но в тени остается главный вопрос: каковы сущностные причины подобной трансформации индивидуализации и тем самым какие контуры будущего она формирует?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос связан с трансформацией общества наемного труда. Будущее зависит от того, каким образом возможно конструктивное разрешение проблемы разделения людей на востребованных в мире труда, способных проявить по-

²⁵⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 59–60.

зитивный индивидуализм и «бесполезных миру», характеризующихся негативным индивидуализмом. Трансформации индивидуализма в значительной степени связаны со становлением и изменениями общества наемного труда, которое достигает расцвета в 60–70 гг. XX в., и с этого же времени начинается его размывание, совпадающее с периодом рефлексивной модернизации, с соответствующими социальными последствиями.

В современном обществе на передний план выходит социальная проблема непрочности, уязвимости, исключения, сегрегации, заброшенности, дезаффеляции²⁵⁷. Р. Кастель показал, как проблематика уязвимости и социального исключения, претерпевая исторические метаморфозы, связанные с трудом, местом в социальном разделении труда, статусом, обусловленным трудом, правовыми гарантиями и социальным страхованием, достигнутыми значительными усилиями, приходит к новой неустроенности и нестабильности наемного работника в современной социальной ситуации. «Процесс разрушения стабильности затрагивает прежде устойчивые сектора занятости. Происходит возвращение к той массовой уязвимости, которую удалось победить с таким большим трудом. И в этом движении нет ничего “маргинального”. Подобно тому, как пауперизм XIX в. находился в самом центре первой индустриализации, нестабильная занятость является главным процессом, порождаемым новыми технологическими и экономическими требованиями современного капитализма. К удивлению современников, именно в этом состоит “новый социальный вопрос”, имеющий те же масштабы и то же значение, что и пауперизм I половины XIX в.»²⁵⁸. Логично выделить ряд значимых современных тенденций в изменении труда.

Это *разрушение устойчивости* тех, кто ранее имел стабильное положение. Если ранее укрепление общества наемного труда постепенно расширяло фундамент обеспеченных социальных позиций и способствовало социальному восхождению, то сейчас происходит обратное движение.

²⁵⁷ Примечание: дезаффеляция – от понятия аффеляция – стремление принадлежать к какой-либо социальной группе, быть интегрированным в нее, иметь связи с членами данной группы. Мотив аффеляции – один из основных (наряду с мотивами достижения и власти) мотивов человеческого поведения. Дезаффеляция, таким образом, есть разрыв связи с группой, утрата чувства принадлежности.

²⁵⁸ Кастель Р. *Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда* / Пер. с фр.; общ. ред. Н.А. Шматко. СПб., 2009. С. 474–475.

Индивиды *укореняются в нестабильной ситуации*. Возникает «постоянный временный работник» с движением между работой и безработицей, сопровождающейся неуверенностью в завтрашнем дне, нестабильность становится судьбой, а непостоянный неинтересный труд неспособен стать основанием для проектирования предсказуемого будущего. Отсюда стратегия выживания, основанная только на настоящем, «жить одним днем».

Усиление нестабильности и роли безработицы есть проявление *дефицита мест*, которые можно занять в данной социальной структуре, если понимать под местом позицию, наделенную социальной полезностью и общественным признанием (риску не получить место подвергаются «стареющие рабочие», молодые люди в поисках первой работы, долговременные безработные, возможны и другие категории людей).

Р. Кастель дает такую характеристику «лишним людям» и приводит свое понимание «негативного индивидуализма»: «Наше общество будто бы с удивлением вновь открывает для себя существование группы населения, которая, как считалось, ушла в прошлое, а именно – “лишних людей”, находящихся в обществе, но не принадлежащих к нему. Это лишние люди, живущие на своего рода социально нейтральной территории, не интегрированы, и их невозможно интегрировать, по крайней мере, в смысле Дюркгейма, когда он говорит об интеграции как о принадлежности к обществу, образующему единое целое из взаимозависимых элементов.

Социальная бесполезность дисквалифицирует их в политическом и гражданском плане. В отличие от подчиненных групп индустриального общества – эксплуатируемых, но необходимых, они не могут влиять на ход вещей. Это “социально бессильные” и “лишние нормальные люди”. В современной социальной структуре они занимают такую же позицию, как представители “четвертого мира” в период расцвета индустриального общества: они не участвуют в системе товарного обмена, они опоздали на поезд модернизации и остались на перроне со своим скромным багажом... Проблемой является именно сам факт их существования. *Поскольку эти индивиды определяются негативно (беспольные, социально бессильные), то размеры этой группы трудно опреде-*

лить. И обычно они это сознают (курсив мой. – В.В.)»²⁵⁹. Кроме того, важно отметить, что все больше и больше представителей активного населения, а также и тех, кто находится в навязанной бездеятельности, все меньше идентифицируют себя через труд.

Существует сильная связь между экономической ситуацией, уровнем защиты населения и способами воздействия государства. События, которые будут направлять будущее развитие в ту или иную сторону, зависит от выбора в области экономической политики, организации труда и вмешательства социального государства. Кризисом будущего обозначил Р.Кастель четыре возможных сценария развития будущего²⁶⁰.

1. Деграция положения наемного труда, наблюдаемая с 1970-х гг., продолжится. Это будет прямым следствием безоговорочного принятия идеи гегемонии рынка с массой негативных последствий, разрушающих социальный порядок и социальную солидарность.

2. Поддержка в относительно нормальном состоянии современной ситуации ценой усилий, направленных на ее стабилизацию, примиряясь с существованием «лишних людей», процент которых оценивается от 10 % до 30 %, а в некоторых прогнозах речь идет о соотношении 20 % к 80 %, из которых последние 80 % – составляют проблему. Этот сценарий может быть связан с аномией, социальными девиациями, «исключением» и дезаффецией.

3. Осознание того, что труд теряет центральную роль, наемный труд деградирует и поэтому делаются попытки найти какие-то компенсации, альтернативы, например труд в сфере услуг частным лицам, называемой социальной экономикой, получатели пособий по временной безработице. Однако при этом важно, чтобы человек имел «статус», а не просто какое-то занятие. Социальное достоинство индивида необязательно базируется на наемном труде и даже не на труде как таковом, но на его социальной полезности, то есть участии в производстве общества.

4. Экономно распределять ресурсы, получаемые от социально полезной работы. Речь идет о производительном труде и минимальной социальной защите, о связи между доходами и правами.

В настоящее время ядром социального вопроса снова становится существование «бесполезных миру»²⁶¹, «лишних людей». Это связано с неустойчивостью, массовой уязвимостью, которую

²⁵⁹ Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. С. 478.

²⁶⁰ См.: Там же. С. 507–526.

²⁶¹ «Sunt pondus inutilitae terrae» – высказывание лионского юриста XVI в.: «Бродяга – бесполезное бремя земли».

испытывает *статус* наемного работника, конституирующий его социальную идентичность. Исторический процесс движения от общности к обществу, от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, привел к существованию *общества индивидов*. История общества наемного труда может быть интерпретирована как история наступления индивидуализма, трудностей и рисков существования в качестве индивидов. Сегодняшняя антропологическая ситуация – это массовый индивидуализм, но вот формы его реализации социально неравноценны. Уже XVIII в. может интерпретироваться как встреча двух форм индивидуализации: «Утверждается “позитивный” индивидуализм, связанный с попыткой перестроить общественное целое на контрактной основе. С введением своеобразной контрактной матрицы, индивидуализм стал востребованным, т. е. требовалось, чтобы индивиды, не имеющие средств, действовали как самостоятельные индивиды»²⁶² и «негативный индивидуализм», который ощущался как *изъятие* из членства в коллективах. «Это выражение, как, впрочем, и выражение “негативный индивидуализм”, может шокировать, поскольку обычно под индивидуализмом понимают придание ценности субъекту и его независимости от коллективной принадлежности»²⁶³. Такая форма индивидуализма, которая сочетает полную независимость индивида с полным отсутствием прочности его положения, характеризует «негативный индивидуализм». В прошлом – это образ «бродяги», существа, полностью лишённого связей (дезаффелированный). «Он принадлежит только самому себе, не является “ничьим человеком” и не имеет возможности включиться в какой-нибудь коллектив. Он индивид в чистом виде и вследствие этого всего лишен. Он индивидуализировался настолько, что стал сверхнезащищенным, выделился из плотной ткани отношений зависимости и взаимозависимости»²⁶⁴. В современном обществе дезаффелиция и исключение связаны с непостоянным характером работы, безработицей, изоляцией и утратой проекций в будущее. В образе бродяги доведены до предела черты, которые можно встретить в ситуации неопределенности. Она весьма дале-

²⁶² Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. С. 478, 543.

²⁶³ Там же. С. 541.

²⁶⁴ Там же. С. 542.

ка от культа «Я», не соответствует культуре образованных групп населения, соотносимого с культом успеха и субъектности. Она бремя «негативного индивидуализма».

Можно сделать вывод: современный процесс индивидуализации глубоко амбивалентен, противоречив. Он угрожает обществу фрагментацией, которая делает его неуправляемым, поляризует общество, так как существуют те, кто сочетает индивидуализм с независимостью, поскольку имеет прочную социальную позицию – «позитивный индивидуализм», и те, кто несет свою индивидуальность как крест, так как она означает недостаток социальных связей и отсутствие защиты – «негативный индивидуализм».

В интервью Р. Кастеля (2007 г.) с характерным названием «Знак времени: систематизация атипичных форм занятости» он подчеркнул: «В течение тридцати лет мы наблюдаем трансформацию – развитие негативного индивидуализма. Это сильный термин. Скорее можно говорить об индивидуализме с изъясном: у таких индивидов, несмотря ни на что, есть жизнь, устремления, но им не хватает минимальных базовых условий, чтобы стать полноценными гражданами общества (это хронический безработный, теряя работу, теряет не только доход, но и положение в обществе, достоинство; молодой человек, которому не удастся найти работу; преступник и т. д.). Все они «индивиды по умолчанию», у которых нет места в обществе. А это ставит вопрос о социальной сплоченности. Нам необходимо не полное равенство, но базовые условия для всех, минимальная гарантированная социальная защита, являющаяся условием социального гражданства»²⁶⁵. Этот тренд – трансформация индивидуализации – является, на наш взгляд, важнейшей тенденцией, формирующей контуры будущего. Вектор развития будет зависеть от таких факторов, как интеллектуальная рефлексия, направленная на понимание ситуации во всей ее сложности, политическая воля, направленная на социальную сплоченность общества и роль социального государства как социального института, создающего нормативный базис, противодействующий «негативному индивидуализму».

²⁶⁵ Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. С. 573–574.

Тренд целенаправленной биополитики и развития человеческого потенциала

Обсуждая будущее капитализма, важно определить стратегическую цель социальных изменений. Такой целью является развитие как качественно новое состояние человека и общества в их взаимодействии. Мировая элита пребывает в раздумьях, каким образом дальше развиваться, какие сделать акценты. Представляется, что наиболее адекватной для современности, а тем более для будущего, является парадигма развития.

Капитализм – это прежде всего система, ориентированная на производство прибыли, накопление капитала. Это классическое определение (К. Поланьи, И. Валлерстайн), где производство прибыли может выражаться в разных формах. Организованный и динамически развивающийся капитализм как система требует своего субъекта. Поэтому я выступаю адептом той позиции, что человек является главной движущей силой исторического процесса и одновременно является его бенефициарием, получателем благ.

Капитализм – это динамичная развивающаяся система. Но за счет чего?

- 1) За счет повышения эффективности капитализма как определенного типа социального порядка;
- 2) осознания историчности происходящих перемен, осознания новых вызовов и реализации соответствующих ответов;
- 3) за счет развития человеческого потенциала и создания новой экономической теории развития человека.

1. Повышение эффективности. Это зависимость сохранения эффективности капитализма как определенного типа социального порядка, цель которого – бесконечное накопление капитала, от человеческих ресурсов во всех возможных модификациях, в частности от капитала человеческого, социального, интеллектуального, символического, культурного. Каждый из этих видов капитала может выступать в форме, приносящей доход, его наращивание и применение в определенных областях и формах деятельности может способствовать экономическому росту и извлечению дополнительной прибыли. Например, *человеческий капитал* – знания, способности, навыки, желание и возможность самосовершенствования (человек как самопредприятие – У. Бек) – приобретает все

большую значимость в постиндустриальном информационном обществе, в обществе знания, в «экономике знания» по сравнению с основными материальными средствами производства. *Социальный капитал* – честность, доверие, порядочность, преданность делу и фирме, умение работать в команде как едином целом, верность данному слову – такие человеческие качества и ресурсы становятся все более востребованными и значимыми не только в политической и административной сферах деятельности, но и в повседневной жизни фирмы или предприятия. Интеллектуальный и культурный капитал широко используется в инновационных технологиях, СМИ, идеологии, в том числе и в коммерческих целях, а символический капитал – престиж, статус, место в социальной иерархии – дает дополнительные возможности для развития творческой личности.

Чтобы задействовать эти виды человеческих ресурсов в экономической деятельности и сделать их оптимальными, необходим переход к *биополитике*. Биополитика понимается как *забота о сохранении и преумножении человеческих ресурсов*, понятая в широком контексте *сохранения жизни* в самых разнообразных ее социальных формах. Вот почему «концепт жизни» важен не просто как биологический коррелят, применяемый в науках о жизни, а именно как категория социальных и гуманитарных наук.

К этим разнообразным формам сохранения и преумножения жизни можно отнести количественный состав населения (озабоченность в России депопуляцией), заботу о физическом и психическом здоровье человека, сохранение благополучия детства (проблема насилия над детьми, психологической депривации в детских домах), создание и развитие институциональных основ для совершенствования социальных форм жизни (образование, развитие компетенций, в том числе и профессиональных), развитие социального капитала на основе демократии участия в социальной жизни общества, соблюдение этики корпоративной культуры.

II. Осознание историчности происходящих перемен и новых вызовов связано, как нам представляется, с зависимостью сохранения эффективности капитализма от его реакции на критику. Это связано с его адаптивностью, умением извлечь позитив из критики и перестроиться. Существуют, по крайней мере, два вида фунда-

ментальной критики капитализма (по Л. Болтански)²⁶⁶: социальная критика и так называемая художественная критика. Первая – это критика бедности, нищеты, социального неравенства в его различных формах, недоступности ресурсов для развития человеческого потенциала. Реакция капитализма на этот вид критики – развитие в теории, а главное, на практике идеи социального государства, адресной помощи и т. п. Вторая – «художественная критика», которая включает права человека на творческую жизнь, реальную свободу реализации жизненного проекта. Этот вид критики всего труднее преодолеть ввиду того, что капитализм все делает средством, направленным на извлечение максимальной прибыли, такова его природа. Категории «польза», «экономический интерес» являются его центральными категориями, в то время как экзистенциальные потребности индивида, его духовная и душевная структура его не заботят. Поэтому проблематика «подлинного существования» или «исчезновения подлинности» являются своеобразным вызовом.

К числу адаптивных характеристик капитализма относится переход к новой общественной нормативности – переход к «экономической парадигме». «Номо economicus» нашел соответствие в лице «экономического общества», где принципы экономической рациональности (категории «интереса», «пользы» в условиях ограниченных ресурсов и необходимости делать рациональный выбор) становятся доминирующими в социальных взаимоотношениях. Отсюда можно сделать следующие предварительные выводы.

1. Необходимо осознание историчности происходящих перемен, так как тотальный экономизм предельно заостряет противоречия развития социальности. Это выражается в амбивалентности характера развития человеческого капитала, который и служит на пользу капитализму, и создает возможность для реализации собственного жизненного проекта в пределах доступных возможностей; в нерешенности проблемы человеческой индивидуальности (как она поставлена у К. Маркса и в современном контексте у Ю. Хабермаса в работе «Проблема легитимации позднего капитализма», глава «Конец индивидуума?»); в трансформации ментальности: от «пользы» к «смыслу», в том числе смыслу жизни, смыслу накопления.

²⁶⁶ Болтански Л., Кьяпелло Эв. Новый дух капитализма / Пер с фр.; под общ. ред. С. Фокина. М., 2011.

2. Привлечение знания, добытого философской антропологией, которая исследовала исторический характер понятия «природа человека» и пришла к выводам о многомерности констант «человеческой природы» и опасности редуционизма, сведение сущности человека только к рациональности, разуму, а отсюда шаг к признанию экономической рациональности как главной и единственно важной константы «человеческой природы». Вместе с тем, воля, эмоции, ценности, предпочтения, желания создают всю палитру многогранности «человеческой природы». Отсюда возможны разные предпочтения (ценности) в индивидуальном и социальном выборе развития.

III. Все эти соображения приводят в важнейшей проблеме, заявленной в качестве *стратегической цели*, – *концепту «развития человека»* как главной теме будущего капитализма и основе междисциплинарного дискурса. Подлинное богатство народов – люди. Основная цель развития состоит в создании условий, дающих людям возможность жить долгой, здоровой, творческой жизнью. Во Всемирных Докладах о развитии человека, издающихся в рамках ПРООН (Программы Развития ООН) с 1990 г., а в России с 1995 г., подчеркивается: «Развитие человека является процессом расширения спектра выбора. Наиболее важные элементы выбора – жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни. Дополнительные элементы выбора включают в себя политическую свободу, гарантированные права человека и самоуважение». В последнем, юбилейном докладе 2010 г.²⁶⁷ сказано: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете». В свете этого определения развитие человека имеет три измерения: благосостояние, расширение прав и возможностей субъектов социального действия и справедливость, понятая в плане обеспечения устойчивости результатов во времени, уважения прав человека и других целей общества.

По последним данным в рейтинге стран по ИРЧП (индексу развития человеческого потенциала) из 169 стран, складывающемуся из трех базовых показателей ожидаемой продолжительности

²⁶⁷ Доклад о развитии человека. 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. 20-е юбилейное издание. М., 2010. С. 2.

жизни при рождении (ОПЖ), образования (средняя продолжительность обучения) и ВВП на душу населения в долларах США, Российская Федерация не входит в страны с очень высоким уровнем ИРЧП, но входит в страны с высоким уровнем развития человеческого потенциала и занимает 65 место. ИРЧП ее составляет величину 0,719 на 2010 г., где единица составляет 100 % ИРЧП. Соответственно ОПЖ составляет 67,2 лет, обучение 8,8 лет, ВВП на душу населения – 15258 долларов США²⁶⁸. Лидеры в рейтинге по ИРЧП – Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, США имеют соответственно индекс ИРЧП – 0,938; 0,937; 0,907; 0,902; ОПЖ соответственно составляет 81 год; 81,9; 80,6; 79,6; а ВВП соответственно 58810; 38692; 25438; 47094 долларов США.

На основе эмпирических исследований и мониторинга человеческого потенциала в Российской Федерации социологи пришли к выводам²⁶⁹: россиянам присущ внутренний динамизм и готовность к переменам. При правильном понимании и использовании существует двигатель, способный придать невиданную динамичность развитию России, так как носит внутренний, а не внешний характер. Этот импульс – интерес к содержанию выполняемой работы.

Перспективы экономической модернизации во многом обусловлены состоянием и особенностями человеческого капитала российских работников. Ситуация с человеческим капиталом может характеризоваться как крайне опасная для перспектив модернизации России. Большая часть работников находится в положении частичной дисквалификации (не востребованности) либо общей деградации (в случае рабочих как группы с учетом тенденций ее межгенерационного воспроизводства). Тревожными тенденциями выступают постепенная люмпенизация рабочих низкой квалификации и массовый уход молодежи в торговлю, а не в индустриальный сектор. К распространению современных стилей руководства оказываются не готовы ни российский менеджмент, ни рядовые работники. Все это выступает серьезными барьерами на пути инновационного развития России, интеграции ее в экономику знаний, так как базой модернизации является наличие работника, ориентированного на саморазвитие и экономическую рациональность и формирование современной системы производ-

²⁶⁸ Доклад о развитии человека. 2010. С. 143–144.

²⁶⁹ См.: Готово ли российское общество к модернизации? М., 2010. С. 325–326.

ственных отношений. Общий уровень национальной модернизации России²⁷⁰ в период с 2000 по 2006 г. в рейтинге, состоящем из 131 страны мира, составил по индексу первичной модернизации (ИПМ) в 2006 г. – 97 и в рейтинге стран оказался на 41 месте, по индексу вторичной модернизации (ИВМ) – 66 и был на 31 месте, по индексу интегрированной модернизации – 59 и занял 37 место.

Тренд коррекции парадигмы «Homo economicus»

Особенности современного социально-экономического развития, связанные с движением по пути интегрированной модернизации к обществу знаний, заставляют по-новому посмотреть на модель «человека экономического», «Homo economicus». В.Г. Федотова обратила на это внимание следующим образом: «Существует скорее не кризис экономической теории вообще, а неолиберальной экономической теории, ошибочность ее основного постулата, согласно которому экономическая деятельность первичного агента экономической жизни детерминируется, прежде всего, его экономическим интересом, суть которого в максимизации индивидуальной полезности при минимизации издержек (получение максимума удовлетворения за минимальную плату). Следует признать, по крайней мере, неуниверсальность этой формулы экономической эффективности, ее большее соответствие характеру деятельности, чем природе человека, и напомнить об “экономическом человеке” Смита и Хайека, коренным образом отличным от приводимой его трактовки»²⁷¹.

«Homo economicus» – это абстрактная инструментальная модель, которая носит редуccionистский характер, поскольку не учитывает множество социокультурных и исторических переменных, характеризующих ее признаки. Именно поэтому отношение между «Homo economicus» и человеком, участвующим в реальной хозяйственной жизни, не изоморфное отношение между теорией и практикой, а отношение между предпосылками теории и практи-

²⁷⁰ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае / Под ред. Хэ Чуаньци. М., 2011. С. 70.

²⁷¹ Федотова В.Г. Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопр. философии. 2007. № 9. С. 30.

кой. Расширение предпосылочной базы теории за счет, например, воздействия на выделенные параметры «*Homo economicus*» социокультурной среды, социальных ценностей, принятых в данном историческом сообществе особенностей национального характера, характеристик человеческого и социального капитала, может обогатить образ экономического человека.

Исходя из этих соображений, мы нуждаемся сегодня в новой экономической теории развития человека, которая бы преодолела точку зрения, уравнивающую экономический рост и экономическое развитие. Теоретические модели исходят, как правило, из того, что люди озабочены только потреблением, а отсюда цель политики – максимизация роста. В противоположность этому в концепции развития человека центральный тезис – благополучие, которое имеет гораздо более широкий контекст. Он связан с продвижением жизненных планов, которые люди ценят, доход важен, но таким же важным является доступ к образованию, способность вести долгую и здоровую жизнь, влиять на решения, принимаемые обществом, жить в социуме, где уважают и ценят каждого. Таким образом, теоретические и эмпирические модели, исходящие из того, что люди стремятся лишь максимизировать потребление, являются недостаточными для реализации стратегической цели – развития человека и общества. Мы нуждаемся в экономической теории развития человека, которая открыто признает его многомерность. Слабая долгосрочная корреляция между ростом дохода и изменениями в образовании и здоровье, вывод, требующий интенсивных исследований, причем экономические возможности, правовые гарантии, политическое участие и пространственные виды неравенства должны изучаться совместно.

Главными направлениями исследований новой экономической теории развития человека являются проблемы расширения прав и возможностей людей, проблема неравенства и проблема уязвимости и устойчивости в развитии. Каждая из них требует своей фундаментальной междисциплинарной разработки, но последняя приобретает особый смысл в современную эпоху, так как связана со многими опасностями, существующими в настоящее время. Достаточно указать на такие, как:

– катастрофическое изменение климата, кумулятивный эффект которого фокусируется на экономическом росте;

- либерализация ведет одновременно к повышению доходов и снижению гарантий занятости;
- финансовая дерегуляция ведет к более высоким темпам роста и к повышенному риску кризисов;
- мало информации о возможных рисках, отсюда неопределенность развития и не хватает индикаторов риска, так же как и измерения устойчивости развития.

Тренд жизненной политики как социальной технологии. Многообразие стилей жизни

Многие исследователи указывают на то, что репертуар управленческих техник в будущем значительно расширится. В списке, составленном Германом Каном, в возможных в ближайшие 33 года технических изобретениях обнаруживается большое количество техник контроля за поведением и изменением личности²⁷²:

- это новые и более всеобъемлющие техники надзора, мониторинга и контроля;
- новые, более надежные «образовательные и пропагандистские техники», влияющие на частное и общественное поведение;
- практическое использование непосредственной электронной коммуникации для стимуляции работы мозга;
- новые разнообразные лекарственные препараты для контроля над утомляемостью, релаксаций, тревожностью, настроением, личностью, восприятием, фантазиями;
- проверенные возможности «перемены» пола;
- иные способы генетического контроля конституции индивида и влияния на нее.

Какие риски несут подобные управленческие техники, возможность которых не исключена в будущем и уже отчасти реализована в настоящем?

1. Отщепить²⁷³ человеческое поведение от системы норм культуры и вместо этого с помощью непосредственного физического и психологического влияния интегрировать в саморегулирующиеся подсистемы типа человек-машина.

²⁷² *Хабермас Ю.* Наука и техника как идеология. М., 2007. С. 108.

²⁷³ Там же. С. 109.

2. Психотехнические манипуляции поведением могут исключить субъектную интерпретацию культурных норм.

3. Биотехнологическое вмешательство в эндокринную систему и генетическую передачу наследственной информации может привести к еще более глубокому контролю над поведением. Тогда должны будут полностью атрофироваться старые зоны сознания, развившиеся в коммуникации на основе языка.

Вывод Ю. Хабермаса в связи с перспективами этого процесса: «Самообъективация человека была бы завершена в запланированном отчуждении – люди стали бы творить свою историю по собственной воле, но неосознанно»²⁷⁴. Таким образом, место определенного культурой самопонимания социального жизненного мира занимает самоовеществление человека в рамках целерационального действия и адаптивного поведения.

Если управленческие техники воздействуют на человека извне, то жизненная политика²⁷⁵ предполагает *выбор*, эта политика *выбора стиля жизни* (Э. Гидденс). Она связана с самореализацией человека в обществе позднего модерна, опирается на научный потенциал предлагаемых к использованию технологий. Политика жизненных решений, проистекающая из свободы выбора, ставит вопросы о создании морально оправданных форм жизни, порождает мораль, которая озабочена вопросом о том, как нам следует жить в посттрадиционном обществе. Жизненная политика затрагивает *самоидентичность* человека, которая сегодня является рефлексивным проектом. Применительно к проблеме индивидуальности человека ***политику стиля жизни, основанную на выборе, можно считать базовой социальной технологией.*** Какие же проблемы выбора формируют самоидентичность как рефлексивный проект?

Э. Гидденс называет эти болевые точки:

– *гендерная идентичность*: останется ли личность анатомически с тем же полом, в котором родилась;

– *проблема аборта*. Может или нет правообладатель тела иметь право на произведенное им. Возникает вопрос: является или нет зародыш человеком? В пространстве жизненной политики просматривается соединение философского определения человека, прав человека и ответственности;

²⁷⁴ Хабермас Ю. Наука и техника как идеология. С. 108.

²⁷⁵ Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford (Cal.), 1991.

– тело стало в условиях позднего модерна условием рефлексивной реструктуризации. В традиционном обществе оно «было дано», теперь его границы изменяются, так как в него входят *рефлексивная программа индивидуальности* при посредничестве абстрактных систем (экспертное знание). Это путешественники, практические руководители о том, как заниматься здоровьем, внешним видом, упражнениями, любовью и т. д. Это все социальные технологии, преобразующие естественное. Возвращение к телу инициирует новый поиск идентичности, и стратегии телесного развития занимают значительное место в жизненном планировании. *Совершенствование и его предполагаемый результат «совершенный человек» мыслится теперь не на пути духовного самосовершенствования, как было ранее, а доминантой становятся телесные практики, в том числе и распоряжение телесными продуктами и частями тела.*

Чем больше мы рефлексивно «делаем себя» как личности, тем больше сама категория того, чем является личность или человеческое существо, выходит на первый план, то есть возникает вопрос о границе, в которой человек остается человеком.

Важнейшей из биотехнологий в современном мире становится *проблема репродукции*. Это и социальная непрерывность воспроизводства человека, и биологическое продолжение вида. «Биологическая» репродукция к настоящему времени является полностью социальной. Это связано с появлением безопасных методов контрацепции, рефлексивного контроля над сексуальными практиками, введением репродуктивных технологий различных видов, и в итоге она становится полем, где превалирует множественность выборов. Э. Гидденс²⁷⁶ считает, что «конец» репродукции как судьбы связан с «концом природы». Что это значит?

а) Потенциал генной инженерии представляет дальнейшее прекращение репродукции как природного процесса, то есть нарушается целевая связь между жизнью и биологической эволюцией.

б) Перемена пола влияет не только на репродукцию, но и на физическую конституцию и проявления сексуальности, возникает проблема гендерной идентичности и самоидентичности.

в) Репродуктивные технологии видоизменяют возрастные опции между фертильностью и стерильностью.

Искусственное оплодотворение и зачатие в пробирке полностью отделяет репродукцию от традиционных категорий гетеросексуального опыта. Становится возможным суррогатное отцовство,

²⁷⁶ Giddens A. Op. cit.

материнство, в том числе и для использования гомосексуальных браков. Создание новой жизни впервые стало делом обдуманного конструирования (рождение Луизы Браун 25 июля 1978 г. ознаменовало прорыв в репродукции человека).

Какие технологии репродукции ждут нас в будущем и отчасти уже сегодня:

- оплодотворение в пробирке, оплодотворение яйцеклетки вне тела человека;

- оплодотворенный эмбрион помещается в матку с помощью техники ДНК – амплификации (распространения);

- мужские и женские эмбрионы могут быть различены и эмбрион желаемого пола имплантирован;

- возможна заморозка эмбриона, что дает возможность множественных беременностей без стимулирования яичников;

- возможность однойцовым близнецам быть рожденными годы спустя отдельно друг от друга;

- проблема эктогенеза (то есть создания человеческой жизни вне тела: производство детей без беременности) и клонирования.

Какие же выводы и оценки можно сделать из набирающей обороты жизненной политики, основанной на индивидуальном выборе и научных технологиях? Можно ли эти процессы считать совершенствованием человека, созданием искусственно и извне совершенного человека?

Думается, что ответ неоднозначен. Эти практики амбивалентны, так как наряду с лечебными эффектами несут в себе значительные риски. Эти риски таковы:

- социализированная репродукция соотносит индивидуальные решения с преемственностью самого человеческого вида. Ю.Хабермас считает, что мы «на пути к либеральной евгенике» и речь идет о самоинструментализации человеческого вида;

- рост населения как главного ресурса и потенциала любой страны становится включенным в абстрактные системы (знания, экспертизы);

- индивидуальное принятие решений может привести к непредсказуемым последствиям (гендерный дисбаланс и дисбаланс по половому признаку).

Вместе с тем, положительные моменты, которые возникают в связи с жизненной политикой, – это возвращение на социально значимое место моральных и экзистенциальных вопросов, кото-

рые на предшествующих этапах были подавлены институтами модерна. Это восстановление нравственности в общественной жизни и обновление моральных дискуссий о различных вариантах стилей и образов жизни.

Э. Гидденс обращает внимание в цитируемой работе на то, что общество позднего модерна излагает аналитические проблемы как моральные дилеммы:

а) что следует делать людям, чтобы не только выжить в природе, но как индивидуальная жизнь должна быть понята и прожита;

б) репродукция, рассмотренная с моральной точки зрения, зависит от того, как следует подходить к собственной конечности, что представляет собой «жизнь» как моральный и аналитический предмет обсуждения и каковы, например, права человеческого зародыша;

в) глобализация ставит вопросы о рисках, морали и выживании в контексте устройства нового мирового порядка;

г) вопрос о самоидентичности становится местом многообразия моделей образов жизни. Проектирование остается одной из форм контроля, направляемого идеей подлинности с моральной точки зрения. Это связано с правами личности и индивидуальности как условиями самосовершенствования и становления самоидентичности. Самоидентичность понимается в качестве незавершенного проекта человека модерна.

Тренд институционального обеспечения возможностей человеческого развития. Необходимость социологии знания

Антропологический поворот в самом общем контексте связан с пониманием значимости человеческих качеств в процессах социальных трансформаций. Без сомнения, важны технологические, социокультурные, политические направления модернизации, но при всем этом человек и его качества в реальной деятельности составляют ядро модернизационного процесса. Возникает вопрос о человеческом капитале, способах его измерения, а главное, в рамках каких теорий возможна адекватная реальности его интерпретация. Например, Индекс Развития Человеческого

Потенциала (ИРЧП), которым оперируют Доклады ООН о развитии человека и многие другие эмпирические показатели: на каких опосредующих теоретических основаниях они могут быть включены в политическую практику? Позитивные примеры в решении этих проблем есть, например, в теориях управления и менеджмента. С позиций теории развития общества от доиндустриального к индустриальному, а затем к постиндустриальному этапу выстраивается новая, изменяющаяся схема менеджмента: от управления по инструкциям (иерархический, авторитарный стиль), к управлению по целям (60-е гг. XX в.) и необходимый переход к управлению на основе ценностей (XXI в.), где ценность человеческого потенциала, человеческих ресурсов и компетенций в рыночной экономике становится определяющей, приносящей наибольший доход.

Человеческий капитал, человеческие качества не существуют абстрактно, вне конкретной, изменяющейся по стадиям человеческой жизни. Поэтому проблематика жизни, прежде всего в аспекте ее воспроизводства, становится центральной в социально-гуманитарном дискурсе во всем многообразии ее аспектов, от влияния экологии и наук о жизни – генетики, молекулярной биологии, биотехнологии – на ценности социального бытия до комплекса вопросов о манипулировании человеческой жизнью (эвтаназия, «информированное согласие», либеральная евгеника).

Проблема человеческой жизни и ее воспроизводства в социальном аспекте имеет совершенно новый поворот. Речь идет о феномене «исключения» и «социальной смерти» индивида, о разрыве связей с группой, утрате чувства принадлежности. Истоки этой ситуации в изменении характера наемного труда и структуры занятости. Меньше становится пожизненного найма, стабильных мест работы, распространяются неполная занятость, безработица, жизнь на пособия. Тенденция такова: от интеграции к уязвимости, от нее – к социальному небытию, связанному с разрушением статуса, отсюда «социальная смерть» «неприкаянных на земле» (бомжи, бродяги). При этом повороте в характере труда возникает важнейший вопрос о механизмах социальной защиты, характере деятельности социального государства, а теория должна дать модель институализированной структуры «социального», предохраняющей от рисков существования в человеческой жизни.

Новые информационные технологии способны создать сетевую экономику, которая создаст разнообразие статусов занятости. Эти гибкие формы труда и занятости становятся распространенными по всему миру. Например, по данным ООН, в Силиконовой Долине 50 % новых рабочих мест за последние 10 лет относятся к категории гибкой занятости. Нерегулируемый капитализм имеет последствия: наличие ценных индивидуумов с высокой производительностью и подвергшихся девальвации, неравномерность распределения знания (бедность по возможностям), возникновение «негативной индивидуализации», когда человек выброшен на произвол судьбы. Во всем мире широко распространены кризис этических ценностей и негативные последствия нерегулируемого капитализма. Необходима теория развития социально и этически ориентированная, теория современности (*modernity*), куда органично включается теория модернизации, взятая в единстве технологических инноваций и ее антропологического измерения, то есть персональной модернизации.

Вместе с тем, следует отметить в качестве исключительно значимой пролонгированной тенденции – тренд институционального обеспечения возможностей человеческого развития. Большинство эффективных процессов развития включают управление конфликтами, связанными с распределением, построением адекватной государственной и бизнес-системы, в которой государство имеет достаточно полномочий, чтобы компенсировать и ограничивать чрезмерное использование рыночной власти влиятельными группами капиталистов, разрешая социально-политические противоречия в пользу широкого предоставления социальных услуг. По наблюдению экспертов ООН, режимы с сильными институтами, борющиеся с коррупцией, осуществляющие политику верховенства закона, учитывающие качество управления, инвестиционный профиль, имеющие значительные государственные расходы на заработную плату, товары и услуги, способствуют более быстрому росту ИРЧП. Причем обращает на себя внимание поразительностью слабое совпадение между ростом дохода и изменениями в сферах здоровья и образования в течение времени. Развитие человека отличается от экономического роста, и значительные достижения в этой области возможны даже при отсутствии быстрого роста. Этот факт является обнадеживающим для модернизирующихся стран, которые имеют ограниченные ресурсы.

Западное социальное государство не коллективизировало и не уничтожило частной собственности, но создало “общественную собственность”: главным образом права и виды страхования, которые обеспечивают социальную защиту несобственников. Например, страхование против основных социальных рисков: болезни, несчастных случаев, старости и т. п. В настоящем, в связи с систематизацией атипичных форм занятости – сектор предоставления услуг частным лицам, временная и неполная занятость, срочный договор, договор первого найма, новые типы трудовых договоров, – возникает вопрос о праве на труд и системе социального страхования. В странах, где уже актуальны атипичные формы занятости, социальные институты, чтобы не допустить неумеренного расширения «негативного индивидуализма», предлагают привязать те или иные формы защиты к мобильным статусам, например личности работающего, чтобы сохранить страховку и права в период незанятости.

Социальные институты в период динамичных социальных трансформаций должны позаботиться и о «позитивном индивидуализме», создавая условия для развития индивидуальности в соответствии с принципами меритократии.

Подводя итог, можно отметить, станут ли контуры будущего, простирающиеся уже сегодня в тенденциях развития настоящего, благоприятной реальностью, зависит от того, как будет проходить рефлексивная модернизация, осознание противоречий и трудностей современного развития, опирающиеся на социологию знания и политическую волю, на основе эффективного использования современных социальных институтов, поддерживающих позитивный потенциал трендов возможного развития человека.

Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика

Человеческий капитал и человеческий потенциал: их единство и различие

Категорию «человеческий капитал» использовали первоначально и преимущественно экономисты. «Под человеческим капиталом понимаются качественные характеристики рабочей силы, способы и навыки, которые создаются индивидами путем инвестирования времени в свое обучение, образование и другие виды деятельности, которые повышают производительные возможности индивида и, соответственно, его доходы»²⁷⁷.

Оформление теории человеческого капитала как самостоятельного направления экономической теории приходится на вторую половину XX в. и связано с именами «чикагской школы» лауреата Нобелевской премии Гарри Беккера²⁷⁸, Теодора Шульца, Бартона Вейсборна, Ли Хансена, Джорджа Минцера. Они осознали, что в структуре мирового богатства возрастает доля нематериальных активов и признается наряду с физическим капиталом многообразие форм других видов капиталов, способных приносить доход. Происходит переориентация внимания с теории и практики использования наличной рабочей силы на проблемы воспроизводства рабочей силы принципиально нового качества. При характеристике человеческого капитала как экономической категории выделяют такие важные черты²⁷⁹: данный вид капитала

²⁷⁷ Социальная экономика: теория и практика / Под ред. В.В. Бузгалина, К.В. Маркаряна. М., 2007. С. 135.

²⁷⁸ *Becker G.P. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis.* N.Y., 1975.

²⁷⁹ Социальная экономика: теория и практика. С. 135.

выражает отношения между людьми по поводу вложений в формирование способностей к труду и их фактического использования; это экономическая оценка способностей человека приносить доход, включая в себя врожденные способности и таланты, образование и приобретенную квалификацию; эта та часть человеческих качеств – человеческого потенциала, которые, обладая основными качествами капитала, участвуют в производственном процессе создания новой стоимости. Инвестируя в человеческий капитал, люди откладывают текущий доход в надежде увеличить будущий. Такие черты человеческого капитала выделяет К.В. Маркарян²⁸⁰. Причем с точки зрения непосредственного процесса производства развитие человеческих способностей «можно рассматривать как производство основного капитала, причем основным капиталом является сам человек»²⁸¹. Иногда человеческий и социальный капиталы интерпретируются как метафоры, которые Д. Коулман считает заблуждением: «Если физический капитал полностью осязаем, будучи воплощенным в очевидных материальных формах, то человеческий капитал менее осязаем. Он проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом. Социальный же капитал еще менее осязаем, поскольку он существует только в воображении индивидов. Так же как физический и человеческий капиталы, социальный капитал облегчает производственную деятельность. Например, группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами»²⁸².

Учитывая недостаточность чувственной осязаемости человеческого капитала, экономисты стремятся решить проблему его количественной оценки, считая, что именно это было бы определяющим для легитимации человеческого капитала в качестве равноправного фактора материального производства. Предлагается ряд методов его количественной оценки: доходный метод, рыночный метод, затратный метод.

²⁸⁰ Социальная экономика: теория и практика. С. 135.

²⁸¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. (Первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 221.

²⁸² Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Обществ. науки и современность. 2001. Т. 3. С. 123–142.

Под рыночной стоимостью человеческого капитала можно было бы понимать денежное выражение его ценности, иначе говоря, наиболее вероятную цену, по которой он может стать предметом сделки в условиях конкуренции на открытом рынке. Он может стать методом определения его величины, заключающимся в анализе текущего спроса и предложения на аналогичный ему человеческий капитал. Доходный метод мог бы отражать предельную стоимость, больше которой не заплатит потенциальный инвестор, рассчитывающий использовать оцениваемый человеческий капитал только с целью получения дохода. Что касается затратного метода оценки человеческого капитала, то он был бы применим в случае возможности его замещения человеческим капиталом одинаковой с ним полезности либо воспроизводства аналогичного ему человеческого капитала»²⁸³. В итоге объективной оценкой человеческого капитала могла бы быть сумма оценки каждым из этих способов с учетом соответствующих им весовых коэффициентов, суммарно равных единице.

Подход к человеческому капиталу в рамках экономики и экономической теории в сфере экономических отношений рассматривает человека как субъекта творческой деятельности именно в производственных и иных сферах, целью которых является создание стоимости и получение прибыли, дохода. Человеческий капитал обладает способностью приносить доход. Вместе с тем, человеческие качества, в первую очередь творческие, являются по своей природе неотчуждаемыми качествами, способными постоянно воспроизводиться не только в экономической, производственной сфере, но и в других сферах и формах деятельности, не нацеленных на производство прибыли. Человеческий капитал выступает как часть человеческих качеств, человеческого потенциала в целом.

Надо отметить, что и человеческий потенциал в определенном смысле также подвергается операционализации. В рамках Программы развития ООН, посвященной развитию человека, начиная с 1990 г. во Всемирных Докладах о развитии человека, а с 1995 г. – в Докладах о развитии человека в Российской Федерации, применяется количественный показатель по странам мира, выстроенным в соответствии с рейтингом ИРЧП – Индексом Развития Человеческого Потенциала. Понятия «человеческий капитал» и «человече-

²⁸³ Социальная экономика: теория и практика. С. 138–139.

ский потенциал» взаимосвязаны, так как они относятся к человеку как тотальной целостности, но вместе с тем различны и не могут отождествляться. «Достаточно ли признания роли “человеческого капитала” для понимания важного значения того, что называется “человеческим развитием”; другими словами, развитием способностей людей совершать то, что их разум позволяет им оценить и выбрать..? Чтобы восполнить те элементы, которые отсутствуют в ограниченной концепции “человеческого капитала” и развития “людских ресурсов”, нам необходима более широкая концепция развития, которая бы уделяла внимание улучшению жизни и укреплению свободы человека, вне зависимости от того, опосредовано ли это улучшение расширением товарного производства»²⁸⁴. Под развитием человека (развитием человеческого потенциала) понимается расширение спектра и возможностей интеллектуального, социального, экономического, политического и морального выбора каждого члена общества. Концепция развития человеческого потенциала также имеет свою историю. В качестве исторических истоков можно назвать взгляды А. Смита, считающего человека частью общественного богатства, а также признание его целью общественного производства. Доклады в рамках ПР ООН инициировал с 1990 г. выдающийся ученый Махбуб-уль-Хак, в первом из которых была обозначена идея о том, что смысл и цели экономического и в целом общественного развития состоят в расширении возможностей каждого человека реализовать свои потенции и устремления, вести здоровую, полноценную, творческую жизнь. При таком подходе человек рассматривается не только как фактор социального развития, но и главный субъект, пользующийся его результатами.

Значительное влияние на оформление концепции человеческого потенциала оказали взгляды лауреата Нобелевской премии по экономике (1998 г.) Амаратыи Сена. Он трактует процесс развития человека как *процесс расширения возможностей людей*, а не только возрастание материального или экономического благосостояния. А. Сен считает, что цели общественного развития не в беспредельном увеличении производства, а в создании людям возможностей расширения выбора. Возможности и выбор тесно

²⁸⁴ *Amaratya S.* Human Development and Financial Conservatism // World Development. 1998. Vol. 26. No. 4. 1998. P. 734.

связаны между собой, а также свободой, как негативной (свобода от голода), так и позитивной (свободой осуществлять свои жизненные устремления). А. Сен прямо заявляет, что в конечном счете развитие – это вопрос свободы. В подобной трактовке развитие человеческого потенциала невозможно вне демократической, ориентированной на личностные приоритеты и ценности, общественной системы.

В первом из опубликованных в рамках ПР ООН доклада о человеческом развитии, выдвигаются следующие идеи.

– Человеческое развитие есть процесс расширения возможностей выбора. В принципе выбор может быть беспредельным, а его параметры меняются со временем. Но на всех уровнях развития наиболее значимой для человека является возможность вести долгую, здоровую жизнь, приобретать знания и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного существования. Без этого многие другие возможности остаются нереализованными.

– Этим человеческое развитие не ограничивается. Существуют другие, высоко ценимые многими возможности, начиная с политической, экономической и общественной свобод и кончая условиями, благоприятными для творчества и созидания, самоуважения и гарантированных прав человека.

– У человеческого развития есть две стороны: формирование физических возможностей человека, таких как обеспечение здоровья, накопление знаний и навыков, и та польза, которую люди могут извлечь из этого для досуга, продуктивной деятельности и активной культурной, социальной и политической жизни. Если равновесие между двумя этими сторонами не обеспечено, может возникнуть заметная напряженность.

В соответствии с такой концепцией у человеческого развития доход – хотя и важное, но не единственное направление индивидуальных притязаний. Поэтому развитие не может быть ограничено только ростом дохода и благосостояния. В центре его – человек.

Управление развитием человека в социально-философском и политическом смысле предполагает выстраивание, обоснование и доведение до практических результатов реализации определенной иерархии приоритетов в развитии на основе определенных ценностей. Если сравнивать первый и последний юбилейный

Доклад о развитии человека в рамках ПР ООН за 2010 г., важно обратить внимание на следующие положения и приоритеты последнего доклада²⁸⁵.

1. Уточнение определения развития человека: развитие человека представляет собой включение в число человеческих свобод права людей на долгую, здоровую и творческую жизнь, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; на активное участие в обеспечении справедливости и устойчивости развития на нашей общей планете. Люди – как индивидуально, так и в группах – одновременно являются и бенефициариями, и движущей силой социальных изменений.

Это новое определение подчеркивает суть развития человека: мотивы устойчивости, справедливости, расширения прав и полномочий и присущую данному подходу гибкость.

2. Экономические концепции, изучающие рост и особенно его связь с развитием, нуждаются в радикальном пересмотре. В подавляющем большинстве случаев в огромном массиве теоретической и практической литературы экономический рост приравнивается к развитию. Эти модели, как правило, исходят из того, что люди озабочены только потреблением, и эмпирические приложения к названным моделям сфокусированы почти исключительно на воздействии политических стратегий и институтов на экономический рост.

В отличие от этого, в центре концепции развития человека лежит положение о том, что благополучие не только сводится к деньгам, ибо люди должны также иметь возможности для реализации своих жизненных планов, которые по тем или иным причинам разработали для себя и хотят осуществить.

Отсюда призыв к созданию новой экономической концепции – экономики развития человека, задачей которой является содействие дальнейшему росту благосостояния людей и в рамках которой рост и другие политические действия оцениваются и энергично реализуются в той мере, в какой они продвигают развитие человека в краткосрочном и долгосрочном периодах.

3. Одним из наиболее неожиданных результатов исследований в области развития человека в последние годы, что подтверждается в Юбилейном Докладе, является отсутствие существенной кор-

²⁸⁵ Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. М., 2010. С. 2–9.

реляции между экономическим ростом и улучшениями в области здравоохранения и образования. Эта связь особенно слаба при низком и среднем уровнях ИРЧП – индекса развития человеческого потенциала, который складывается из трех базовых показателей: ОПЖ – ожидаемой продолжительности жизни при рождении, дохода на душу населения и уровня образования. Идеи, связанные с технологиями, сберегающими здоровье, политические идеалы и продуктивная политика носили преобразующий характер в разных странах. Многие инновации позволили некоторым странам улучшить здравоохранение и образование при очень низких затратах, что объясняет, почему корреляция между доходом и не связанными с доходом измерениями со временем ослабела. Отсюда вывод: развитие человека отличается от экономического роста и существенных достижений можно добиться даже без быстрого роста (например: такие страны, как Коста-Рика, Куба, Шри-Ланка, индийский штат Керала, достигли более высокого уровня развития человека, чем другие, при своих доходах).

Управление развитием человеческого потенциала, где составной частью является человеческий капитал в его стратегическом социально-философском и политическом аспектах, связано с решением проблем, затрагивающих жизнь каждого человека. Накопление жизненных ресурсов не является самодостаточной целью. Интеллектуальный, человеческий, социальный и другие виды капиталов являются условием динамичного и эффективного экономического развития, столь значимого еще просто для элементарного выживания большей части человечества, но и одновременно создающего основы для более высокой цели – человеческого развития личности, способной и имеющей социальные условия для реализации своего уникального и поэтому незаменимого жизненного проекта. И эти процессы идут, можно сказать, не последовательно, один за другим, а одновременно и противоречиво, в зависимости от исторического и современного социального контекста различных стран мира.

Модели менеджмента: опыт управления человеческим капиталом

Управление развитием человеческого капитала – многогранный процесс. В нем можно выделить ряд значимых направлений для анализа:

1) вызовы современной экономики, предъявляемые системе управления человеческим капиталом в лице персонала компаний. Эволюция моделей менеджмента и содержательные преимущества модели управления на основе ценностей;

2) организационное развитие управления человеческим капиталом на основе изменения культуры компаний: культура контроля и культура развития;

3) проблемы индивидуализации в структуре управления: роль лидера в управлении персоналом, личностное развитие руководителя, качества, развивающие сотрудничество и образующие социальный капитал, эмоциональное воздействие лидера.

Руководители, игнорирующие влияние персонала и корпоративной культуры на работу их предприятия, рискуют многим. Нехватка рабочей силы, обладающей солидным человеческим капиталом, создает конкурентный рынок, а стремление получить опытных и образованных сотрудников превратило эффективное управление персоналом в ключевой показатель.

Исследования²⁸⁶ подтверждают, что методы управления и развития персонала приносят большую рентабельность инвестиций, чем новые технологии и разработки (НИОКР), конкурентная стратегия или инициативы по повышению качества работы позволяют успешно нанимать и удерживать персонал тем компаниям, которые проявляют гибкость и используют инновации в своей HR-политике. Исследование, проведенное в Великобритании (*Management Today*), **представляет количественные результаты, доказывающие влияние персонала на итоговые достижения компаний.** В течение семи лет Институт персонала и развития оценивал балансовые отчеты 100 производственных компаний. Оказалось, что от управления персоналом зависит 19 % различий в производи-

²⁸⁶ *Oliver J. (1998, March). Invest In People and Improve Profitability and Productivity, Management Today. URL: Tsupport@Bellhowell, inforlearning – com (дата обращения: 10.12.2013).*

тельности между компаниями и 18 % различий в объемах дохода, что выше влияния НИОКР. Более того, исследователи определили, что инициативы, направленные на улучшение качества, создание новых технологий и конкурентной стратегии, способны увеличить доход компании всего на 1 %.

Другое исследование²⁸⁷, связывающее высокую производительность сотрудников с доходом акционеров, помогло выявить значение коллегиальной и гибкой рабочей структуры, эффективность планов коммуникаций и разумного использования ресурсов для итоговой прибыли и отчетности. Согласно исследованию Watson Wyatt Consulting, индекс человеческого капитала (HCI), который с помощью формул оценивает воздействие различных методов управления персоналом на корпоративную производительность и резюмирует результаты оценки в конкретном индексе, подтверждает, что существует четкая взаимосвязь между эффективностью сотрудников компании и высоким доходом акционеров. Более того, исследователи, определявшие с помощью простых методов оценки, какие принципы управления персоналом оказывают наибольшее влияние на акционерную стоимость, сделали следующий вывод: профессиональный рекрутинг, четкая политика вознаграждений и отчетностей, гибкая рабочая культура, основанная на сотрудничестве, эффективные коммуникационные планы и разумное использование ресурсов значительно повышают акционерную стоимость. Последствия этих факторов очевидны для конкурирующих сторон, стремящихся увеличить ценности в результате повышения качества и ориентированности на клиентов в условиях сложного, требовательного и постоянно меняющегося мирового рынка. Косные модели менеджмента, основанные на иерархическом управлении сотрудниками в условиях относительной стабильности, создали весьма неустойчивую систему для деятельности современных компаний в период глобальных и технологических перемен. Традиционная командно-административная практика душит творческий процесс, критически важный для инноваций, умения приспосабливаться к различным условиям

²⁸⁷ *Kay L., Luss R. (1999). Creating Superior Returns to Shareholders Through Effective Human Capital Management, The Watson Wyatt Human Capital Index; Human Capital Index; Linking Human Capital and Shareholder Value. URL: http://ww.watsonwyatt.com/homepage/Human_Capital_Index/index.htm (дата обращения: 10.12.2013).*

и успешно конкурировать. Изменения, произошедшие в XX в., привели к коренному переосмыслению организационной структуры и философии управления на пути к обновлению корпоративной культуры. Необходимо, с одной стороны, добиваться стабильности внутри организации и внедрять в корпоративную культуру лучшее из прошлого опыта, но, с другой стороны, способствовать развитию нового мышления и иных методов работы. *Главная задача* заключается в том, чтобы при сокращении эффективных механизмов оценки результатов работы *раскрыть потенциал каждого сотрудника компании*. Внедрить такую бизнес-модель нелегко, так как это требует реорганизации культуры предприятия. Неспособность понять, с чем именно связано внедрение и развитие новых убеждений и ценностей среди персонала на всех уровнях компании, обречет на неудачу такие инициативы, как комплексное управление качеством, постоянные ее улучшения, эффективное планирование. Если не уделять должного внимания основе компании – ее культуре, то все эти процессы рискуют превратиться в модные, но бессмысленные модели менеджмента.

В настоящее время известны такие общие менеджерские модели, как управление по инструкциям (Managing by Instructions – MBI), управление по целям (Managing by Objectives – MBO), и ряд авторов, среди которых особенно следует отметить испанских исследователей Саймона Долана и Сальвадора Гарсия²⁸⁸, которые активно и аргументированно предлагают модели управления на основе ценностей (**Value-Based Managing – MBV**), **опыт и практика** которых могут быть востребованы и в российских компаниях, ориентированных на эффективное управление человеческим капиталом. Сегодня, в современной рыночной ситуации, особенно необходим инструмент стратегического управления, который раскрывает рыночный потенциал компании через связь с каждым сотрудником. Управление на основе ценностей (**Management By Values – MBV**) может рассматриваться в качестве такого инструмента.

В отличие от MBI и MBO, **MBV – управление на основе ценностей** – включает все многообразие повседневной работы. MBV затрагивает растущую потребность в высоком качестве работы и

²⁸⁸ Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI в. М., 2008.

ориентированности на клиента, в руководителях, способствующих успеху сотрудников, в профессиональной самостоятельности и ответственности внутренних корпоративных акционеров, в упрощенной и гибкой организационной структуре. Возрастающая сложность, неопределенность и стремительность изменений, характерных для делового мира XX в., обусловили эволюцию организационного менеджмента. Традиционный подход Управления по инструкциям (МВИ), доминирующий в начале XX в., в 60-е гг. XX в. сменился все еще популярным Управлением по целям (МВО). Теперь появился новый подход – Управление на основе ценностей (МВУ). Истоки этой концепции связаны с идеями Ричарда Нормана, выдвинутыми на семинаре по организационному обучению (Стокгольм, 1992 г.).

Ценности можно определить как устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный способ поведения либо конечная цель существования. Система ценностей – устойчивая система убеждений о предпочтительных методах поведения или смысле и цели существования. Модель управления на основе ценностей применима к большинству организаций и этим интересна, так как представляет не только теоретический интерес, но и может эффективно применяться на практике. Организация с четкими и общими для всех сотрудников ценностями сможет намного эффективнее применять креативные методы работников. В наши дни способность адаптироваться к неопределенности (на все случаи жизни нет инструкций) – обязательное требование для участия в организационной жизни. Можно даже сказать, что это ключевое слово для личностного и профессионального развития. Конечно, ценности не уничтожают потребности в целях или инструкциях, но они придают больший смысл им, делают их более гибкими и приемлемыми.

Эволюцию моделей управления и их сравнительный анализ можно представить в виде следующих параметров²⁸⁹.

Основные характеристики МВИ, МВО, МВУ.

МВИ – управление по инструкциям: Ситуация – повседневная работа; управление исполнителями; тип лидера – традиционный; образ клиента – потребитель-покупатель; товарный рынок – монополизиро-

²⁸⁹ Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. С. 45–46.

ванный – стандартизированный; организационная структура – многоуровневая пирамида; потребность в умении приспосабливаться к неопределенности и потребность в самостоятельности, ответственности – низкая; тип рынка – стабильный; философия управления – сверху вниз, непосредственный контроль деятельности; цель организации – поддерживать производство; масштаб стратегического видения – краткосрочный; основные культурные ценности – количественное производство, лояльность, дисциплина.

MBO – управление по целям: Ситуация – умеренная сложность, сравнительно стандартизированное производство; управление сотрудниками; тип лидера – сосредоточен на распределении ресурсов; образ клиента – потребитель-клиент; товарный рынок – сегментированный; организационная структура – пирамида с несколькими уровнями; потребность в умении приспосабливаться к неопределенности и потребность в самостоятельности, ответственности – средняя; тип рынка – умеренно-изменяемый; философия управления – контроль и поощрение личных достижений; цель организации – улучшать результаты; масштаб стратегического видения – среднесрочный; основные культурные ценности – оценка результатов, рационализация, мотивация, эффективность.

MBV – управление на основе ценностей: Ситуация – потребность в креативе для решения сложных вопросов; управление профессионалами; тип лидера – лидер перемен (способствующий преобразованиям); образ клиента – клиент пользуется свободой выбора; структура – функциональные объединения, проектные команды; потребность в умении приспосабливаться к неопределенности, потребность в самостоятельности, ответственности – высокая; тип рынка – непредсказуемый, динамичный; философия управления – поощрение самоконтроля; цель организации – постоянно совершенствовать процесс; масштаб стратегического видения – долгосрочный; основные культурные ценности – участие сотрудников в процессе, креатив, взаимное доверие, преданность.

Эти три подхода к управлению, отличающиеся друг от друга по 12 параметрам, наглядно демонстрируют приоритеты управления человеческим капиталом, акцентирующие такие ценности в деятельности сотрудников, как потребность в творчестве (креативе) для решения сложных вопросов, профессионализм, потребность в умении приспосабливаться к неопределенности, потребность в самостоятельности и ответственности, поощрение самоконтроля, взаимное доверие, преданность компании.

Модель управления на основе ценностей носит трехмерный характер. Это:

– *Экономико-прагматические ценности.* Они касаются эффективности, производственных стандартов и дисциплины.

– *Этико-социальные ценности* согласуются с социальными ценностями, такими как честность, уважение, лояльность.

– *Эмоционально развивающие ценности* необходимы для создания новых возможностей для деятельности.

Можно привести ряд примеров успешной реализации управления человеческим капиталом.

Компания United Parcel Service (UPS) – крупнейшая в мире служба почтово-посылочных перевозок. Она охватывает всю территорию США и более 200 стран по всему миру. Только в 2000 г. ее чистая прибыль составляла 29,8 млрд. Она руководствуется следующими корпоративными ценностями: «Люди раскрывают весь свой потенциал, когда гордятся своим вкладом в общее дело, когда к ним относятся с уважением, а условия работы способствуют развитию их талантов и поощряют разнообразные навыки». Руководство считает, что «основа успеха – сотрудники. Именно поэтому они вознаграждаются за преданность, высокие достижения и личностный рост, опираясь на три долгосрочные инициативы компании: предоставление сотрудникам права покупки акций компании, вручение наград за профессиональные достижения и постоянное обучение и тренинг. И это дает результаты»²⁹⁰. В условиях, когда ценится прежде всего личностное развитие человека и рост компании, сотрудники мотивированы на продвижения.

Компания **Hewlett-Packard (HP)** – успешная компания по производству офисного оборудования и компьютеров в США – признала преимущества самостоятельной рабочей силы более 40 лет назад, когда определила свои корпоративные цели. Она использует модели управления на основе взаимного доверия и понимания. В ней работают 88500 сотрудников в 120 странах, а чистая прибыль в год составляет 50000000 долларов. В этой компании самостоятельность способствует индивидуальной мотивации, инициативности и креативу и позволяет сотрудникам работать, пользуясь огромной свободой в достижении общих целей²⁹¹. Роль имиджа и личностных качеств руководителей демонстрируют биографии выдающихся управленцев, таких как Джон Пирпонт Морган, за-

²⁹⁰ Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. С. 52.

²⁹¹ <http://www.hp.com.hpinfo/abouthp/main.htm> (дата обращения: 13.02.2011).

ложивший основы самой мощной и эффективной экономики современного мира – экономики США. В бизнесе, как и в любом другом виде человеческой деятельности, особенно в высших ее проявлениях, высока роль личности. Именно от личности зависит выбор и принятие решения в важных и критических управленческих ситуациях, которые определяют, по какому пути пойдет основное развитие²⁹². В случае Моргана – это благосостояние американского народа. Морган выбрал управляемую экономику как стратегическое направление, деньги для него никогда не были самоцелью, а лишь эффективным управленческим ресурсом. Морган в управленческой практике использовал разнообразные управленческие ресурсы. Но одному виду ресурса – *репутации* банкира, финансиста, бизнесмена придавал особое значение. У того, кто занимается бизнесом, главным является доверие клиента, в основе которого «моральный облик бизнесмена»²⁹³.

Таким образом, если раньше ценности считались слишком слабой и неустойчивой концепцией, чтобы включать ее в серьезный подход к управлению, то теперь они становятся основой организационной стратегии. Управление на основе ценностей – это философия и практика управления, так как этот подход сосредоточен одновременно и на важнейших ценностях компании, и на ее стратегических целях. Ценности – это гибкая основа для постоянного обновления корпоративной культуры, вдохновляющая на коллективную ответственность.

Подводя итог, следует ответить критикам концепции человеческого капитала, высказывающим обоснованные опасения о том, что человек и как рабочая сила, и как личность, обладающая креативным потенциалом, может стать товаром в условиях рыночного фундаментализма. «В обстановке господства рыночного фундаментализма (используя термин Дж. Сороса) вышедшие на первый план креативные свойства человека будут объективно превращаться в частную собственность, которую корпоративный капитал будет стремиться присвоить (или хотя бы использовать), надевая на творческую личность маску “капитала” и отрицая все формы неотчужденного развития человеческих качеств»²⁹⁴. По-

²⁹² Литвак Б.Г. Великие управленцы. М., 2006. С. 618.

²⁹³ Там же. С. 624.

²⁹⁴ Социальная экономика: теория и практика. С. 132.

этому важно подчеркнуть еще раз идею о том, что человеческий капитал составляет лишь часть качеств человеческого потенциала, используемого в экономике. Вместе с тем, человек – субъект деятельности не только в экономике, но и в других сферах, в которых неотчуждаемые личностные творческие качества проявляются. Поэтому возникает выбор: человек для экономики или экономика для человека как стратегическая цель социального развития. Концепция человеческого потенциала (развития человека) в условиях капиталистической рыночной экономики может быть реализована, на наш взгляд, на основе такого типа развития, которое будет связано с конкурентными преимуществами не столько физического, а сколько именно человеческого капитала.

Заключение

Персональная модернизация является теорией, находящейся в становлении, которая способна описывать реальный процесс трансформации человека в обществе модерна. Ее содержанием является проблематизация взаимодействия человека с обществом, его социальными структурами и институтами. Вместе с тем она показывает характер эволюции социально-гуманитарного знания при описании человека в обществе модерна, выявляя его процессуальность, контекстуальность и различные интерпретации. Отталкиваясь от выявления антропологических и существенных признаков современного человека, исследование идет к анализу универсальных условий существования институтов современности и их последствий для личности человека, углубляется в понимание неоднородности современности и возрастающего значения культурных и региональных особенностей, инициируя модели национальных модернизаций с учетом персональных качеств людей.

Если трактовать человека как незавершенный проект модерна, то важно обозначить векторы его возможных изменений. Есть обоснованная позиция отечественными исследователями – В.Г. Федотовой, В.А. Колпаковым, Н.Н. Федотовой – о том, что логика исторической модернизации человека соответствует этапам современности. Автономный ответственный индивид – модульный человек – экономический человек характерен для Первой либеральной современности; массовый, ставший потребителем в потребительском обществе, характерен для Второй организованной современности, а Третья современность, начавшаяся с 90-х гг. XX в., еще не сформировалась. Поэтому проблема выявления особенностей человека данного этапа современности представляется как актуальная исследовательская задача.

Другие исследователи, в частности Н.Н. Зарубина, обращают внимание на вектор возможных трансформаций человека, обусловленный изменением характера труда, связанного с осознанием конца «трудового общества» и «экономического человека», ориентированного «на удовлетворение в первую очередь материальных потребностей и рассматривающего труд и предпринимательскую деятельность как основные формы существования, способы са-

моутверждения и самореализации»²⁹⁵. С внедрением информационных технологий изменение характера труда означало начало перехода, пишет Н.Н. Зарубина, к качественно новому состоянию рабочей силы. «На место “одномерному человеку” индустриального общества приходит “многомерный человек” (а по существу, фрагментированный), потребности и ценности которого должны выйти за рамки потребления, который должен освободиться от господства материальных, экономических мотивов и стремиться к развитию собственных способностей...»²⁹⁶. Таким образом, речь идет о трансформации человека в связи с изменением ценностных ориентаций и базовых мотиваций деятельности в направлении самовыражения и реализации личностного потенциала.

Есть также точка зрения о том, что вектор возможных изменений человека в постиндустриальном, информационном обществе связан с переосмыслением индивидуализма как мегатенденции в конце XX – начале XXI в. «Мы движемся в сторону дуализма «технический прогресс (high tech) – душевный комфорт (high touch), когда каждая новая технология сопровождается компенсаторной гуманитарной реакцией»²⁹⁷, где душевный комфорт обеспечивает «телевидение, таблетка, хоспис». Что же касается непосредственно индивидуализма, то «это не индивидуализм типа “каждый сам за себя”, когда удовлетворяются собственные желания, а до всех остальных нет никакого дела. Это этическая философия, возвышающая личность до мирового уровня; мы все в ответе за сохранение окружающей среды, предотвращении мировой войны, уничтожении нищеты»²⁹⁸.

Каждый из обозначенных сценариев возможного вектора трансформации человека в обществе модерна в какой-то мере реализуется. В представленной работе также рассматриваются тренды возможного развития человека как долгосрочные тенденции, реализация которых осуществляется в конкретных социокультурных контекстах разных стран, имеющих национальную специфику.

²⁹⁵ Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998. С. 190.

²⁹⁶ Там же. С. 192.

²⁹⁷ Нейсбит Дж. Мегатренды. М., 2003. С. 8.

²⁹⁸ Нейсбит Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: год 2000. М., 1992. С. 343.

Персональная модернизация в России для нас особенно значима, и поэтому требует специального дополнительного исследования, как и вопрос о человеческом потенциале России²⁹⁹.

Вместе с тем особое внимание хотелось бы обратить на тренд трансформирующейся индивидуализации, которая несет в себе амбивалентные тенденции: выступает как позитивная и негативная. Логика персональной модернизации тесно связана с трансформацией индивидуализации: от свободного автономного ответственного индивида классического капитализма к массовому индивиду развитого индустриализма, а от него к «негативному» неукорененному индивиду периода рефлексивной модернизации. Вот этот неукорененный, «негативный индивид» и составляет, на наш взгляд, главную и причем универсальную для всего глобального мира проблему. Она связана с трансформацией общества наемного труда, с разрешением вопроса о разделении людей, востребованных в мире труда, способных проявить позитивный индивидуализм и «бесполезных миру», характеризующихся негативным индивидуализмом. Начало этому процессу было положено в 60–70-е гг. XX в. На первый план в современном обществе выходит социальная проблема уязвимости, социального исключения, сегрегации, дезаффиляции. Эта ситуация связана с метаморфозами труда, порождаемая технологическими и экономическими требованиями современного капитализма, местом в социальном разделении труда, статусом, обусловленным трудом, правовыми гарантиями и социальным страхованием, безработицей, неполной занятостью и нестабильностью положения наемного работника. «Новый социальный вопрос» имеет те же масштабы и значения, что и пауперизм первой половины XX в. (Р. Кастель). Ядром социального вопроса становится существование «лишних людей», что связано с неустойчивостью, массовой уязвимостью, которую испытывает статус наемного работника, конституирующий его социальную идентичность. Нам необходимо не полное равенство, но базовые условия для всех, минимальная гарантированная социальная защита, являющаяся условием социального гражданства. Не случайно, что эта про-

²⁹⁹ См.: Человеческий потенциал как критический ресурс России / Отв. ред. Б.Г. Юдин. М., 2007.

блема стала предметом анализа в последнем Докладе о человеческом развитии 2014, подготовленном Программой развития ООН (ПР ООН), с характерным названием «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости». Важно отметить, что в Докладе дается расширенное представление об уязвимости, связанной не только с наемным трудом, но и природными катастрофами, финансовыми кризисами, вооруженными конфликтами. Вместе с тем речь идет не только о наиболее уязвимых людях, живущих в условиях крайней нищеты и депривации, но и о структурно уязвимых. Это могут быть бедняки, женщины, иммигранты, группы коренного населения, лица пожилого возраста. Отсутствие безопасности этих групп населения эволюционирует и продлевается на долгие периоды, создавая различия – по гендерному, этническому, расовому признаку, виду работы и социальному статусу. Анализ и исследование этих проблем негативной индивидуализации, поиск их решения также показывает вектор возможных социальных изменений и трансформации человека общества модерна на пути к социальной солидарности, преодолению конфликтности и реальному гуманизму.

Содержание

Введение. Человек как незавершенный проект модерна	3
Человек в историческом измерении: плюрализм методологических подходов	7
Дискурс философской антропологии: поиск универсальных констант человеческой природы	10
Нормативный подход: от должного к сущему или от сущего к должному? «Образцовый» и «хороший» человек в различных культурах	27
Концепт жизни: индивидуальная человеческая жизнь и человеческое развитие. В поисках новой парадигмы социально-философского дискурса	64
Современность как социальная трансформация человека	119
Связь современности с персональностью человека. Исторические истоки персональной модернизации: Номо capitalismus В.Зомбарта, М.Вебера, К.Поланьи	119
Исторические этапы персональной модернизации: свободный, автономный индивид, типы модульного, экономического и массового индивидов	141
Персональная модернизация в институциональных формах позднего модерна. Рефлексивность современности	149
Рефлексивная модернизация и будущее: тренды возможного развития человека	160
Содержание рефлексивной модернизации и ее связь с персональной модернизацией	160
Тренд трансформирующийся индивидуализации: позитивная и негативная индивидуализация	180
Тренд целенаправленной биополитики и развития человеческого потенциала	189
Тренд коррекции парадигмы «Номо economicus»	194
Тренд жизненной политики как социальной технологии. Многообразие стилей жизни	196
Тренд институционального обеспечения возможностей человеческого развития. Необходимость социологии знания	200
Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика	204
Человеческий капитал и человеческий потенциал: их единство и различие	204
Модели менеджмента: опыт управления человеческим капиталом	211
Заключение	219

Научное издание

Веряскина Валентина Петровна
Трансформация человека в обществе модерна

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*
Технический редактор *Ю.А. Аношина*
Корректор *И.А. Мальцева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 30.04.15.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 500 экз. Заказ № 11.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*
Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:
<http://iph.gas.ru/arhive.htm>